

Звезды
НОВОЙ
фэнтези

ДЖИМ БАТЧЕР

АРХИВЫ ДРЕЗДЕНА

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ВИНЫ
БЕЛАЯ НОЧЬ

Лучший образец городской фэнтези, соединивший в себе
эффектную магию и глубоко проработанный характер героя.

Publishers Weekly

Звезды новой фэнтези

Джим Батчер

**Архивы Дрездена:
Доказательства вины. Белая ночь**

«Азбука-Аттикус»

2006, 2007

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Батчер Д.

Архивы Дрездена: Доказательства вины. Белая ночь / Д. Батчер —
«Азбука-Аттикус», 2006, 2007 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-21203-9

Его зовут Гарри Блэкстоун Копперфилд Дрезден. Можете колдовать с этим именем – за последствия он не отвечает. Когда дела принимают странный оборот, когда то, чему положено хорониться во мраке, выползает на свет, когда никто больше не может помочь вам, звоните... Кому? Ему, Гарри Дрездену. Имя его есть в «Желтых страницах»... Так случилось, что магам из Белого Совета позарез нужен человек, способный достоверно установить: правда ли то, что черная магия вновь правит бал в Чикаго? Выбор, естественно, пал на Дрездена. А еще, как назло, к Гарри заявляется дочь его старого друга, знакомого которой несправедливо обвиняют в чудовищном преступлении, и просит о помощи. Как совместить то и другое? Легко! Дрезден – лучший в мире специалист, способный расследовать несколько дел одновременно («Доказательства вины»). В городе объявился серийный убийца ведьм. А для Гарри Дрездена ведьмы не только ведьмы, они для него к тому же еще и женщины. Поэтому ему даже в голову не могло прийти отказаться от поисков неуловимого и безжалостного убийцы («Белая ночь»). Цикл романов о Гарри Дрездене занимает достойное место в одном ряду с таким известным образцом фэнтези-детектива, как сериал о приключениях Гаррета, вышедший из-под пера Глена Кука.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-21203-9

© Батчер Д., 2006, 2007
© Азбука-Аттикус, 2006, 2007

Содержание

Доказательства вины	7
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Джим Батчер

Архивы Дрездена: Доказательства вины; Белая ночь (сборник)

Jim Butcher

PROVEN GUILTY

Copyright © 2006 by Jim Butcher

WHITE NIGHT

Copyright © 2007 by Jim Butcher

Published by permission of the author and his literary agents, Donald Maass Literary Agency (USA) via Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

All rights reserved

© Н. К. Кудряшев, перевод, 2008, 2009

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Лучший образец городской фэнтези, соединивший в себе эффектную магию и глубоко проработанный характер героя.

Publisher Weekly

Я более десяти лет читаю «Архивы Дрездена», и почему-то каждая новая книга кажется мне лучше предыдущих. Это моя любимая проза: увлекательная, глубокая, сложная, необычная и вообще чудесная.

Патрик Ротфусс, автор международного бестселлера «Имя ветра»

Взять лучшие элементы городского фэнтези и старого, доброго детектива-нуара, плеснуть романтики, щедро заправить высокооктановым экшеном, смешать, взболтать и подавать к столу.

SF Site

Доказательства вины

Глава 1

Кровь не оставляет следов на плаще Стража. Я не знал это до того дня, когда на моих глазах Морган, второй по старшинству в Корпусе Стражей, занес меч над коленопреклоненной фигурой юноши, уличенного в занятиях черной магией. Мальчишка – ему и шестнадцати-то, поди, не исполнилось – кричал и ругался по-корейски под своим черным капюшоном. По малолетству он явно уверовал в свое бессмертие. Он так и не понял, когда меч опустился на его шею.

Что, на мой взгляд, можно считать милостью. Микроскопической, конечно.

Кровь тугой струей ударила из шеи, нарисовав в воздухе алую арку. Я стоял на расстоянии меньше десяти футов. Горячие капли обожгли мне щеку, а еще большее их количество усеяло злобными красными точками весь левый бок моего плаща. Голова покатилась на землю, и я увидел, как капюшон на ней шевелится, словно рот у мальчишки продолжал выкрикивать проклятия.

Тело повалилось на бок. Мышцы одной ноги подергались некоторое время и затихли. Секунд через пять замерла и ткань капюшона.

Морган постоял еще немного над безжизненным телом, держа в руках сияющий серебром меч карающего правосудия Белого Совета. Помимо него и меня на казни присутствовала дюжина других Стражей, а также два члена Совета Старейшин: Мерлин и мой бывший наставник Эбинизер Маккой.

Когда и голова перестала подавать последние слабые признаки жизни, Морган повернулся к Мерлину и кивнул. Мерлин кивнул в ответ.

– Да обретет он покой.

– Покой, – эхом отозвались Стражи.

Все, кроме меня. Я повернулся к ним спиной, сделал два шага в сторону, и меня вырвало прямо на пол заброшенного склада.

С минуту я стоял, дрожа, пока не пришел в себя немного, потом медленно выпрямился. Кто-то приблизился ко мне; я поднял взгляд и увидел, что это Эбинизер.

Если не считать нескольких клочков редких седых волос, голова его совершенно облысела; на макушке багровел относительно свежий, резко выделявшийся на розовой коже шрам. Седая борода, закрывавшая чуть ли не половину лица, придавала ему свирепое выражение. Притом что возраст его насчитывал уже несколько столетий, двигался он на редкость энергично, да и взгляд из-под очков в старомодной золотой оправе оставался бойким, настороженным. Одет он был в положенный для собраний Совета черный балахон с темно-лиловой накидкой члена Совета Старейшин.

– Гарри, – негромко произнес он. – Ты в порядке?

– После такого-то? – огрызнулся я достаточно громко, чтобы меня услышали все присутствующие. – Вряд ли кто-либо в этом чертовом здании должен оставаться в порядке.

Я ощутил внезапное напряжение в воздухе за спиной.

– Нет, не должны оставаться в порядке, – кивнул Эбинизер и покосился на остальных чародеев, упрямо вздернув бороду.

К нам подошел Мерлин – тоже в форменном облачении: балахоне и накидке. Выглядел он именно так, как положено выглядеть чародею: высокий, длинные седые волосы, длинная седая борода, пронзительный взгляд голубых глаз, печать возраста и мудрости на лице.

Во всяком случае, возраста – точно.

– Страж Дрезден, – произнес он. У него был звучный голос профессионального оратора, а английскому выговору позавидовал бы выпускник Оксфорда. – Если у тебя имелись свидетельства, доказывавшие невиновность этого юноши, тебе стоило представить их суду до вынесения приговора.

– У меня ничего такого нет, и вам это прекрасно известно, – ответил я.

– Его вина доказана, – продолжал Мерлин. – Я сам заглядывал ему в душу. Я обследовал также больше двадцати смертных, чьи сознания он подверг изменениям. Трем из них, возможно, еще удастся вернуть рассудок. Еще четверых он заставил покончить с собой, и мы обнаружили девять мертвых тел, спрятанных им от местных властей. Все они состояли в кровном родстве.

Мерлин приблизился еще на шаг, и воздух в помещении вдруг показался мне обжигающе горячим. Глаза его сияли ледяным гневом, а голос буквально вибрировал от заключенной в нем энергии.

– Силы, которыми он пользовался, уже разрушили его психику. Мы сделали то, что необходимо.

Я повернулся к нему лицом. Я не выпячивал подбородок, не пробовал пригвоздить его взглядом к полу. Я не принимал вызывающей или оскорбленной позы, не пытался казаться рассерженным или непочтительным. Несколько последних месяцев наглядно продемонстрировали мне, что Мерлин получил свою нынешнюю работу не по объявлению в газете. Он являлся, выражаясь кратко, сильнейшим чародеем планеты. И обладал даром, навыками и опытом для того, чтобы использовать эту свою силу с максимальной эффективностью. Если бы у нас с ним дело дошло до обмена магическими оплеухами, того, что от меня осталось бы, не хватило бы даже на то, чтобы наполнить коробку с обедом. Чего-чего, а драться с ним мне не хотелось.

Но и идти на попятную тоже.

– Он ведь был совсем еще ребенок, – сказал я. – Мы тоже не сразу стали взрослыми. Он нагородил ошибок. Мы все совершали ошибки.

Мерлин смерил меня взглядом, в котором раздражение мешалось с презрением.

– Тебе ведь известно, что делает с человеком использование черной магии, – сказал он. Легкие оттенки тона, безупречно выверенное ударение на этих словах не оставили сомнений в невысказанном продолжении: «Известно, потому что ты ею занимался. Рано или поздно ты тоже оступишься, и настанет твой черед». – Один раз, потом еще. И еще.

– Я это слышу то и дело, Мерлин, – ответил я. – «Скажи „нет“ черной магии». Но у этого мальчишки не было никого, кто рассказал бы ему правила, кто учил бы его. Если бы кто-нибудь вовремя узнал про его дар и сделал бы что-нибудь...

Он поднял руку, и в этом простом жесте было столько властности, что я замолчал.

– Ты не принял в расчет, Страж Дрезден, что юноша, допустивший глупую ошибку, умер задолго до того, как мы обнаружили причиненное им зло. То, что от него осталось, было не чем иным, как монстром, который до конца своих дней сеял бы вокруг себя лишь смерть и ужас.

– Я это знаю, – ответил я и на этот раз не смог сдержать ни гнева, ни досады. – И я знаю, что это необходимо было сделать. Знаю, что это единственное средство, которое могло бы остановить его. – Мне показалось, что меня вот-вот вырвет снова. Я закрыл глаза и оперся на свой массивный дубовый посох. Совладав с желудком, я повернулся к Мерлину. – Но это не отменяет факта: мы только что убили парня, который, возможно, даже не понимал, что с ним происходит.

– Вряд ли ты вправе обвинять кого-либо в убийстве, Страж Дрезден. – Мерлин выгнул седую бровь. – Не ты ли разрядил пистолет в затылок женщине, в которой лишь заподозрил Собирателя Трупов?

Я поперхнулся. Еще бы не я – в прошлом году. И если бы я ошибся в своей догадке, если бы меняющий тела чернокнижник, известный как Собиратель Трупов, и правда не перепрыг-

нул в тело Стража Лючко, вышло бы так, что я убил ни в чем не повинную женщину, члена Белого Совета.

Я не ошибся тогда – но я никогда прежде... не убивал? Да нет, в пылу боя убивал, и не раз. И людей, и нелюдей. Однако смерть Собирателя Трупов вышла другой. Я убил его – или ее? – обдуманно, хладнокровно. Точнее, почти хладнокровно. Никого другого – только я с пистолетом в руке и безжизненный труп. Я отчетливо помнил, как принял решение, ощущение холодного металла в руке, тугой ход спускового крючка, грохот выстрела и то, как вяло повалилось наземь тело.

Я убил человека. Осознанно лишил жизни.

И кошмар этот до сих пор терзает меня по ночам.

Собственно, у меня и выбора-то особого не было. Промедли я хоть секунду, и Собиратель Трупов призвал бы на помощь свою смертоносную магию, а тогда лучшее, на что я смог бы надеяться, – это смертное проклятие, которое поразило бы меня сразу же, как я убил бы чертова некроманта. И вообще, последний день или два выдались тогда не самыми удачными, так что нервишки у меня были так себе, на взводе. Да и будь иначе, уверен, в открытом бою я бы с Собирателем Трупов не справился. Потому я и не дал ему шанса на открытый бой. Я выстрелил ему в голову – в упор. Собирателя необходимо было остановить, и другого варианта у меня не имелось.

Я казнил по подозрению.

Никакого следствия. Никакого заглядывания в душу. Никакого беспристрастного судейства. Черт возьми, да я даже испугаться не успел! Бах! Шлеп! В итоге один живой чародей, один мертвый нехороший парень.

Я сделал это, чтобы защитить себя и других. Возможно, я принял не лучшее решение – но единственно возможное. Я не колебался даже доли мгновения. Просто нажал на спуск и занялся другими проблемами – тем более в ту ночь их у меня хватало.

Поступил так, как и положено поступать Стражу. Вроде как поумерил свой святее-вас-всех пыл.

Бездонные голубые глаза внимательно следили за моим лицом, и Мерлин медленно кивнул.

– Ты казнил ее, – негромко произнес Мерлин. – Потому что это было необходимо.

– Это совсем другое дело, – пробормотал я.

– Разумеется. Твой шаг требовал гораздо более глубокого осмысления. Ты действовал в темноте и в одиночку. Подозреваемый обладал значительно большей силой, чем ты. Проманись ты – и это стоило бы тебе жизни. Ты поступил так, как того требовала обстановка.

– «Необходимо» еще не значит «правильно», – возразил я.

– Возможно, – кивнул он. – Однако законы магии – это все, что препятствует чародеям злоупотреблять своей силой в отношении смертных. Здесь нет места для компромисса. Ты теперь Страж, Дрезден. Тебя должен волновать в первую очередь твой долг перед смертными и перед Советом.

– Долг, который означает порой убийство детей? – На этот раз я не пытался скрыть презрение; впрочем, пар из меня почти весь вышел.

– Долг, который означает поддержание закона – всегда и везде! – рявкнул Мерлин, пробуравив меня искрящимся от ярости взглядом. – Это твой долг. А теперь – еще в большей степени, чем прежде.

Я первым отвел глаза, не дав ему заглянуть мне в душу. Эбинизер стоял в паре шагов от меня, молча изучая выражение моего лица.

– Для своих лет ты повидал много, даже слишком, – продолжал Мерлин, хотя голос его чуть смягчился. – Но ты не видел, как ужасно все может обернуться. Даже вполтину того не видел. Законы существуют не по прихоти. И буквы их необходимо держать.

Я повернул голову и посмотрел на небольшую алую лужицу, которая успела скопиться на полу рядом с телом мальчишки. Имени его мне так и не сказали.

– Верно, – устало кивнул я и вытер чистой полкой плаща кровь с лица. – Я вижу, чем написаны эти буквы.

Глава 2

Я повернулся и вышел из склада на улицу, в чикагскую интерпретацию лета в Майами. Июль на Среднем Западе часто выдается знойным, но в этом году жара стояла особенно мучительная и часто шел дождь. Склад находился в порту, а следовательно, на берегу озера, вода в котором – как правило, ледяная – тоже была теплее обычного. В результате в воздухе еще сильнее воняло тинной, гнилыми водорослями и тухлой рыбой.

Проходя мимо двух дежуривших у входа Стражей в серых плащах, я обменялся с ними кивками. Оба были младше меня – явно из последнего набора в военно-полицейские силы Белого Совета. Миновав их, я ощутил едва заметное покалывание – завесу, заклятие, скрывавшее склад от посторонних взглядов. По меркам Стражей, не особенно крутая завеса, но, возможно, мне и такая не удалась бы, да и выбор Стражей сильно сузился после успешной наступательной операции, которую провела Красная Коллегия прошлой осенью. Нищие не выбирают.

Я скинул плащ и балахон, оставшись в шортах цвета хаки, красной футболке и кедах. Вряд ли от этого стало намного прохладнее, но, по крайней мере, я не ощущал себя больше таким жалким. Я поспешил к своей машине – изрядно побитому «фольксвагену-жуку»; я оставил его на стоянке, опустив все стекла, чтобы нутро его не превратилось на солнце в раскаленную духовку. Вследствие того что мой механик последовательно заменял поврежденные панели частями выброшенных на свалку «жуков», машина представляет собой сложную мозаику различных цветов, однако, поскольку изначально кузов имел светло-голубую окраску, он до сих пор носит имя «Голубой жучок».

Позади послышались быстрые тяжелые шаги.

– Гарри! – окликнул меня Эбинизер.

Не оборачиваясь, я швырнул плащ с балахоном на заднее сиденье «жучка». Пару лет назад внутренности моей машинки ободрали до голого металла, и мне пришлось на скорую руку ремонтировать все подручными средствами: деревянным хламом и изоляцией. С тех пор один из моих друзей потрудился над интерьером. Теперь его трудно назвать стандартным, да и симпатичным тоже, но плетеные сиденья все-таки удобнее и приятнее деревянных ящиков, на которых приходилось сидеть прежде. И у меня наконец снова появились пристойные ремни безопасности.

– Гарри, – повторил Эбинизер. – Черт подери, парень, да погоди же!

Я поиграл с мыслью сесть в машину и уехать к чертовой матери, но вместо этого остановился и подождал, пока старый чародей поравняется со мной, стаскивая на ходу свои плащ и балахон. Под ними обнаружили поношенный джинсовый комбинезон, белая футболка, на ногах – тяжелые кожаные походные башмаки.

– Нужно с тобой кое о чем переговорить.

Секунду-другую я молчал, стараясь взять себя в руки. Я имею в виду, и эмоции, и желудок – что-то не хотелось мне повторять недавнее представление на складе.

– О чем?

Он остановился в паре шагов от меня:

– Война идет неважно.

Разумеется, он имел в виду войну между Белым Советом и Красной Коллегией вампиров. Несколько лет она сводилась к замысловатым пирушкам на цыпочках и стычкам в глухих закоулках, однако прошлой осенью вампиры повысили ставки. Свое наступление они скоордини-

ровали по времени с активизацией деятельности предателя в рядах самого Совета и с нападением нескольких некромантов-чернокнижников, которые подняли из могил мертвых, вызвали всяких злобных духов... и сотворили множество других, еще более омерзительных вещей.

Вампиры нанесли Совету удар. Тяжелый. Прежде чем битва завершилась, они убили почти две сотни чародеев, в основном Стражей. Собственно, поэтому мне и вручили серый плащ – им отчаянно требовалась любая помощь.

Однако помимо чародеев вампиры убили еще почти сорок пять тысяч человек – мужчин, женщин, детей, которым не посчастливилось оказаться поблизости.

Поэтому я и принял плащ. Такое невозможно оставлять безнаказанным.

– Я читал сводки, – буркнул я. – Там говорится, Венатори Умброрум и Братство Святого Жилия развернули активные действия.

– Не просто развернули. Если бы они не начали наступления, чтобы отвлечь силы вампиров, Красная Коллегия разделалась бы с Советом уже несколько месяцев назад.

Я моргнул от неожиданности:

– Так серьезно?

Венатори Умброрум и Братство Святого Жилия являлись главными союзниками Совета в войне с Красной Коллегией. Первые представляли собой древнее, глубоко законспирированное сообщество, объединившее борцов с темными сверхъестественными силами везде, где только можно. Вроде масонов, только с большим количеством огнеметов. Но в наше время они превратились скорее в этакое академическое учреждение, и, хотя некоторые из них обладают тем или иным военным опытом, подлинная их сила заключается в ловком использовании официальных структур правопорядка, а также в анализе информации, полученной из самых различных источников.

Совсем другое дело – Братство Святого Жилия. Числом они уступали своим ученым собратьям из Венатори, зато большая их часть уже не совсем являлась людьми. Насколько я понимаю, основную их численность составляют те, кого наполовину обратили в вампиров. Они заражены той темной силой, которая превращает Красную Коллегию в столь опасного противника, однако до тех пор, пока они добровольно не напились настоящей человеческой крови, они не перестают быть людьми. Зато они становятся сильнее, быстрее и выносливее обычных людей, и живут они на порядок дольше – если, конечно, не падут жертвой непрерывной жажды крови или не погибнут в бою с врагами из Красной Коллегии.

Несколько лет назад женщину, которая очень много значила в моей жизни, захватили вампиры из Красной Коллегии. Собственно, и война-то началась из-за того, что я отбил ее обратно, не особенно выбирая средства. Отбить я ее отбил, но не спас. Черная магия вампиров коснулась ее, и теперь вся ее жизнь превратилась в бой – в бой с вампирами, которые сделали с ней такое, и с жадой крови, которой они ее заразили. Теперь она состояла в Братстве, куда входили люди вроде нее, а также, как я слышал, многие другие люди и не совсем люди – те, кому некуда больше податься. Святой Жиль, как известно, покровительствует прокаженным и изгоям. Его Братство, пусть и уступает мощью нашему Совету или вампирским династиям, все же представляет собой серьезную силу, и союзник из них очень и очень полезный.

– Наши союзники не могут выступить против вампиров в открытом сражении, – кивнул Эбинизер. – Но они сеют смятение на коммуникациях Красной Коллегии, затрудняют ведение разведки, мешают кормиться на смертных. Они выявляют внедрившихся к людям агентов Красных. Смертных, находящихся под контролем Красной Коллегии, задерживают, сажают в тюрьму или убивают – в любом случае изолируют. Венатори и Братство делают все, что в их силах, чтобы снабжать нас оперативной информацией, – именно благодаря их помощи нам удалось провести несколько успешных операций против вампиров. Наши союзники не то чтобы нанесли им серьезный урон, но заметно сковали в действиях. Возможно, достаточно, чтобы дать нам шанс восстановиться.

– А как дела с подготовкой пополнения? – поинтересовался я.

– Лючко уверена, что со временем нам удастся компенсировать все наши потери, – ответил Эбинизер.

– Не вижу, чем еще я мог бы помочь, – сказал я. – Если только вы не хотите, чтобы кто-то занялся зачатием новых чародеев.

Он шагнул ближе и огляделся по сторонам. Лицо его оставалось невозмутимым, но он проверил, нет ли поблизости кого-либо, способного нас подслушать.

– Тебе известно не все. Мерлин решил, что об этом не стоит знать всем.

Я повернулся к нему и склонил голову набок.

– Помнишь прошлогоднее наступление вампиров? – продолжал Эбинизер. – Когда они призвали Иных и нападали на нас на землях фэйри?

– Насколько я понял, они поступили необдуманно. Фэйри с них за это шкуру спустят.

– Мы тоже так считали, – кивнул старик. – И правда, Летние объявили войну Красной Коллегии и даже обменялись с ними ударами. Однако Зимние не отреагировали никак – да и у Летних, говоря прямо, тоже дальше укрепления границ не пошло.

– Королева Мэб не объявила войну?

– Нет.

Я нахмурился:

– Как-то не верится, чтобы она не использовала такого шанса. При ее-то кровожадной натуре...

– Нас это тоже удивляет, – признался Эбинизер. – Поэтому я и хочу попросить тебя об одолжении.

Я молча смотрел на него.

– Узнай причину, – произнес он. – У тебя есть связи в обеих династиях. Узнай, что происходит. Почему сидхе не ввязались в войну.

– Что? – не поверил я своим ушам. – Совет Старейшин не знает этого? А как же все ваши посольства, связи в верхах, официальные каналы? А большой красный телефон?

Эбинизер улыбнулся, хоть и не слишком весело.

– Война изрядно ограничивает возможности добывать информацию, – ответил он. – И мир духов не исключение. Просто там борьба сверхъестественных шпионов и всех прочих заинтересованных сторон ведется на ином уровне. А что до наших посольств у сидхе... – Он пожал плечами. – Ну, кому знать, как не тебе.

– С ними сидхе вели себя вежливо, открыто, искренне, но оставили в полнейшем неведении насчет причин происходящего, – предположил я.

– Именно так.

– И Совет Старейшин просит меня выяснить это?

Он снова обернулся:

– Не Совет Старейшин. Я прошу. И еще кое-кто.

– Кто?

– Люди, которым я доверяю, – сказал он и глянул в упор поверх очков.

Мгновение я внимательно смотрел на него, потом кивнул.

– Предатель, – прошептал я.

Слишком круто провернули Красные все прошлым летом, чтобы считать это просто удачей. Каким-то образом им удалось выведать жизненно важные секреты вроде дислокации сил Совета и их планов. Кто-то из наших скармливал им эту информацию, а результатом стала гибель многих чародеев – в том числе на землях сидхе, куда Красные вторглись, преследуя наши отступающие порядки.

– Вы считаете, – продолжал я, – что предатель входит в Совет Старейшин?

– Я считаю, что мы не можем рисковать, исключая такую вероятность, – тихо произнес он. – Это не официальное поручение. Я не могу приказывать тебе, Гарри. Я пойму, если ты откажешься. Но никого лучше для такой работы нет – и наших нынешних союзников хватит в таких условиях ненадолго. Их лучшим оружием всегда была скрытность, а нынешняя активность обходится им слишком высокой ценой – они платят жизнями, и только ради того, чтобы помочь нам.

Я сцепил руки на животе:

– Конечно, мы должны им помочь. Но всякий раз, стоит мне покоситься в сторону фэйри, я вляпываюсь во все более серьезные неприятности с ними. Меньше всего мне сейчас нужно вот это. И если я пойду на...

Эбинизер переступил с ноги на ногу, хрустнув гравием. Я покосился в сторону склада и увидел выходящих Мерлина с Морганом. Они тихонько беседовали, не глядя по сторонам.

– Я как раз хотел поговорить с тобой, – громко произнес Эбинизер явно в расчете на посторонние уши. – Хотел удостовериться, что Морган и другие Стражи относятся к тебе с уважением.

Я подхватил намек.

– Когда они со мной вообще разговаривают, – ответил я. – Едва ли не единственный Страж, с которым я общаюсь, – это Рамирес. Неплохой парень, он мне нравится.

– Что ж, очко в его пользу.

– То, что заложенная в Совет бомба с часовым механизмом хорошо о нем отзывается? – Я замолчал, пропуская Мерлина с Морганом и ожидая, что те уйдут, но они, не прекращая вполголоса переговариваться, остановились неподалеку от нас. Некоторое время я смотрел на гравий у моих башмаков, потом заговорил еще тише: – На месте этого паренька запросто мог оказаться я.

– Это было давно, – возразил Эбинизер. – Ты был совсем еще сопливым мальчишкой.

– Как и он.

Лицо Эбинизера застыло.

– Мне жаль, что тебе пришлось наблюдать все это.

– Уж не затем ли всё провели здесь? – поинтересовался я. – Почему казнь устроили именно в Чикаго?

Он устало вздохнул:

– Это ведь один из главных мировых перекрестков, Гарри. Через Чикаго проходит больше транзитных авиалиний, чем через любой другой аэропорт. Добавь сюда порт, железные дороги, грузовики. Уйма людей прибывает в город и покидает его – здесь Красной Коллегии труднее отслеживать наши перемещения. – Он одарил меня мрачной улыбкой. – И потом, Чикаго, похоже, вреден для здоровья любого прибывающего сюда вампира.

– В качестве легенды очень убедительно, – хмыкнул я. – А на самом деле?

Эбинизер вздохнул и поднял руку в примирительном жесте:

– Не я назначал это здесь.

Мгновение я молча смотрел на него, потом кивнул:

– Мерлин.

Эбинизер кивнул в ответ и повел кустистой седой бровью:

– И из этого следует?..

Я пожевал губу, сдвинув брови в умственном усилии. Не то чтобы от этого лучше думалось, но попробовать все равно стоило.

– Он послал мне восточку. Так сказать, убил разом двух зайцев.

Эбинизер кивнул:

– Он с удовольствием сместил бы тебя с должности Стража, но, хотя оперативное руководство осуществляет Морган, общее командование корпусом остается за Люччо. Она на твоей стороне, и большинством голосов Совет Старейшин поддержал ее.

– Бьюсь об заклад, это ему понравилось, – заметил я.

Эбинизер коротко хохотнул:

– Я боялся, его удар хватит.

– Блестяще, – восхитился я. – Особенно если учесть, что я отрешивался от этой работы, как только мог.

– Знаю, – кивнул он. – На твою долю достались самые буераки.

– Выходит, Мерлин решил, что, посмотрев на казнь, я напугаюсь до усеру и стану паинькой. – Я нахмурился, размышляя. – Насколько я понимаю, по поводу прошлогоднего нападения нет никакой ясности? Никаких безумных переводов на банковские счета, которые могли бы привести на предателя?

– Пока нет, – признался Эбинизер.

– Значит, пока предатель разгуливает на свободе, все, что достаточно сделать Мерлину, – это дождаться, пока я облажусь в чем-нибудь. Тогда он сможет обозвать это изменой и растереть меня в труху.

Эбинизер кивнул, и я прочел в его взгляде предостережение – что ж, неплохой повод взяться за предложенную работу.

– Он искренне верит, что ты представляешь собой угрозу Совету. Если твое поведение это подтвердит, он сделает все, что считает необходимым, чтобы тебе помешать.

– В истории уже был один такой тип, – сказал я. – По имени Маккарти. Если Мерлину так не терпится найти предателя, он его найдет – вне зависимости от того, есть он на самом деле или нет.

Эбинизер нахмурился, и в голосе его зазвучал шотландский акцент, как бывало всегда, когда он злился. Он покосился на Мерлина.

– Ага. Я подумал, тебе стоит знать.

Я по-прежнему избегал смотреть ему в лицо. Терпеть не могу, когда меня принуждают к чему-то. Впрочем, у меня не возникало впечатления, будто Эбинизер пытается загнать меня в угол. Он просто просил об услуге. Я мог согласиться, а мог отказать, но и во втором случае с его стороны мне ничего не грозило. Не в его это духе.

Я поднял глаза и кивнул:

– Ладно.

Эбинизер медленно выдохнул и благодарно кивнул в ответ.

– Да, еще одно. – Он протянул мне конверт.

– Что это?

– Не знаю, – ответил он. – Привратник просил передать тебе.

Привратник. Самый немногословный из Старейшин, но даже Мерлин выказывал ему особое уважение. Ростом он превосходил меня, а это кое-что да значит, и держался он, как правило, в стороне от закулисных дрызг Совета, а это значит еще больше. Он знал такое, чего ему вроде бы и не полагалось знать – я имею в виду, больше, чем многие другие чародеи, – и, насколько я могу судить, он всегда был со мной откровенен.

Я вскрыл конверт. Внутри лежал один-единственный листок бумаги. Ровным округлым почерком на нем было написано:

Дрезден!

За последние десять дней в Чикаго отмечено несколько случаев применения черной магии. В твои обязанности как уполномоченного по региону входит расследование и выявление виновных. С моей точки зрения, это необходимо сделать безотлагательно. Насколько мне известно, никто пока не осведомлен о сложившейся ситуации.

Рашид

Я устало потер глаза. М-да, замечательно. Опять черная магия в Чикаго. И если это не какой-нибудь съехавший с катушек тип в черной шляпе, то, скорее всего, еще один мальчишка вроде того, которого только что убили у меня на глазах. Собственно, других вариантов не так много.

Лично я очень надеялся на первое – на психа... извините, политкорректнее сказать «психически неуравновешенную личность». С таким я худо-бедно справлюсь. Кое-какой опыт имеется.

А вот со вторым – не думаю.

Я убрал письмо в конверт и задумался. Похоже, это лучше оставить между нами с Привратником. Он не стал просить меня прилюдно, даже Эбинизеру не сказал, что происходит, а значит, я свободен решать, как мне со всем этим справляться. Если бы Мерлин об этом знал и дал мне поручение официально, уж он расстарался бы, чтобы у меня не оставалось ни малейшего выбора в средствах, да и то мне пришлось бы работать под микроскопом.

Привратник доверил мне справиться с тем, что считал неправильным. Тот еще подарок.

Как-то надоедает иногда быть тем парнем, которому положено разрешать неразрешимые ситуации.

Я поднял взгляд и увидел, что Эбинизер, хмурясь, смотрит на меня. Количество морщин на его лице разом удвоилось.

– Что? – спросил я.

– У тебя прическа новая, Хосс? Или еще что-то?

– Э-э... ничего нового. А что?

– Вид у тебя какой-то такой... – Старый чародей помолчал, обдумывая. – Не такой.

Сердце у меня забилося немного чаще. Насколько я знал, Эбинизер оставался в неведении о том сознании, что арендовало неиспользованные закоулки моего мозга, и мне очень хотелось, чтобы так продолжалось и дальше. При всей своей репутации эдакого магического смутьяна он специализировался на работе с самыми изначальными, самыми разрушительными силами и способностей имел гораздо больше, чем полагали многие в Совете. В общем, я мог ожидать, что он ощутит присутствие поселившегося во мне Падшего ангела.

– Ну... да, – сказал я. – На мне плащ людей, которых я большую часть своей жизни избегал. Если не считать этого, а еще моего увечья и того, что последний год я почти не спал, ничего такого особенного.

– Да уж, ничего, – кивнул Эбинизер. – Как рука?

Каким-то образом я удержался от резкого ответа – что как была, так и осталась сплошным шрамом, ни дать ни взять оплывшая восковая скульптура. Пару лет назад я столкнулся с одной вреднозодой тварью, и она сообразила, что моя магическая оборона рассчитана на защиту от кинетической энергии – но не тепловой. Я поплатился за ее знание своей шкурой, когда пара ее безумных рабов начала поливать меня самодельным напалмом. Горючую смесь мой щит остановил, но жар пробил его и изжарил мне руку, которой я этот щит выстраивал.

Я поднял левую, обтянутую перчаткой руку и чуть пошевелил большим, указательным и средним пальцем. Остальные пока не двигались без помощи соседей.

– Осязания в них пока не много, но стакан пива удержать могу. Или руль. Мой врач заставляет меня играть на гитаре – считает, что так рука быстрее разработается.

– Неплохо придумано, – хмыкнул Эбинизер. – Упражнения полезны для тела, а музыка – для души.

– Не в моем исполнении, – возразил я.

Эбинизер улыбнулся одними губами, потом полез в карман комбинезона, достал часы на цепочке и, нахмурившись, взгляделся в циферблат.

– Пора перекусить, – заявил он. – Ты голоден?

Ничто в его голосе не выдало скрытого подтекста, но я его уловил.

Эбинизер стал моим наставником как раз тогда, когда я в этом остро нуждался. Он обучил меня почти всему, что я полагал достойным изучения. Он держался со мной неизменно щедро, терпеливо, дружески.

И все это время он лгал мне, нарушая все те принципы, которым меня обучал. С одной стороны, он учил меня тому, что значит быть чародеем, тому, как произрастает магия из самых сокровенных убеждений. Тому, что творить с помощью магии зло – хуже, чем преступление, ибо это извращает самый смысл магии. С другой стороны, все это время он служил Черным Посохом Белого Совета – чародеем с лицензией на убийство, на нарушения законов магии, на надругательство над лучшим в тех силах, которые он использовал, – и все во имя политической необходимости. Что он и делал. Не раз и не два.

Когда-то я верил Эбинизеру как никому другому. Всю свою жизнь я выстроил на том основании, что заложил он своими уроками: как надо использовать магию, что такое хорошо и что такое плохо. А потом он, можно сказать, наплевал мне в душу. На поверку все его слова оказались ложью, и мне было чертовски больно узнать это. С тех пор прошло два года, и все равно при мысли об этом на меня накатывала тошнота.

Мой старый наставник протягивал мне оливковую ветвь, пытаясь отодвинуть в сторону то, что встало между нами. Я понимал, что мне во всех отношениях лучше пойти ему навстречу. Я понимал, что он при всех своих способностях остается человеком, так же подверженным слабостям, как и любой другой. Я знал, что мне стоило бы плюнуть на свою обиду, убрать разделяющие нас барьеры и жить дальше в ладу с ним. Черт, да поступи я так – и это стало бы самым разумным и естественным. Самым правильным, что я мог бы сделать.

Но я не мог.

Слишком больно мне было обо всем этом думать.

Я поднял на него взгляд:

– Что-то аппетит у меня неважный: угроза смерти не слишком способствует.

Он кивнул, принимая вежливый отказ; лицо его по-прежнему оставалось невозмутимым, но мне показалось, что в глазах мелькнуло сожаление. Он молча поднял руку в знак прощания, повернулся и зашагал к старому, побитому фордовскому пикапу, выпущенному, должно быть, еще в годы Великой депрессии. Я стоял, терзаясь сомнениями. Может, мне стоило сказать ему что-нибудь. Или плюнуть на все и пойти перекусить со стариком.

Впрочем, отказавшись от еды, я не слишком кривил душой. Есть я наверняка не смог бы. Я все еще чувствовал на лице горячие капли крови, все еще видел неестественно застывшее тело в расползавшейся по полу багровой луже. Руки у меня снова начали дрожать, и мне пришлось зажмуриться, усилием воли отгоняя от себя эту картину. А потом я сел в машину и постарался оставить воспоминания о случившемся позади.

Мой «Голубой жучок» – далеко не спортивная тачка, но гравием из-под колес брызнул что надо.

Движение на улицах было получше, чем в иные дни, но жара стояла адская, поэтому на первом же светофоре я снова опустил все стекла и попытался мыслить ясно.

Следствие среди фэйри. Чудеснее некуда. Стопроцентная гарантия, что дело запутается и осложнится донельзя, прежде чем я хотя бы приближусь к ответам на вопросы. Если фэйри чего-то и не терпят, так это давать прямые ответы на любой ваш вопрос. Вытянуть из них истину – все равно что зуб рвать. Ваш зуб, не чей-нибудь. И не просто так, а, скажем, через нос. Ваш нос.

Но Эбинизер говорил правду. Возможно, я единственный из членов Совета имею знакомых и среди Летних, и среди Зимних сидхе. Так что если кому из Совета и вести следствие – так это мне. Вот счастье-то...

А еще, наверное, для того, чтобы мне не стало слишком скучно, я должен выследить незнамо какую черную магию и остановить ее. Собственно, этим и положено заниматься Стражам, когда они не бьются на войне; я и сам делал это два или три раза и не могу сказать, чтобы это мне нравилось. Черная магия означает какого-то чернокнижника, а эти ребята всегда рады укокошить вмешавшегося в их дела чародея, да к тому же обладают возможностью это сделать.

Фэйри.

Черная магия.

Да уж, мало не покажется.

Глава 3

Все произошло в доли секунды. Только что пассажирское кресло моего «Голубого жучка» было пустым, а в следующее мгновение в нем уже сидели. Я вскрикнул и едва не врезался в развозной фургон. Шины протестующе завизжали, машина сорвалась в занос. Отчаянным усилием я восстановил управление; будь на крыле у «жучка» еще хоть один слой краски – и столкновения не избежать. Вцепившись в руль побелевшими от напряжения пальцами, я чуть перевел дух и повернулся испепелить своего пассажира взглядом.

В кресле справа от меня сидела Ласкиэль, она же Искушительница, она же Паучиха – в общем, что-то вроде ксерокса с Падшего ангела. Вообще-то, она могла принимать любую внешность по своему выбору, но чаще всего являлась в образе высокой спортивной блондинки в белоснежной античной тунике до колен. Она сидела, сложив руки на коленях, глядя перед собой в ветровое стекло; на губах ее играла легкая улыбка.

– Какого черта ты здесь делаешь? – рявкнул я. – Угробить меня хотела?

– Не говори ерунды, – беззаботно отозвалась она. – Никто не пострадал.

– Не благодаря тебе, – огрызнулся я. – Пристегни ремень.

Она спокойно посмотрела на меня:

– Не забывай, смертный, у меня нет физической формы. Я существую единственно в твоём сознании. Я мысленный образ. Иллюзия. Голограмма, видимая только тебе. Мне нет смысла пристегиваться ремнем.

– Тут дело в принципе, – возразил я. – Моя машина. Мой мозг. Мои правила. Пристегни чертов ремень или сгинь.

Ласкиэль вздохнула.

– Очень хорошо.

Она повернулась – ни дать ни взять обычный пассажир, – вытянула ремень безопасности и сунула пряжку в гнездо. Я понимал, что на самом деле ремень остался на месте, а я вижу лишь иллюзию – но очень убедительную иллюзию. Мне пришлось бы сильно постараться, чтобы увидеть настоящий ремень, свисающий со стойки.

Ласкиэль посмотрела на меня:

– Так сойдет?

– Спасибо и на этом, – буркнул я, лихорадочно размышляя.

Та Ласкиэль, которую я видел сейчас, представляла собой частицу настоящего Падшего ангела. Все остальное было заключено в древнем серебряном динарии, римской монете, погребенной под двухфутовым слоем бетона у меня в подвале. Однако и одного прикосновения к этой монете хватило, чтобы в голове у меня возникло, так сказать, полномочное представительство демона – судя по всему, где-то в тех девяноста процентах мозга, которые человек не использует. Или, в моем случае, в девяноста пяти, пожалуй. Ласкиэль могла являться мне, могла видеть все, что я видел, могла частично копаться в моей памяти и, что самое досадное, могла создавать иллюзии, отличить которые от реальности мне удавалось лишь с большим трудом. Таковую, например, какую я видел ее сейчас – сидящую рядом со мной в машине. Исклю-

чительно привлекательную, чертовски взаправдашнюю на вид и от этого до ужаса желанную. Вот стерва!

– Мне казалось, у нас уговор, – буркнул я. – Я не желаю, чтобы ты являлась поговорить со мной, пока я сам тебя не позову.

– Я отношусь к этому уговору с уважением, – заверила она. – И явилась лишь для того, чтобы напомнить тебе: все мои услуги и возможности находятся в твоём распоряжении, стоит тебе только пожелать, и вся я – та, что обитает в настоящее время под полом твоей лаборатории, – точно так же готова оказать тебе любую помощь.

– Ты ведешь себя так, словно это я напросился к тебе. Если бы я знал, как стереть тебя из моей головы, не угробившись при этом, я бы сделал это в мгновение ока, – отозвался я.

– Та часть меня, что делит с тобой твой разум, не более чем тень настоящей меня, – сказала Ласкиэль. – Но не заблуждайся, смертный. Я есть. Я существую. И намерена существовать и впредь.

– Сказал же: если бы мог сделать это, не угробившись при этом, – буркнул я. – И кстати, если не хочешь, чтобы я запер тебя в какой-нибудь маленький темный чулан у меня в голове, уберайся вон с глаз моих.

Губы ее дернулись – возможно, от раздражения, но выражение лица не изменилось.

– Как тебе угодно, – проговорила она, склоняя голову. – Однако, если черная магия действительно снова поднимает голову в Чикаго, тебе, возможно, потребуются все доступные ресурсы. И не забывай: чтобы выжила я, мне необходимо, чтобы выжил ты. У меня имеется весомый повод помогать тебе.

– Маленький черный ящик, – отозвался я. – Без дырок в крышке. И пахнет там как в университетской раздевалке.

Она снова скривила губы – на этот раз в чуть опасливой усмешке:

– Как тебе будет угодно, хозяин мой.

И исчезла, скрывшись обратно в неизведанные кладовые моего сознания, или куда она там еще могла деться. Я поежился, стараясь удостовериться, что мои мысли надежно защищены от постороннего вторжения. Разумеется, я никак не мог помешать Ласкиэли видеть и слышать все, что вижу и слышу я, или знакомиться с некоторыми моими воспоминаниями, но текущие мысли я от нее прикрывать все-таки научился. Правда, мне приходилось делать это достаточно часто, чтобы помешать ей узнать слишком много и слишком быстро.

В противном случае это лишь помогло бы ей достичь своей цели – убедить меня откопать погребенную под полом лаборатории монету, изолированную бетоном и заклятием. В монете, древнеримском динарии – одном из тридцати почти таких же, – обитали душа и сознание Падшего ангела Ласкиэли.

Союз с ней дал бы мне неизмеримые силы. Мощь и знания Падшего ангела могут превратить любого в смертоносное, практически бессмертное орудие – недорого, совсем недорого. Всего лишь за душу. Стоит вам подписать контракт с одним из ангелов ада – и в капитанском кресле вас будет уже двое. И чем больше вы станете позволять ему помогать вам, тем быстрее он подчинит себе вашу волю, так что рано или поздно вся власть перейдет к нему.

Я схватил монету за мгновение до того, как к ней потянулся малолетний сын моего друга, и за то краткое мгновение, что я держал ее в руке, часть личности Ласкиэли, ее сознания, успела поселиться у меня в мозгу. Прошлой осенью она помогла мне пережить несколько нелегких дней – и ее содействие оказалось неоценимым. Что само по себе создавало проблему. Я не мог больше позволять себе полагаться на ее помощь, ибо рано или поздно привык бы к этому. А затем начал бы получать удовольствие. А потом настал бы день, когда идея откопать монету показалась бы мне не такой уж и плохой.

Из всего этого следовало, что я никак не мог расслабляться в ответ на все предложения Падшего ангела. Цена могла быть скрыта от взгляда, но меньше она от этого не становилась. С

другой стороны, Ласкиэль не сгущала краски, говоря об опасности, связанной с черной магией. Помощь мне весьма не помешала бы.

Я подумал о тех, кто бился бок о бок со мной прежде. Я подумал о моем друге Майкле – это его сын чуть не подобрал монету.

Я не виделся с Майклом с того самого дня. Не звонил ему. Он звонил мне пару раз – приглашал пообедать в День благодарения, спрашивал, все ли у меня в порядке. Я отказался от приглашений, да и разговоры постарался закруглить как можно скорее. Майкл не знал, что я подобрал один из Темных Динариев, вступив во владение предметом, который, возможно, мог бы сделать меня членом Ордена. Я сражался с некоторыми динарианцами. Одного я убил.

Все они были монстрами из монстров, а Майкл – Рыцарь Креста. Он был одним из трех людей на всем белом свете, который оказался избранным для владения священным мечом. Самым что ни на есть священным, одним из трех, в клинки которых, как говорят, закован гвоздь из Креста с большой буквы «К». Майкл сражается со всем потусторонним злом. И побеждает. Он спасает попавших в беду детей и, не задумываясь, выступит против самого невообразимого чудища – настолько велика его вера в силу, дарованную Всевышним.

Он не питает любви к своим противникам, в том числе к динарианцам – жадным до власти психопатам, которым доставляет удовольствие причинять боль и страдания.

Я не стал говорить ему о монете. Не хотелось мне, чтобы он знал, что я делю свой мозг с демоном. Чтобы он думал обо мне хуже. Майкл – человек прямой и честный. Большую часть моей сознательной жизни Белый Совет считал меня каким-то монстром, только и ожидающим подходящего момента, чтобы проявить свою кошмарную суть и начать сеять вокруг себя хаос и разрушение. Но Майкл с самой первой нашей встречи решительно принял мою сторону. Его поддержка очень много значила в моей жизни.

Поэтому мне не хотелось, чтобы он смотрел на меня так же, как на динарианцев, с которыми мы бились. В общем, до тех пор, пока я не избавлюсь от этой дурацкой ментальной копии Ласкиэли у меня в башке, я не собираюсь обращаться за помощью к Майклу.

С этим делом мне предстояло разбираться в одиночку.

Почему-то я пребывал в полной уверенности, что хуже день для меня уже не обернется.

Стоило мне об этом подумать, как послышался жуткий то ли хруст, то ли лязг, и я врезался затылком в жесткий подголовник. «Жучок» прыгнул вперед – мне пришлось изо всех сил вцепиться в руль, чтобы не потерять управления.

Верно говорят: нет предела совершенству.

Глава 4

Я успел дико оглянуться и увидеть кого-то, сидевшего в похожем на линкор старом «крайслере» – темно-сером, с тонированными стеклами, – а потом эта тачка снова врезалась в «жучка», послав его в занос. На сей раз я стукнулся лбом о стекло, и в нос буквально ударил запах паленой резины от скользящих юзом по асфальту шин. Машина налетела на бордюр, подпрыгнула и выровняла ход. Я лихорадочно орудовал рулем и жал на тормоз – тело реагировало на события, еще не дошедшие до моего ошеломленного мозга.

Кажется, я все-таки сумел не допустить совсем полной катастрофы – не вылетел на встречную полосу, не врезался в стену под углом, близким к прямому, а притер «жучка» правым боком к цоколю здания, стоявшего рядом с дорогой. Скрежеща железом по кирпичу, моя бедная машинка проехала еще с полсотни футов и остановилась.

В глазах плавали звезды, и я постарался сморгнуть их, чтобы разглядеть номерные знаки «крайслера», но того и след простыл. По правде говоря, голова кружилась так сильно, что та машина могла бы отплясывать вокруг меня замысловатый танец в лиловой кружевной пачке, а я бы этого и не заметил.

Посидеть так немного показалось мне неплохой идеей, и я посидел немного. Через некоторое время у меня возникла смутная мысль, что не мешало бы проверить, все ли в порядке. Я осмотрел себя. Крови не увидел – уже хорошо. Огляделся по сторонам. Никто не кричал. Трупов в зеркале заднего вида тоже не обнаружилось. Ничего не горело и не дымилось. Конечно, пассажирское сиденье было засыпано осколками стекла от правого окна, но заднее стекло и так уже давно отсутствовало – я ездил, заклеив его прозрачным пластиком.

Однако «жучок» – закаленный боец с силами зла и альтернативными видами топлива – остался на ходу, хотя к старым, привычным уже всхрипам двигателя добавились новые. Я попробовал открыть дверцу. Она не поддалась. Я опустил стекло и медленно выбрался из машины. Будь у меня силы кувырнуться через крышку багажника и вскочить обратно в салон, я мог бы претендовать на небольшую роль в «Придурках из Хаззарда».

– У нас тут, в округе Хаззард, – протянул я себе под нос, – не любят нападения с помощью автомобиля.

Черт его знает, сколько минут прошло, пока на месте происшествия появился первый коп – знакомый мне патрульный, по фамилии Грейсон. Грейсон из старых копов – здоровенный мужик с большим красным носом и уютным брюшком. Вид у него такой, будто он запросто отмутузит пьяных дебоширов... или перепьет их – выбирайте, что вам больше нравится. Он вылез из своей машины и начал задавать мне вопросы озабоченным тоном. Я отвечал как мог, но что-то между моими мозгом и языком, наверное, закоротило, потому что он как-то очень пристально на меня посмотрел, а потом, заглянув в салон «жучка», усадил меня на землю и принялся разруливать возникшую пробку. Я остался сидеть на бордюре – меня это вполне устраивало. Я сидел и смотрел на медленно идущий кругом тротуар, пока кто-то не тронул меня за плечо.

Кэррин Мёрфи, глава Отдела специальных расследований чикагской полиции, больше всего напоминает младшую сестренку кого-нибудь из знакомых. Роста в ней чуть больше пяти футов, светлые волосы, голубые глаза, курносый нос, утыканный едва заметными веснушками. Вся она словно пружина, – впрочем, гимнастическое сложение вовсе не мешает ей оставаться женственной. На этот раз она была одета в белую хлопковую футболку и синие джинсы; наряд дополняли бейсбольная кепка и зеркальные очки.

– Гарри? – спросила она. – Ты в порядке?

– Дядюшка Джесс ужасно огорчится, когда узнает, что один из подручных босса Хогга взгрел генерала Ли, – отозвался я, вяло махнув рукой в сторону машины.

Секунду-другую она внимательно смотрела на меня:

– Ты хоть знаешь, что у тебя ссадина на голове?

– Не-а, – сказал я и потыкал пальцем себе в череп. – А что, правда?

Мёрфи вздохнула и осторожно отвела мой палец от головы:

– Гарри, я серьезно. Если тебя так шарахнуло, что ты даже говорить со мной нормально не в состоянии, мне придется отправить тебя в больницу.

– Извини, Мёрф. День выдался тяжелый. Я более или менее в норме – дай мне только минуту прийти в себя.

Она выдохнула, словно выпуская пар, и присела на бордюр рядом со мной:

– Ты не против, если я вызову «скорую», чтобы тебя осмотрели? Так, на всякий случай.

– Они захотят забрать меня в больницу, – ответил я. – Слишком опасно. Я могу вывести из строя чей-нибудь аппарат жизнеобеспечения. И Красные держат больницы под наблюдением, пытаются добить наших раненых. Я могу навлечь огонь на пациентов.

– Знаю, – негромко возразила она. – Я не позволю им забрать тебя.

– Ох! Ладно, тогда пусть, – сдался я.

Приехала «скорая», и врач меня осмотрел. Он посветил мне в глаза фонариком, и я сделал вялую попытку оттолкнуть его. Ворча что-то себе под нос, он потыкал меня там и здесь, пощупал, погладил, подумал и так далее. Потом покачал головой и встал:

– Возможно, легкое сотрясение. Для спокойствия ему стоило обратиться в стационар, лейтенант.

Мёрфи кивнула, поблагодарила медика и выразительно посмотрела в сторону его машины. Неодобрительно хмыкнув, тот повернулся и исчез из моего поля зрения. Мёрфи снова присела рядом со мной:

– Хорошо, выкладывай. Что случилось?

– Кто-то в темно-сером «крайслере» пытался припарковаться на моем заднем сиденье.

Она раскрыла было рот, но я раздраженно махнул рукой:

– И нет, номеров я не разглядел. Как-то слишком занят был: старался избежать карьеры манекена для краш-тестов.

– Начало карьеры тебе уже удалось, – возразила она. – Ты что, опять вляпался в историю?

– Нет еще, – признался я. – Я имею в виду, адские погребушки, Мёрф! Всего полчаса назад мне говорят, что в Чикаго готовится какая-то пакость, и вот меня уже пытаются превратить в рекламу о пользе ремней и подушек безопасности.

– Ты уверен, что это намеренно?

– Угу. Но кто бы это ни был, он не профессионал.

– Почему ты так решил?

– Будь он профессионалом, он бы запросто прикончил меня. Я и не догадывался о его присутствии, пока он не ударил меня в первый раз. Мог раскрутить меня юзом так, что я не выровнялся бы. Мог вышвырнуть на встречу. В общем, убить мог запросто и надежно. – Я потерял шею. Славная такая, всеобъемлющая боль уже начала расползаться по мышцам. – Да и место выбрал не лучшее.

– Нападение при благоприятной возможности, – заявила Мёрфи.

– Чего?

Она чуть улыбнулась:

– Это когда ты не ожидаешь возможности, а она вдруг подворачивается, и ты боишься ее упустить.

– А-а... Да, вероятно, из разряда таких.

Мёрфи покачала головой:

– Слушай, может, тебе все-таки показаться нормальному врачу?

– Нет, – отрезал я. – Правда. Я в норме. Только мне нужно убраться отсюда, и чем быстрее, тем лучше.

Мёрфи глубоко вздохнула и кивнула:

– Тогда отвезу тебя домой.

– Спасибо.

К нам вразвалочку подошел Грейсон.

– Эвакуатор выехал, – сообщил он. – Так что у нас здесь?

– Бегство с места ДТП, – заявила Мёрфи.

Грейсон внимательно посмотрел на меня и нахмурился:

– Правда? А мне показалось, вас двинули дважды. И намеренно.

– Насколько я могу судить, это был честный и откровенный несчастный случай, – сказал я.

Грейсон кивнул:

– У вас там на заднем сиденье одежда какая-то. На вид вся в крови.

– Никак не выброшу с прошлого Хеллоуина, – объяснил я. – Маскарадные тряпки. Плащ, балахон и все такое, кровь фальшивая. Вид довольно жуткий.

– Да вы хуже моего младшенького. У него пропотевшие футболки на заднем сиденье с осени валяются.

– У него тачка, наверное, все-таки получше моей. – Я покосился на бедного «жучка» и поморщился.

Не то чтобы мой «жучок» представлял собой историческую ценность или что-то подобное, но это моя тачка. Я на ней езжу. Она мне нравится.

– Даже не сомневаюсь, что его тачка лучше, – добавил я.

Грейсон невесело усмехнулся:

– Надо кое-какие бумаги заполнить. В состоянии помочь мне с этим?

– Легко, – заверил я.

– Спасибо, что позвонили, сержант, – поблагодарила Мёрфи.

– De nada¹, – отозвался Грейсон, дотронувшись пальцем до козырька фуражки. – Бланки, Дрезден, я принесу, как только приедет эвакуатор.

– Клево, – кивнул я.

Грейсон ушел, и Мёрфи посмотрела на меня в упор.

– Что такое? – негромко спросил я.

– Ты ему соврал, – сказала она. – Про кровь на одежде.

Я вяло повел плечом:

– И проделал это ловко. Если бы я не знала тебя как... – Она потрянула головой. – Это меня даже удивляет. Все это. Лжец из тебя всегда был никудышный.

– Э... – замялся я. Черт ее знает, комплимент это или нет. – Спасибо?

Она скривила губы в усмешке:

– Так что произошло на самом деле?

– Не здесь, – возразил я. – Чуть попозже, ладно?

Секунду-другую Мёрфи вглядывалась в мое лицо, потом нахмурилась еще сильнее:

– Гарри, что случилось?

Безжизненное, обезглавленное тело безымянного паренька вытеснило из моей головы все остальные мысли. Меня захлестнул поток эмоций, и я даже говорить-то не мог, так перехватило горло. Поэтому я только мотнул головой и пожал плечами.

Мёрфи кивнула:

– У тебя все в порядке?

Странная какая-то мягкость послышалась в ее голосе. Всю свою сознательную жизнь Мёрфи занималась тем, что традиционно считается мужской работой в мужском коллективе. Поэтому обыкновенно ее окружала такая пуленепробиваемая аура, сообщавшая ей жесткость и грозность – почти такие, какими она обладала в действительности. Этот образ не менялся почти никогда – по крайней мере, на людях, тем более в присутствии коллег-полицейских. Но теперь, когда она смотрела на меня, в ее голосе появилась какая-то неожиданная, ничего не боящаяся открытость, незащищенность.

В прошлом между нами не раз случались размолвки, но если у меня и есть, черт подери, настоящие друзья, то Мёрфи – одна из них. Я улыбнулся ей лучшей из своих кривых улыбок:

– У меня всегда все в порядке. Более или менее.

Она подняла руку и убрала у меня со лба прядь волос:

– Ты прямо девчонка большая, Дрезден. Стоит тебе получить небольшую плюху – и ты весь одна сплошная эмоция.

Взгляд ее скользнул к «жучку», и голубые глаза вдруг вспыхнули ледяным огнем.

– Тебе известно, кто это с тобой сделал?

¹ Не за что (*исп.*).

– Нет пока, – сквозь зубы проговорил я, и в моем голосе прозвучали рычащие нотки. Подъехал эвакуатор. – Но можешь ставить на кон свою задницу, я это узнаю.

Глава 5

Когда мы добрались до моей берлоги, голова оправилась от шока в достаточной степени, чтобы в полной мере проинформировать меня, как сильно она болит. Боль капитально укоренилась во всем моем теле, не ограничиваясь одной ушибленной башкой. Клонившееся к закату солнце прямо-таки с азартной свирепостью било в глаза, так что я с наслаждением перевел дух, спустившись по лестнице ко входу в мою квартиру, отключил магические обереги, открыл замок и с усилием толкнул тяжелую дверь.

Она, разумеется, не отворилась. Прошлой осенью целая толпа зомби сокрушила мою стальную дверь и разгромила квартиру. Даже притом что теперь я получал приличное жалование Стража, денег на ремонт все равно не хватало, так что дверь пришлось чинить самому. Не могу сказать, чтобы результат отличался особым качеством исполнения, но я стараюсь находить во всем положительную сторону: теперь эту чертову штуковину трудно открыть, даже если я вдруг забуду ее запереть.

Зато в порыве ремонтного энтузиазма я постелил на кухне линолеум, в гостиной и спальне установил ковровое покрытие, а в ванной уложил плитку. В этой связи могу поделиться с вами одной мыслью: все не так просто, как пишут в приложениях к глянцевым журналам.

Пришлось два или три раза двинуть в дверь плечом, и лишь тогда она со скрипом и лязгом подалась.

– Мне казалось, ты собирался попросить домовладельца починить ее, – заметила Мёрфи.

– Когда деньги будут.

– Тебе же сейчас регулярно платят.

Я вздохнул:

– Угу. Но оклад установлен в тысяча девятьсот пятьдесят девятом году, и с тех пор Совет ни разу не делал поправки на инфляцию. Думаю, в ближайшие лет десять или двадцать они все-таки займутся этим.

– Ух ты! По части оперативности даже круче нашей мэрии.

– Учись мыслить позитивно, – хмыкнул я. И, шагнув внутрь, наступил на некоторую неровность пола, неизвестно почему образовавшуюся на ковре перед дверью.

Квартирка моя невелика. Она состоит из довольно просторной гостиной с компактной кухонной нишей прямо напротив входной двери. По правую руку от входа – двери в крошечную спальню и ванную, рядом с ней установлен камин из красного кирпича. Голые каменные стены прикрыты книжными полками, коврами и киноплакатами. Моя гордость – настоящий, не репринтный постер «Звездных Войн», он пережил нападение на квартиру, а вот библиотеке дешевых книг в бумажных обложках досталось изрядно. Видите ли, у этих чертовых зомби есть дурацкая привычка рвать страницы и обложки, как только разделяются с мебелью.

Два старых подержанных дивана я покупал на распродаже, поэтому и заменить их оказалось нетрудно. Кроме них, обстановку гостиной составляют пара удобных старых кресел у огня, журнальный столик и большая груда серо-черного меха. Электричества у меня нет, так что мое жилище представляет собой темную нору – зато эта темная нора еще и прохладная, и я не могу описать, что за наслаждение оказаться дома после испепеляющего солнца на улице.

Небольшая гора меха встряхнулась и, поднявшись на лапы, превратилась в большого коренастого серого пса – только шикарная, почти львиная грива имела более темный оттенок. Пес направился прямоком к Мёрфи, сел и подал ей правую лапу.

Мёрфи рассмеялась и пожала ее как могла, с трудом обхватив эту лапищу.

– Привет, Мыш. – Она почесала его за ушами. – Когда ты его этому научил?

– Это не я, – буркнул я и, задержавшись, чтобы потрепать Мыша по холке, двинулся к холодильнику. – Где Томас? – спросил я у пса.

Мышь выразительно шмыгнула носом и покосилась на закрытую дверь спальни. Я замер, прислушиваясь, и до меня донеслось негромкое журчание воды в трубе. Томас принимал душ. Я достал из холодильника банку колы и посмотрел на Мёрфи. Она кивнула. Я добыл банку и для нее, доковылял до дивана и медленно, осторожно сел. Даже так все мои болячки отозвались самым мучительным образом. Я открыл банку, сделал глоток и, зажмурив глаза, откинулся на спинку дивана. Мышь положил тяжелую башку мне на колено. Потом осторожно тронул лапой мою ногу.

– Я в порядке, – заверил я его.

Он скептически фыркнул, и мне пришлось в доказательство потрепать его холку.

– Спасибо, что подбросила, Мёрф.

– Не за что, – отозвалась она, плюхая на пол большой пластиковый мешок, который принесла из машины. В мешке лежали мои плащ и забрызганный кровью балахон. Мёрфи подошла к кухонной раковине, заткнула слив пробкой и включила холодную воду. – Давай-ка поговорим.

Я кивнул и рассказал ей про мальчишку-корейца. Пока я говорил, она опустила в раковину балахон и принялась энергично отстирывать.

– Мальчишка превратился в того, кого чародеи называют колдунами, – сказал я. – В того, кто предал законы магии. Изначально порочного.

Она помолчала немного, а когда заговорила, голос ее звучал тихо, но угрожающе:

– Они убили его здесь? В Чикаго?

– Да, – кивнул я, ощущая себя еще более усталым. – В последнее время это одно из самых безопасных мест для наших встреч.

– Ты видел это?

– Да.

– И не помешал им?

– Я бы не смог, – сказал я. – Они же все тяжеловесы, Мёрф. И еще... – я сделал глубокий вздох, – я не уверен, что они так уж не правы.

– Черта с два они правы! – взорвалась Мёрфи. – Мне глубоко плевать, что там ваш Совет делает в Англии, или Южной Америке, или еще где им нравится трясти своими чертовыми бородами. Но они приперлись сюда.

– К тебе и твоей работе это не имеет ни малейшего отношения, – буркнул я. – И к закону, если уж на то пошло, тоже. Это сугубо внутреннее дело. С парнем проделали бы то же самое вне зависимости от того, где бы это происходило.

Движения ее на мгновение сделались порывистыми, и вода плеснула через край раковины. Потом Мёрфи с видимым усилием взяла себя в руки, отложила балахон в сторону и принялась возиться с плащом.

– Почему ты так считаешь? – спросила она.

– Паренек изрядно преуспел в черной магии, – объяснил я. – По части контроля над чужим рассудком. Лишая других воли.

Она смерила меня ледяным взглядом:

– Не уверена, что понимаю тебя.

– Четвертый закон магии, – устало пояснил я. – Не допускается устанавливать контроль над сознанием другого человека. Однако... черт, это едва ли не первое, что пытаются сделать большинство неразумных юнцов, – штучки в стиле джедаев. Иногда начинают с того, что заставляют учителя не заметить несделанной домашней работы или устраивают так, чтобы родители как бы по своей воле купили им машину... Магические способности проявляются годам к пятнадцати, а к семнадцати-восемнадцати сил у них уже хоть отбавляй.

– А это плохо?

– Очень часто, – кивнул я. – Вспомни, на что похожи люди в таком возрасте. И десяти секунд не проходит, чтобы они не думали о сексе. Рано или поздно – если кто-то не возьмется за их обучение – они залезут в голову школьной чирлидерши, чтобы добиться свидания. И не только свидания. А потом к другим девицам... да и парням, если быть политкорректным. Кому-то другому не нравится терять подружку или что его дочь обрюхатили, и тогда наш парень пытается замазать свои ошибки новой порцией магии.

– Но почему это карается смертью? – не поняла Мёрфи.

– Видишь ли... – Я нахмурился. – Залезать в чужое сознание трудно и опасно. И рано или поздно, меняя других, ты начинаешь меняться сам. Помнишь Микки Малона?

Мёрфи не вздрогнула, но руки ее на мгновение замерли. Микки Малон работал раньше у нее в отделе. Через несколько месяцев после того, как он вышел на пенсию, на него напал злобный, чертовски опасный дух, наложивший на него мучительное заклятие. В результате такого внедрения в психику пожилой уравновешенный пенсионер превратился в кричащего, совершенно неуправляемого безумца. Я сделал для бедолаги все, что мог, но зрелище было страшнее некуда.

– Помню, – тихо произнесла Мёрфи.

– Когда кто-то залезает в чужую голову, это причиняет там кучу повреждений – вроде того, что случилось с Микки Малоном. Но и того, кто это делает, такое действие тоже увечит. И чем сильнее ты искалечен, тем проще тебе калечить других. Порочный круг. Особенно это опасно для жертвы. Не только потому, что ее вдруг принуждают поверить, будто колдун – царь и бог всея Вселенной. Но и потому, что эти штучки здорово грузят психику, и чем непривычнее для себя приходится поступать человеку, тем больше это его калечит. По большей части все заканчивается вконец уже съехавшей крышей.

Мёрфи поежилась:

– Как у тех клерков, над которыми поработала Мавра? И ренфилдов?

При этом воспоминании мою руку пронзила вспышка фантомной боли.

– Именно так, – кивнул я.

– А что можно натворить с помощью такой магии? – спросила она. Голос ее звучал уже не столь обвиняюще.

– Достаточно. Этот парень заставил несколько человек покончить с собой. Других превратил в убийц. И еще кучу народа, по большей части собственных родственников, сделал своими рабами.

– Господи, – произнесла Мёрфи еще тише, – ужас какой!

Я кивнул:

– Такова черная магия. Стоит дать ей послабление – и она начинает менять тебя. Уродовать.

– Неужели Совет ничего больше не мог поделать?

– Не мог. Мальчишка зашел слишком далеко. Они ведь все перепробовали раньше. Иногда казалось, что колдун идет на поправку, но в конце концов все кончалось плохо. И это приводило к еще более серьезным жертвам. Поэтому, если кто-то из членов Совета не возьмет колдуна на поруки под личную ответственность, его просто убивают.

С минуту она обдумывала услышанное.

– А ты мог бы? – спросила она. – Взять его на поруки?

Я неловко поерзал на диване:

– В чистой теории... черт его знает. Если бы я действительно верил, что его еще можно спасти.

Она поджала губы и уставилась в раковину.

– Мёрф, – произнес я так мягко, как только мог. – Закон не в состоянии справляться с подобными вещами. Таких людей невозможно арестовать или держать в заключении, если только их способности не будут нейтрализованы какой-либо серьезной магией. Если ты попытаешься запереть злобного колдуна в обезьянник ОСР, дело кончится плохо. Хуже, чем тогда, с Луп-Гару.

– Не может быть, чтобы не нашлось какого-то другого выхода, – настаивала Мёрфи.

– Если собака заболела бешенством, ее уже не спасти, – возразил я. – Все, что можно сделать, – не дать ей перезаражать других. Тут нет способа лучше превентивных мер. Выявлять детей с признаками магических способностей и учить их разумному, доброму, вечному. Только вот беда: мировое население за последний век возросло настолько, что Белый Совет уже не в состоянии отследить всех. Тем более в условиях продолжающейся войны. Нас просто слишком мало.

Она вопросительно склонила голову набок:

– «Нас»? Что-то я раньше не слышала, чтобы ты отождествлял себя с Белым Советом.

Я не нашелся что ответить, поэтому просто допил свою колу. Мёрфи прополоскала балдахон, отжала, отложила в сторону и взялась за плащ. Она опустила его в воду, нахмурилась и вытащила обратно.

– Глянь-ка, – сказала она. – Кровь исчезла, стоило ей коснуться воды. Сама собой.

– Словно мальчишку и не казнили. Круто, – негромко произнес я.

Мёрфи внимательно посмотрела на меня:

– Возможно, так это видится обычным людям, когда они видят копов за какой-нибудь малопривлекательной работой. Часто они просто не понимают, что происходит. Наблюдают за тем, что им не нравится, и это их огорчает – а все потому, что не знают всего, сами с этой проблемой не сталкивались и не представляют, насколько страшнее может быть любая альтернатива.

– Возможно, – согласился я.

– Фигня выходит.

– Извини.

Она едва заметно улыбнулась и тут же снова посерьезнела, когда пересекла комнату, чтобы сесть рядом со мной.

– Ты правда считаешь, что у них не было другого выхода?

Видит Бог, я кивнул искренне.

– Поэтому Совет так прижимал тебя? Из-за того, что считал тем, кто готов переродиться в колдуна?

– Угу. Все так, только ты заблуждаешься, говоря об этом в прошедшем времени. – Я опустил голову, на пару секунд прикусив губу. – Мёрф, это как раз из тех случаев, в которые копы не должны вмешиваться. Я предупреждал тебя, что такие ситуации возможны. Мне случившееся нравится не более твоего. Но прошу тебя, не лезь в это дело. Это никому не поможет.

– Но я не могу игнорировать труп.

– Не будет трупа.

Она тряхнула головой и некоторое время смотрела на свою колу.

– Ладно, – выдохнула она наконец. – Но если труп вдруг найдется или объявятся свидетели убийства, у меня просто не останется выбора.

– Понимаю. – Я огляделся по сторонам, словно в поисках другой темы для разговора. – Ладно. Если верить до обидного скупой информации от Привратника, в Чикаго снова имеют место случаи черной магии.

– Что еще за Привратник?

– Чародей. Довольно загадочный тип.

– Ты ему веришь?

– Угу, – кивнул я. – Значит, нам нужно следить за убийствами, необычными происшествиями и всем подобным. Как обычно.

– Идет, – отозвалась она. – Буду обращать особое внимание на трупы, извращенцев и монстров.

Дверь спальни распахнулась, и в гостиную шагнул мой единоутробный брат Томас, свежий после душа, благоухающий одеколоном. Роста в нем примерно шесть футов, и сложен он как модель с обложки спортивного журнала – мускулист, но без избыточной рельефности культуриста. Одежду его составляли черные брюки и черные же ботинки; светло-голубая футболка была небрежно перекинута через плечо.

Мёрфи смотрела на него не без восхищения. На Томаса вообще чертовски приятно смотреть. К тому же он еще и вампир Белой Коллегии. Отличают их не столько клыки и кровь, сколько бледная кожа и сверхъестественная страстность в сексе; впрочем, то, что они питаются не кровью, а жизненной энергией, вовсе не означает, что они менее опасны.

Томас изо всех сил старается держать свой вампирский голод под контролем, чтобы не причинить большого вреда тем, на ком он кормится, – но я-то знаю, с каким чудовищным трудом это ему удастся, и его напряжение заметно внимательному взгляду. Оно проявляется в выражении лица, да и все движения выдают в нем натянутого как струна, голодного хищника.

– Монстры? – переспросил он, надевая футболку. – День добрый, Кэррин.

– Для тебя – лейтенант Мёрфи, красавчик, – отозвалась она, расплываясь в довольной улыбке.

Томас улыбнулся в ответ сквозь завесу упавших на лицо волос, – черт, даже мокрые и спутанные, они не теряют у него привлекательности.

– Премного благодарен за комплимент, – заявил он, пригнулся, чтобы почесать Мыша за ушами, и поднял лежавшую у дверей большую черную сумку. – У тебя что, снова неприятности в городе, Гарри?

– Можно сказать, пока на уровне слухов, – отозвался я. – Сам еще толком не знаю, в чем дело.

Он склонил голову набок, внимательно посмотрел на меня и нахмурился:

– Что, черт подери, с тобой случилось?

– В аварию попал.

– Гм, – хмыкнул Томас, скидывая ремень от сумки себе на плечо. – Слушай... потребуется помощь – дай знать. – Он покосился на часы. – Черт, бежать пора.

– Конечно, – кивнул я ему вслед.

Дверь за ним захлопнулась. Мёрфи выразительно изогнула бровь:

– Ничего не скажешь, резко. Вы с ним еще уживаетесь?

Я поморщился и кивнул:

– Он... даже не знаю, Мёрф. Последнее время он какой-то отстраненный. И почти не бывает дома. Даже ночами. Приходит поесть и поспать – но в основном когда я на работе. А если мы и встречаемся, то почти всегда вот так, мимоходом. Куда-то он там спешит.

– Куда? – поинтересовалась Мёрфи.

Я пожал плечами.

– Ты за него беспокоишься, – заметила она.

– Угу. Это он сегодня еще не такой напряженный, как обычно. А все его вампирский голод. Я боюсь, ему может взбрести на ум, будто весь его самоконтроль никому не нужен.

– Думаешь, он калечит кого-то?

– Нет, – отозвался я чуть поспешнее, чем надо. Я заставил себя успокоиться и лишь потом заговорил: – Нет, вряд ли. Не знаю. Конечно, лучше бы ему поговорить со мной об этом, но начиная с прошлой осени он не подпускает меня к себе близко.

– А самому спросить? – удивилась Мёрфи.

Я выпучил на нее глаза:

– Нет.

– Почему нет? – не поняла она.

– Ну... так не делается.

– Но почему?

– Потому... Потому что у мужчин так не принято.

– Нет, дай-ка мне разобраться, – сказала Мёрфи. – Ты хочешь, чтобы он поделился с тобой, но сам ему об этом не говоришь и вопросов не задаешь. Вы оба просто сидите молча, в напряжении, так?

– Ну... так, – согласился я.

Она посмотрела на меня в упор.

– Для того чтобы это понять, тебе не хватает простоты, – сказал я.

Мёрфи покачала головой:

– Главное-то я понимаю. – Она встала с дивана. – Вы оба просто идиоты. Тебе нужно поговорить с ним.

– Возможно, – устало буркнул я.

– Ладно. Я пока держу ухо востро. Если нарою чего-нибудь необычного, дам знать.

– Спасибо.

– Что ты намерен делать?

– Дождусь захода солнца.

– И что потом?

Я стиснул руками виски, в которых пульсировала боль, и испытал внезапный приступ злости к тем, кто устроил наезд на меня, и к извращенцу, занимающемуся всякими гадостями в моем городе.

– А потом я надену свой чародейский колпак и займусь выяснением, что же происходит.

Глава 6

Мёрфи оставалась до тех пор, пока не удостоверилась, что я не брякнусь внезапно в обморок, и все равно взяла с меня обещание перезвонить через пару часов для спокойствия. Мыш проводил ее до двери, и Мёрфи с усилием, обеими руками захлопнула ее за собой. Потом с улицы донесся и тут же стих, удаляясь, шум ее машины.

Я тыкал свой усталый мозг воображаемой булавкой до тех пор, пока он не подсказал мне следующий ход. Мой мозг вспомнил, что я знаком с нынешним Летним Рыцарем сидхе и что парень многим обязан мне. Собственно, я спас ему жизнь, когда он был всего лишь перепуганным подкидышем, мечтавшим выжить в надвигающейся войне Летней и Зимней династий. Когда все улеглось, он оказался Летним Рыцарем – смертным воителем Летней династии. Новое положение означало связи и влияние на добрую половину империи сидхе, и из всех жителей материального мира он, возможно, лучше других знал о том, что там происходит. В общем, мой усталый мозг решил, что было бы замечательно звякнуть Хвату и получить всю необходимую информацию о происходящем, так сказать, на блюде с голубой каемочкой.

Видите ли, мой мозг бывает порой чрезмерно оптимистичен, однако я решил простить ему это в надежде на выигрыш в детективной лотерее.

Я снял трубку и набрал номер. Ответили только после одиннадцатого гудка.

– А-аллэ?

– Хват? – спросил я.

– Мф, – отозвался не совсем внятный мужской голос. – Кто это?

– Гарри Дрезден.

– Гарри! – В голосе разом появились осмысленные и даже приятельские, хотя и немного сонные нотки. Как бы то ни было, а такой голос более подобал Летнему Рыцарю Королевы сидхе. – Эй, как вы там? Что-то случилось?

– В том и вопрос, – хмыкнул я. – Мне нужно поговорить с вами о делах Летних. Сонные нотки разом улетучились из его голоса. А вместе с ними и дружелюбие.

– А...

– Послушайте, – начал я. – Ничего серьезного. Мне только...

– Гарри, – произнес Хват резким, стальным голосом. Раньше он никогда не перебивал меня. По правде говоря, на мой профессиональный взгляд, еще год назад он вообще никого не перебивал. – Мы не можем обсуждать это. Не исключено, что телефон прослушивается.

– Ну же, Хват, – возмутился я. – Перехватить телефонный разговор с помощью заклятия невозможно. Все тут же перегорит к чертовой матери.

– Не все играют по старым правилам, Гарри, – возразил он. – А смастерить жучок не так сложно.

Я нахмурился:

– Тоже верно. Значит, надо встретиться.

– Когда?

– Чем быстрее, тем лучше.

– На оговоренной нейтральной территории, – напомнил он.

Он имел в виду таверну «Макэнелли», она же мини-пивоварня. Заведение Мака давно уже служит местом сбора оккультной тусовки Чикаго. Когда началась война, кто-то ухитрился занести его в список нейтральных территорий, так что воюющие стороны по взаимному согласию обязались вести себя там в рамках приличий. Возможно, атмосфера у Мака и не самая интимная, но для бесед на подобные темы лучше места в городе не найти.

– Отлично, – сказал я. – Когда?

– Сегодня вечером я занят. Самое раннее – завтрашний обед.

– В полдень, – уточнил я.

В трубке послышалось чье-то сонное бормотание, определенно женское.

– Тсс, – шикнул Хват. – Договорились, Гарри. До встречи.

Я положил трубку и задумчиво посмотрел на телефон. Чтобы Хват спал в это время суток? Да еще не один? И чтобы он не колеблясь перебивал чародея на полуслове? Надо же...

Ну конечно, еще в нашу прошлую встречу он занимал не последнюю позицию при дворе фэйри. И если та сила, которую я видел у Рыцарей сидхе прежде, досталась и ему, он уже вполне мог освоиться с ней. Никогда не знаешь заранее, как изменят человека сила и власть, – это становится видно только по факту. Хвата они изменили.

Что-то внутри меня сжалось, подсказав, что в разговоре с ним следует вести себя осторожнее. Мне не понравилось это ощущение. Не давая себе времени на размышления, я снял трубку и предпринял то, что мой усталый мозг определил как разумный шаг номер два, – проверил, не слышал ли кто из моих знакомых чего подозрительного.

Я сделал несколько звонков. Билли-оборотню, в описываемый момент наслаждавшемуся медовым месяцем. Мортимеру Линдквисту, эктоманту. Уолдо Баттерсу, патологоанатому и автору польки «Квазимодо». Дюжине других знакомых, обладавших зачаточными магическими способностями. И еще редактору «Волхва Среднего Запада» – газеты, в которой некогда печатался и я. Никто из них не слышал ничего такого, и я посоветовал всем держать ухо востро. Я даже позвонил в Архив, но попал на автоответчик, а ответного звонка не дождался.

Еще с минуту я сидел, тупо глядя на телефон и держа в руке гудящую трубку.

Я не позвонил ни Майклу, ни отцу Фортхиллу. Возможно, мне и стоило бы это сделать, исходя из того что помощи много не бывает. Впрочем, если бы небесная канцелярия хотела, чтобы Майкл подключился к делу, он уже занимался бы этим, вне зависимости от того, звонил

ему кто-то или нет и сколько препятствий у него на пути. Я достаточно часто видел это в действии, чтобы поверить.

Хорошее, убедительное рассуждение... Впрочем, не способное никого обмануть. Даже меня. Истина состояла в том, что мне ужасно не хотелось говорить ни с тем ни с другим без самой-самой крайней необходимости.

Длинный гудок в трубке сменился раздражающим «бип-бип-бип» отключения.

Я неуверенно положил трубку на рычаг. Потом встал, сдвинул в сторону потертый ковер в центре комнаты и откинул крышку люка в полу, ведущего в мою лабораторию.

Лаборатория расположена в нижнем подвале... как еще назвать подвал под подвалом? Собственно, это просто большой бетонный ящик, попасть в который можно по раздвижной деревянной стремянке. Вдоль стен выстроились белые металлические стеллажи – дешевые, из «Уолмарта». У меня они уставлены всевозможными емкостями – от пластиковых коробочек и посуды для микроволновки до тяжелых деревянных ларцов. Есть даже один обитый свинцом, в котором я держу щепотку обедненного урана. Помимо этого на полках в изобилии стоят книги, тетради, конверты и прочие разнообразные и на первый взгляд случайные предметы – на всех полках, кроме одной, деревянной. Она почти пуста: всего-то на ней две свечи по краям, четыре сентиментальных романа в бумажных обложках, каталог дамского белья «Секрет Виктории» и белый человеческий череп.

В центре помещения – длинный стол. Пол захламлен почти весь, за исключением небольшого идеально чистого участка, в который вделано кольцо из чистого серебра – мой круг для заклинаний. Ниже, под полуторафутovým слоем бетона, замурован еще один тяжелый металлический ларец, дополнительно укрепленный заговорами и оберегами. В ларце лежит потемневшая серебряная монета.

Моя левая ладонь, сплошь обожженная, кроме маленького пятна кожи с изображением ангельского символа Ласкиэли, вдруг отчаянно зачесалась.

Я потерял ее о ногу и постарался не обращать внимания.

С тех пор как я начал оборудовать свою лабораторию, мой рабочий стол всегда был завален всяким хламом. Но не сейчас.

Тут я должен принести извинения. Отвечая на вопрос Мёрфи про деньги, что платит мне Совет, я не особенно покривил душой. Оклад Стража установлен в пятидесятые годы – но даже наши боссы не настолько толстокожи, чтобы игнорировать такие явления, как инфляция, так что и выплаты Стражам повышаются – медленно, но верно... Бог мой, послушать меня, так я прямо истеблишмент какой-то.

Короче говоря, Совет все-таки изыскивает возможности поддерживать заработную плату Стражей на мало-мальски пристойном уровне. Того, что я от них получаю, конечно, мало, чтобы разбогатеть, но и отмахиваться от этого грех. Только трачу я деньги не на обустройство жилья.

Я трачу их на то, чем занят сейчас мой стол.

– Боб, – позвал я, – просыпайся.

В глазницах черепа замерцали неяркие оранжевые огоньки.

– Чего так громко-то? – недовольно проворчал голос откуда-то изнутри черепа. – Ночь ведь на дворе, Гарри. Отдыхать пора.

– Нет покоя нечестивым, Боб, – жизнерадостно сообщил я. – А из этого следует, что и нам придется пошевеливаться, если не хотим остаться в проигрыше.

Голос из черепа приобрел плаксивую окраску:

– Но мы уже шесть месяцев еженощно возимся с этой твоей дурацкой штуковиной. Если ты до сих пор не заметил, у тебя и рожа уже бычья сделалась... вот-вот рога вырастут. Будешь продолжать в том же духе – скоро из дому не сможешь выйти без того, чтобы в тебя не тыкали пальцами.

– Фигня фиговая, – отозвался я.

– И вовсе не фигня, и не фиговая, – не сдавался Боб. – Ты даже этимологии этих слов толком не знаешь.

– Еще как знаю! Они означают, что некоторым духам воздуха давно пора заткнуться и помогать своему чародею, пока тот не послал их снова на поиски плесенных демонов.

– Что за обращение! – вздохнул Боб. – Ладно, ладно. Чего теперь тебе от меня нужно?

Я махнул рукой в сторону стола:

– Это готово?

– Готово? – переспросил Боб. – Полностью готовым, Гарри, это не может быть никогда – по определению. Оригинал динамичен, он постоянно меняется. Значит, и модель тоже должна меняться. Если ты хочешь, чтобы она была максимально точна, тебе придется из кожи вон лезть, чтобы она не отстала от жизни.

– Сам знаю, – заверил я его. – Об том и речь. На какой мы стадии? Готова ли модель к пробному включению?

– Положи-ка меня в озеро, – попросил Боб.

Я подчинился: взял с полки череп и положил его на восточный край стола.

Череп лежал теперь рядом с миниатюрной моделью Чикаго. Я соорудил ее у себя на столе настолько подробно, насколько позволяли мне мои новые финансовые возможности. Небоскребы возвышались над поверхностью стола на фут с лишком – все они были отлиты из олова, что тоже стоило недешево, если учесть, что мне пришлось готовить для каждого отдельную форму. Между зданиями пролегли улицы из настоящего асфальта, вдоль которых выстроились фонарные столбы и почтовые ящики, – в общем, я воссоздал часть города в радиусе двух миль от Бёнем-Харбора. По мере удаления от центра качество исполнения немного понижалось, и все же я старался воспроизвести каждое здание, каждую улицу, каждую реку или ручей, каждый мост и каждое дерево так точно, как только мог.

Я не один месяц мотался по городу, собирая частицы всех деталей моей модели. Кусочки коры с каждого дерева. Крошки асфальта с каждой улицы. Я ходил с молотком в кармане и украдкой отбивал кусочек-другой от каждого дома – и эти фрагменты оригинала встраивал в миниатюрные копии.

Если я сделал все как надо, модель имела бы несказанную ценность в моей работе. С ее помощью я мог бы применять различные методы, чтобы делать всевозможные вещи: отыскивать пропажи, подслушивать разговоры, происходящие на смоделированной мною территории, и все это – не выходя из относительно безопасной лаборатории. Модель позволяла бы мне заниматься магией в Чикаго на качественно новом уровне по сравнению с моими нынешними возможностями.

Конечно, если я сделал все не так, как надо...

– Классная модель, – заметил Боб. – Мне кажется, тебе стоит показать ее кому-нибудь.

– Нет. – Я покачал головой. – Крошечная модель города в подвальной лаборатории. Со стороны это может показаться параноидальным. Слишком все это в духе Лекса Лютора, что ли.

– Тьфу, – возразил Боб. – Никто из злых гениев, с которыми я работал, не осилил бы такого. – Он помолчал немного. – Хотя, пожалуй, кое-кто из моих знакомых психов мог бы и попытаться.

– Если ты думаешь мне польстить, тебе стоило бы поучиться еще немного.

– Разве я не стараюсь поднять твою самооценку, а, босс? – Череп медленно поворачивался из стороны в сторону, вглядываясь оранжевыми огоньками глаз в миниатюрный город – не столько в его физические очертания, сколько в замурованные в поверхность стола силовые линии, по которым, наподобие крови в сосудах, текли потоки магической энергии.

– На вид, – он издал звук, словно втянул воздух сквозь зубы, – на вид очень и очень неплохо, Гарри. У тебя просто талант на такие штуки. Твоя модель музея, говоря тауматургически, просто вписалась в окружение стадиона.

– И это реальный мир? – осторожно спросил я.

– Он должен быть таким, – ответил снисходительно Боб. – Твой Маленький Чикаго должен отвечать определенным требованиям, если ты хочешь испытать его в действии. – Череп повернулся ко мне. – Надеюсь, твоя спешка не связана с синяками у тебя на физиономии?

– Не уверен, – признался я. – Мне сегодня Привратник передал...

Боб неуютно поерзал на столе.

– ...Ему кажется, что в городе снова занимаются черной магией и что мне нужно как-то с этим разобраться.

– И ты хочешь отыскать это с помощью Маленького Чикаго?

– Хотелось бы. Как думаешь, эта штука будет работать?

– Я думаю, братья Райт не случайно испытывали свою новую хреновину в песчаных дюнах Китти-Хоук, а не над Гранд-Каньоном, – сказал Боб. – С учетом того, что если при ошибке в расчетах их планер сложился бы на манер карточного домика, в Китти-Хоуке у них имелся бы некоторый шанс выжить.

– Как знать, может, у них просто не было денег на транспортировку, – возразил я. – И потом, разве эта штука такая опасная?

Мгновение Боб потрясенно смотрел на меня.

– Гарри, – произнес он наконец. – Ты шесть месяцев кряду еженощно накачиваешь в эту штуку энергию – сейчас в ней энергии раз в триста больше, чем в твоём перстне при максимальной нагрузке.

Я моргнул от неожиданности. Помнится, энергией из того кольца мне однажды удалось перевернуть автомобиль. А если ее в триста раз больше... нет, мне решительно не хотелось экспериментировать с эффектами такого рода в тесных стенах подземной лаборатории.

– Неужели столько?

– Именно столько, и ведь ты ни разу не испытывал ее. Если ты ошибешься с расчетом частот, в худшем случае она рванет прямо у тебя под носом. Ну конечно, в лучшем случае она просто выйдет из строя, и тебе придется начинать все с нуля.

– С единицы, – поправил я. – Проект отсчитывается с единицы. Ноль – это если бы взорвали лабораторию.

– Не вижу разницы, – без особого оптимизма заметил Боб.

– Что поделать, приходится рисковать, – сказал я. – Такова жизнь профессионального чародея и его дерзкого ассистента. Очень возбуждает.

– Ах, оставь. Ассистентам платят.

Вместо ответа я сунул руку в лежавший под столом бумажный пакет и извлек оттуда пару дешевых дамских романов в бумажных обложках.

Боб издал скрипучий звук, череп его запрыгал на выкрашенной в голубой цвет части стола, обозначавшей озеро Мичиган.

– Это они, да? – восторженно взвыл он.

– Ага, – кивнул я. – В рейтинге соответствующей литературы проходят по категории «обжигających».

– Уйма секса и разврата! – верещал Боб. – Давай же!

Я сунул книги обратно в пакет и выразительно перевел взгляд с Боба на Маленький Чикаго.

Череп неохотно повернулся в ту же сторону.

– Ты хоть знаешь, какая именно черная магия? – спросил он.

– Ни малейшего представления. Только то, что черная.

- Туманно, туманно, – заметил Боб.
- До обидного туманно, – согласился я.
- О, Привратник придержал информацию не для того, чтобы обидеть тебя, – утешил меня Боб. – Он сделал это с целью избежать малейшей возможности парадокса.
- Избежать... – Я моргнул. – Чего избежать?
- Он узнал это с помощью ясновидения, не иначе, – сказал Боб.
- Ясновидения? – переспросил я. – Ты хочешь сказать, он отправился за этим в будущее?
- Ну, – замялся Боб, – это нарушило бы один из законов магии, так что вряд ли. Но он мог отправить себе оттуда послание, а может, узнал от какого-нибудь ясновидящего духа. Впрочем, он и у себя мог развить такие способности. Некоторые чародеи это умеют.
- В каком смысле? – не понял я.
- В том, что ничего еще, возможно, не произошло. Но он мог предупредить тебя, чтобы ты был начеку в ожидании того, что произойдет в скором будущем.
- Но почему он просто не сказал мне об этом?
- Боб вздохнул:
- До тебя еще не дошло, нет?
- Нет, кажется.
- Ладно. Скажем, он обнаруживает, что кто-то угонит твою машину. Завтра угонит.
- Хех, – с горечью хмыкнул я. – Ладно, допустим.
- Верно. Он не может просто позвонить тебе и сказать, чтобы ты убрал машину с обычного места.
- Почему не может?
- Потому что, если он своим знанием будущего заметно изменит то, что должно случиться, это с определенной вероятностью вызовет всевозможные нарушения пространства-времени. Что в свою очередь может породить новые, параллельные реальности, начинающиеся от точки исправления, цепочки изменений, которые даже он не в силах будет контролировать, а не исключено, что даже отдачу, которая настолько затронет его психику, что он сойдет с ума. – Боб снова покосился на меня. – Тебя это, возможно, не слишком волнует, но другие чародеи относятся к таким делам в высшей степени серьезно.
- Спасибо, Боб, – сказал я. – И все-таки я не совсем понимаю, почему все это может случиться.
- Боб снова вздохнул:
- Ладно. Объясняю в сто первый, предпоследний раз. Допустим, он узнал, что у тебя угнали машину. Он возвращается в наше время предупредить тебя, и в результате машина остается у тебя.
- Пока мне такой вариант даже нравится.
- Но если твою тачку так и не угнали, – продолжал Боб, – как он узнает об этом, чтобы вернуться и предупредить тебя?
- Я нахмурился.
- Это парадокс, и он может иметь самые неприятные последствия. Теория утверждает, что он способен даже уничтожить нашу реальность, если произойдет в слабом ее месте. Впрочем, никто и никогда этого не проверял, так что этого и не случилось. Во всяком случае, если судить по тому, что Вселенная до сих пор существует.
- Ладно, – кивнул я. – Но тогда какой смысл посылать мне это письмо, если оно все равно не может ничего изменить?
- Еще как может! – возразил Боб. – Если проделать это ловко, не напрямую, можно изменить многое. Например, он говорит тебе, что твою тачку угонят. Поэтому ты перемещаешь ее от дома на стоянку, а в результате ее угоняет не обдолбанный ублюдок, который стреляет в тебя посреди улицы, чтобы забрать ее, а профессионал, который оставляет тебя в целости и

сохранности. Выходит, Привратник изменил судьбу машины совсем немного, зато косвенно изменил твою, и серьезно.

Я наморщил лоб:

– Неплохая перспектива.

– Да, – собственно, поэтому один из законов запрещает всякую возню со временем, – продолжал Боб. – Прошрое менять можно, но это придется делать косвенными средствами, и если ты просчитаешься, то рискуешь устроить Парадоеддон.

– Ты хочешь сказать, что, послав мне это предупреждение, он косвенно решает совершенно другие задачи?

– Я хочу сказать, Привратник обычно чертовски более конкретен в такого рода делах, – ответил Боб. – Все члены Совета Старейшин относятся к черной магии очень и очень серьезно. Наверняка имеется причина, почему он подбросил тебе информацию именно так. Потрохами чую, он действует с позиций темпорального характера.

– У тебя нет потрохов, – угрюмо буркнул я.

– Твоя зависть к моему интеллекту не делает тебе чести, Гарри, – заметил Боб.

Я нахмурился:

– Поближе к делу.

– Слушаюсь, босс, – отозвался череп. – Суть в том, что отыскать черную магию, действуя напрямик, очень трудно. Если ты попытаешься засечь черную магию, пользуясь своей моделью Маленького Чикаго в качестве этакого магического радара, она запросто может поразить и тебя.

– Привратник советовал мне остерегаться черной магии, – сказал я. – Но возможно, он сказал мне это для того, чтобы я искал что-то еще. Нечто связанное с черной магией.

– Что было бы гораздо проще найти с помощью твоей модели, – жизнерадостно подхватил Боб.

– Верно, – кивнул я. – Если бы я хоть догадывался, что мне искать. – Я нахмурился еще сильнее. – Получается, вместо того чтобы искать черную магию, нам надо искать вещи, сопутствующие черной магии.

– В точку, – заявил Боб. – Причем чем более нормальные вещи, тем лучше.

Я придвинул стул и сел, продолжая хмуриться:

– Итак, не поискать ли нам покойников? Кровь? Страх? Вполне заурядные аксессуары черной магии.

– И боль, – добавил Боб. – Они испытывают боль.

– Не только они. Например, садомазохисты ее тоже испытывают, – возразил я. – В городе с восьмимиллионным населением таких не одна тысяча.

– О! Верный аспект, – оживился Боб.

– Можно подумать, ты об этом не знал, – хмыкнул я. – Однако для тусующихся с садомазо боль хоть и важна, но они ее не боятся. Так что давай-ка искать страх. Настоящий страх, не киношный. Ужас. И потом, вряд ли вот так просто на улице или еще где появится много человеческой крови – больницы и подобные заведения не в счет. То же самое и с трупами. – Я побарабанил пальцами здоровой руки по столу рядом с тем местом, где лежал Боб. – Как по-твоему, Маленький Чикаго с этим справится?

Он размышлял довольно долго, а когда ответил, тон его сделался предельно осторожным:

– С чем-то одним... да, возможно. Но от тебя потребуется очень сложное, очень длинное, очень опасное заклятие, Гарри. Для своего возраста ты достаточно силен, и все же самоконтроля и точности тебе пока не хватает. Это потребует от тебя предельной концентрации. А еще изрядной части тебя самого – если тебе это вообще удастся.

Я сделал глубокий вдох и медленно кивнул:

– Отлично. Значит, будем считать это полноценным ритуалом. Очищение, медитация, курильницы... все такое.

– Даже если ты все сделаешь правильно, – продолжал Боб, – может не получиться. А если окажется, что в Маленьком Чикаго имеется изъян, все может обернуться для тебя очень и очень плохо.

Я еще раз кивнул, глядя на миниатюрный город.

В моем городе живут восемь миллионов человек. И из этого числа найдутся двое или трое, способных противостоять черной магии, обладающих знаниями и способностями, необходимыми, чтобы остановить чернокнижника. Более того, очень похоже на то, что я один могу целенаправленно найти его и остановить прежде, чем он начнет сеять смерть. И потом, предупредили об этом, видимо, меня одного.

Возможно, мне стоило бы чуть сбавить обороты. Дождаться информации от моих друзей. Тогда у меня сложилось бы более точное представление о характере угрозы и о том, как с ней справляться. Я хочу сказать, стоило ли мне рисковать своей жизнью в попытке сложить такое заклятие, когда немного терпения дало бы почти такой же результат?

С другой стороны, я мог бы и не рисковать своей жизнью, но это могло стоить жизни кому-то другому. Черная магия – такая штука, которая оставляет за собой трупы, и порой тем, кого она убила, можно считать, еще повезло. Промедли я с использованием своей модели – и мне придется ждать, пока нехорошие парни сделают ход первыми.

Значит, другого пути нет.

Я слишком устал от трупов и жертв.

– Припомни все, что тебе известно о заклятиях такого рода, Боб, – негромко произнес я. – Пойду чего-нибудь перекусить, а потом займемся ритуалом. С заходом солнца начнем искать страх.

– Будет сделано, – отозвался Боб, и в первый раз с начала нашего разговора в голосе его не звучало ни нотки издевки.

Черт возьми!

Я направился к лестнице, пока не передумал.

Глава 7

Ритуальную магию никак не назовешь моим любимым занятием. Это совершенно не зависит от того, чего я пытаюсь добиться с ее помощью; в любом случае я ощущаю себя дураком дураком, когда мне приходится мыться, потом облачаться в белое, зажигать свечи и курильницы, петь какой-то бред и орудовать целым арсеналом свечей, жезлов, жидкостей и прочей необходимой фигни.

Впрочем, как бы я ни пыжился, все эти причиндалы и телодвижения сильно помогают в том, что касается крупнокалиберной магии: они позволяют не следить за уймой мелких деталей, которые в противном случае пришлось бы держать в голове. По большей части я не задумываюсь над визуализацией – я занимаюсь этими штуками так давно, что это уже у меня в крови. Все это хорошо для несложных работ, когда от меня требуется сохранять концентрацию на протяжении нескольких секунд, но для более долгого заклинания и точности требуется на порядок больше. На то, чтобы исполнить получасовой ритуал без посторонней помощи, у меня маловато умственной дисциплины, и хотя более опытные чародеи способны на такое, мало кто из них осмеливается это проделывать, когда того же самого можно добиться более надежными, простыми и безопасными способами.

Я принялся собирать все необходимое для ритуала, начиная со стихий. Серебряный кубок, в который я налил вина, обозначал воду. Полый шар размером с мой кулак, в глубине которого переливались лиловые и зеленые сполохи, – землю. Огонь олицетворялся изгот-

ленной фэйри свечой из чистого пчелиного воска с фитилем из гривы единорога. Воздух – два ястребиных пера, точь-в-точь настоящие, только из чистого золота; такие можно купить в одной-единственной лавке в Норвегии, смертному владельцу которой их поставляют напрямую изготовившие их кобольды. А в качестве пятой, духовной стихии сошел амулет моей матери, серебряная пентаграмма.

Следом за этим я занялся реквизитом, призванным обострять чувства. Благовония для обоняния, свежий виноград для вкуса. Осязанию служил трехдюймовый квадратик, одна поверхность которого была шелковой, а другая – из наждачной бумаги. Довольно крупный опал в серебряной оправе переливался всеми цветами радуги, поддерживая ту часть заклинания, что связана со зрением. А для звука я приготовил старый добрый камертон, чтобы щелкнуть по нему в нужный момент.

Разумом, телом и сердцем я занялся в последнюю очередь. Как обычно, в качестве символа разума я выложил складной армейский нож – свой старый, так сказать, ритуальный стилет. Несколько капель моей крови на чистом белом платке символизировали мое физическое тело. Для сердца я положил в чехол из серебристо-белого шелка несколько фотографий тех, кто мне дорог: моих родителей, Сьюзен, Мёрфи, Томаса, Мыша и Мистера – серого кота, точнее тридцатифунтового самца пумы, в описываемый момент ушедшего в загул. Подумав, я добавил фотографии Майкла и его семьи.

Потом я приготовил ритуальный круг на полу. Я подмел его, сбрызнул водой, подмел еще раз, а потом вымыл дождевой водой из маленького серебряного кувшина. Затем разложил по местам принадлежности и принялся готовить себя самого.

Первым делом я зажег в ванной несколько палочек сандалового дерева и изготовленных фэйри свечей и последовательно проделал положенный обряд омовения, думая при этом о предстоящей задаче. Холодная вода смывала все случайные магические энергии, что в делах ритуальных очень и очень важно: даже самая незначительная помеха может сорвать заклятие или направить его по неверному пути.

Я вылез из-под душа, вытерся и облачился в свой белый халат. Потом опустился на колени у ведущего вниз, в лабораторию, люка, закрыл глаза и принялся медитировать. Чтобы защитить ритуал от посторонних энергий, мои помыслы должны были не уступать чистотой моему телу. Любая посторонняя мысль, тревоги, страхи или другие эмоции способны сорвать заклинание. Отрешившись от мыслей, я сосредоточился на дыхании и скоро ощутил, что мои руки и ноги слегка озябли, – это замедлилось мое сердцебиение. Повседневные заботы, боль в избитом теле, тревога о будущем – все это не имело на данный момент никакого значения.

Не сразу, но мне удалось настроиться на нужный лад, и, когда я закончил подготовку, уже два часа как стемнело, а колени затекли от неподвижности.

Я отворил глаза, и мир вокруг меня сделался кристально ясным, не учитывающим существования чего-либо, кроме трех компонентов бытия: это я сам, моя магия и предстоящий ритуал. Подготовка вышла долгой и утомительной, а ведь я еще даже не приступал к собственно магии, но, если заклятие и впрямь помогло бы мне быстрее прищучить нехороших парней, игра стоила свеч.

В доме воцарились тишина и сосредоточенность.

Я полностью подготовился.

И тут в каком-то футе от моего уха зазвонил чертов телефон.

Не уверен, что я удержался от немужественного вопля, когда подпрыгнул от неожиданности. Затекшие от коленопреклоненной позы ноги слушались плохо, и я оступился, едва не рухнув на диван.

– Черт подери! – взвыл я в бессильном отчаянии. – Черт, черт, черт!

Мыш вынырнул из блаженной дремы и, наострив уши, склонил голову набок.

– Чего уставился? – взорвался я.

Мышь распахнул пасть в добродушной ухмылке и стукнул хвостом об пол.

Я провел рукой по лицу. Телефон продолжал трезвонить. Я довольно давно не занимался серьезными, требующими глубокой сосредоточенности ритуалами, и уж чего-чего, а звонят мне реже редкого, и все равно мог бы и догадаться выдернуть телефон из розетки. Четыре часа подготовки псу под хвост.

Телефон продолжал голосить, и каждый звонок отдавался у меня в голове тупой болью. Чертов телефон! Чертова авария! Впрочем, я постарался мыслить позитивно: я вычитал где-то, что в моменты стресса и огорчений очень важно мыслить позитивно. Должно быть, тот, кто это написал, зарабатывал на жизнь, впаривая кому-то свой товар.

– В жопу позитивное мышление! – рявкнул я в трубку.

– Э... – произнес женский голос. – Что вы сказали?

– В жопу позитивное мышление! – повторил я, едва не срываясь на крик. – Чего вам нужно?

– А... Я, наверное, номером ошиблась. Я, вообще-то, хотела поговорить с Гарри Дрезденом.

Я нахмурился – голова уже включилась в происходящее, хотя мой характер пытался сорвать злость, невзирая ни на что. Голос показался мне знакомым: приятного тембра, звонкий, взрослый... впрочем, угадывалась в нем какая-то нерешительность. И еще что-то странное. Выговор?

– Слушаю, – буркнул я. – Злой, как черт, но слушаю.

– О... Может, я не вовремя позвонила?

Я устало потер глаза:

– Кто это?

– Ох! – выдохнула она, словно вопрос застал ее врасплох. – Гарри, это Молли. Молли Карпентер.

– А... – пробормотал я и хлопнул ладонью по щеке, чтобы прийти в себя. Старшая дочь моего друга Майкла. «Веди себя пристойно, Гарри. Как положено спокойному, ответственному взрослому». – Извини, Молли, не узнал сразу.

– Простите, – сказала она.

Как-то странно прозвучало это «с»... уж не пьяна ли она?

– Не за что, – отозвался я и даже не слишком покривил душой. Если уж на то пошло, помеха могла обернуться и удачей. Если моя башка настолько не оправилась от аварии, что я забыл выключить телефон, не стоило и пытаться работать с мало-мальски серьезным заклиятием. Я запросто мог остаться без головы. – Чего хотела, Молли?

– Э... – замялась она. – Я хотела... Я хотела, чтобы вы забрали меня. Под поручительство, внесли за меня залог.

– Под поручительство? – тупо переспросил я. – В буквальном смысле?

– Ну... да.

– Ты что, в тюрьме?

– Да, – повторила она.

– О господи! – выдохнул я. – Молли, я не уверен, что могу сделать это. Тебе всего шестнадцать.

– Семнадцать, – немного обиженно поправила она. И снова странно выговорила «с».

– Невелика разница, – буркнул я. – Ты несовершеннолетняя. Тебе полагается звонить родителям.

– Нет! – выпалила она, и в голосе зазвучали панические нотки. – Гарри, пожалуйста! Я не могу им звонить.

– Но почему?

– Ну, мне разрешен только один звонок, и я уже позвонила вам.

– Если честно, Молли, порядок немного другой. – Я вздохнул. – Точнее, совсем другой. – Я нахмурился, пытаясь хоть немного расшевелить мозги. – Ты наврала им про возраст?

– Пришлось, а то мама с папой уже были бы здесь, – объяснила она. – Гарри, ну пожалуйста! Послушайте... дома и так сейчас неприятностей хватает. Я не могу объяснить по телефону, но, если вы приедете, честное слово, я все вам расскажу.

Я снова вздохнул:

– Даже не знаю, Молли...

– Прошу вас, – взмолилась она. – Один раз всего, и я потом верну вам залог и больше не буду ни о чем таком просить, честно!

По части мольбы Молли наверняка тянула на дипломированного специалиста. Ей удавалось мастерски изобразить незащитность и надежду, отчаяние и детскую трогательность. Не сомневаюсь, ей хватило бы и половины таких усилий, чтобы обвести вокруг пальца родного отца. Другое дело, конечно, ее мать, Черити.

Я вздохнул:

– Ну почему я?

Я произнес это вовсе не для Молли, но она приняла вопрос на свой счет.

– Я не знала, кому еще позвонить, – ответила она. – Мне нужна ваша помощь.

– Я позвоню твоему отцу. Мы приедем вдвоем.

– Прошу вас, не надо, – прошептала она в трубку, и мне показалось, что отчаяние в ее голосе звучало на этот раз совершенно искренне. – Пожалуйста.

К чему оттягивать неизбежное? Когда вы, милые дамы, попадаете в беду, я всегда веду себя как последний идиот. Ну, может, и не так идиотски, как в былые годы, но все равно не так, как следовало бы, подчиняясь логике.

– Ладно, – вздохнул я. – Куда ехать?

Она продиктовала адрес участка, расположенного не так далеко от моего дома.

– Еду, – сказал я. – И давай договоримся: я выслушаю то, что ты мне расскажешь. И если мне это не понравится, я отправлюсь к твоим родителям.

– Но вы же не...

– Молли, – произнес я, постаравшись придать голосу максимум твердости. – Ты и так просишь от меня гораздо большего, чем мне хотелось бы. Я еду за тобой. Ты рассказываешь мне, в чем дело. После этого я принимаю решение, и ты делаешь так, как я скажу.

– Но...

– Это не торг, – отрезал я. – Ты хочешь, чтобы я тебе помог?

Последовала долгая пауза, потом она горестно шмыгнула носом.

– Ладно, – произнесла она, подумала секунду-другую и спохватилась: – Спасибо.

– Угу, – буркнул я, глядя на свечи с благовониями и думая о том, сколько времени я пустил псу под хвост. – Буду в течение часа.

Придется вызвать такси. Не самый героический способ спешить на выручку, но безлошадные не выбирают. Я поднялся с колен и принялся одеваться.

– Ох уж эти красотки! – сказал я Мышу.

Когда я в чистой одежде вышел из спальни, Мыш уже сидел у двери. Он поднял лапу и качнул ею висевший на дверной ручке поводок.

– Вот уж тебя красоткой не назовешь, – хмыкнул я, но все же щелкнул карабином, пристегнув поводок к ошейнику, а потом вызвал такси.

Глава 8

Таксист отвез меня в восемнадцатый участок, на Ларраби. Квартал, в котором располагался участок, знал и лучшие времена, однако и худшие тоже, причем гораздо чаще. Некогда

печально знаменитый Габрини-Грин находится в двух шагах, но программа городской реконструкции, деятельность нескольких церковных общин и тесное сотрудничество с местным полицейским начальством превратили часть самых мерзких чикагских улиц в нечто, весьма отдаленно напоминающее цивилизацию.

Разумеется, мерзости в городе осталось достаточно, но из мест, считавшихся раньше цитаделью разложения и безнадежности, ее хоть отчасти изгнали. То, что получилось в результате, нельзя назвать самой симпатичной частью города, однако признаки оздоровления здесь налицо.

Конечно, циничной деталью можно считать то, что от Габрини-Грина всего несколько минут ходьбы до Золотого Берега, одного из самых богатых городских районов, так что деньги вкладываются в реконструкцию криминальных трущоб вовсе не случайно. Цинизм цинизмом, и все же нельзя не восхищаться живущими здесь людьми, трудом и борьбой которых район постепенно освобождается от страха, преступности и хаоса. В солнечные дни начинаешь даже думать, что не все еще потеряно и что при наличии воли, веры и взаимопомощи мы сможем одолеть силы тьмы.

Надо сказать, последние года два эти мысли очень меня греют.

Здание полицейского участка не выглядело новым, но на его стенах не было граффити, а вокруг я не увидел ни мусора, ни – во всяком случае, пока – неприкаянных личностей в джинсах, красных футболках, избитых и небритых. Таксист всю дорогу косился на меня подозрительно, и я его не виню: не каждый день приходится возить типов, от которых пахнет сандалом и прочими благовониями. Пока я расплачивался, Мыш подставил таксисту свою башку, и тот, улыбнувшись, высунул руку в окно и осторожно почесал его за ухом.

Мыш вообще легче находит общий язык с людьми, чем я.

Неловко убирая сдачу в кошелек обожженной левой рукой, я зашагал ко входу в участок. Мыш послушно затрусил рядом со мной.

Внезапно по коже забегали мурашки, и я покосился на отражение в стеклянных дверях участка.

За моей спиной, на противоположной стороне улицы – прямо под знаком, запрещающим парковку, – остановился автомобиль. Сидевшего в нем я не видел, только неясный силуэт, да и сама машина – незнакомый мне белый седан – никак не напоминала темно-серую тачку, наехавшую на моего «жучка» несколько часов назад. Однако инстинкты подсказывали мне, что за мной следят. В конце концов, просто так, от нечего делать не останавливаются на запрещенном месте, тем более напротив полицейского участка.

Мыш негромко заворчал, что насторожило меня еще больше. Мыш вообще редко подает голос. Я уже привык к тому, что если он ворчит, значит где-то неподалеку темные силы: черная магия, голодные вампиры или смертоносные некроманты. На почтальона, скажем, он вообще не обращает внимания.

Выходит, кто-то из моих потусторонних оппонентов висел у меня на хвосте. Знаменательный знак: как правило, я знаю, кого раздражаю и чем. Обычно к тому времени, когда расследование достигает стадии, на которой за мной начинают следить, в наличии уже имеется минимум один криминальный эпизод, а то и один-два труп.

Мыш рыкнул еще раз.

– Вижу, вижу, – вполголоса проговорил я. – Спокойно. Идем как ни в чем не бывало.

Он снова замолчал, и мы, не оглядываясь, одолели несколько последних футов.

Дверь нам отворила Молли Карпендер.

В последний раз, когда я видел Молли, она была неуклюжим подростком – длинноногим, костлявым, порывистым, смешливым. Правда, с тех пор прошло несколько лет.

За это время Молли заметно повзрослела.

Она сильно походила на свою мать – Черити. Обе отличались высоким ростом – под шесть футов, – светлыми волосами, голубыми глазами, красотой, грацией и в то же время этакой капитальностью сложения. Черити напоминала розу из нержавеющей стали. Молли могла бы сойти за нее же в молодости.

Но конечно, я сомневаюсь, чтобы Черити хоть раз в жизни оделась так, как Молли.

Молли стояла передо мной в длинной черной юбке, художественно порванной в нескольких местах. Из-под юбки выглядывало сетчатое белье, выставившее ногу и бедро сильнее, чем одобрила бы любая мать. Впрочем, даже это прозрачное белье тоже было порвано – намеренно и достаточно красиво. На ногах красовались тяжелые армейские ботинки, завязанные ярко-голубыми и розовыми шнурками. Поверх белой в обтяжку футболки она надела короткую черную куртку-болеро с большим значком «СПЛЕТТЕРКОН!!!». Наряд довершали черные кожаные перчатки.

Но подождите, это еще не все.

Она сделала себе химию и выкрасила волосы: половину – в розовый, как жвачка, цвет, половину – в небесно-голубой. Волосы были острижены так, что лицо завешивала этакая короткая, до подбородка вуаль. Еще она накрасилась: в избытке теней и румян, черная губная помада. Золотые колечки поблескивали в обеих ноздрях, в нижней губе и правой брови. Крошечный золотой шарик отсвечивал под нижней губой. Там, где тонкая ткань футболки скорее подчеркивала, чем скрывала соски, угадывались миниатюрные булавочные выпуклости.

Я решил, что мне не хочется знать, где она еще сделала себе пирсинг. Не хочется, и все тут, твердо сказал я себе. Пусть даже в самых... гм... интригующих местах.

Но подождите, и это еще не все.

Слева на шее виднелась татуировка в виде извивающейся змейки, хвост которой скрывался где-то под воротом футболки. Еще один узор – какие-то петли и спирали – украшал правую руку выше локтя.

Молли смотрела на меня, выгнув бровь в ожидании реакции. Поза и выражение лица должны были говорить, что ей безразлично, что я о ней думаю, но я буквально кожей ощущал исходившие от нее неуверенность и волнение, как она ни старалась их скрыть.

– Давно не виделись, – произнес я наконец.

– Привет, Гарри, – отозвалась она. Эти слова снова прозвучали немного необычно, и я заметил, как блеснуло на кончике ее языка золото.

Ну да, конечно.

– Как-то это странно, – заметил я. – Ты не слишком похожа на арестованную.

– Ну... да, – пробормотала Молли. Она старалась говорить спокойно, но ее лицо и шея виновато покраснели. Она неуютно переступила с ноги на ногу, и во рту что-то звякнуло. Надо же – она стучит своим пирсингом о зубы, когда волнуется... – Э... Наверное, я должна извиниться. Э...

Она замялась. Я не торопил. Пауза затягивалась, но у меня не было ни малейшего желания помогать ей выбираться из этого положения.

Мыш сидел между нами и пристально смотрел на нее.

Молли улыбнулась и потянулась погладить его.

Мыш напрягся, и из груди его вырвался негромкий рокочущий звук. Молли снова потянулась к нему, и предостерегающий рык вдруг сделался громче.

Последний раз Мыш рычал на одного съехавшего с катушек чернокнижника, который едва не измолотил меня в труху и призывал двадцатифутовую кобру, чтобы та убила мою собаку. Правда, Мыш сам ее убил. А потом – по моей команде – и чернокнижника. Теперь он рычал на Молли.

– Повеселее, – строго сказал я ему. – Это друг.

Мыш покосился на меня и снова замолчал.

Он терпеливо позволил Молли почесать себя за ушами, но его напряженная поза не изменилась.

– Когда вы завели собаку? – поинтересовалась Молли.

Мыш выказывал беспокойство, но не так, как в случаях, когда рядом находились по-настоящему серьезные нехорошие парни. Занятно. Я старался говорить как можно нейтральнее.

– Пару лет назад. Его зовут Мыш.

– Что это за порода такая?

– Вестхайленд-собакопотам, – ответил я.

– Ну и громадина.

Я промолчал, и девица покраснела еще сильнее.

– Простите меня, – выдавила она наконец. – Я вам соврала, чтобы вы приехали.

– Правда?

Она скривилась:

– Извините. Мне... мне правда очень нужна ваша помощь. Я просто подумала, если я поговорю с вами об этом лично, вы, может... То есть...

Я вздохнул. Какой бы интригующей ни представлялась ее футболка, Молли оставалась еще совсем ребенком.

– Будем называть вещи своими именами, Молли, – сказал я. – Ты решила, что, если тебе удастся выманить меня сюда, у тебя появится возможность пострелять глазками и заставить меня плясать под свою дудку, так?

Она отвела взгляд:

– Вовсе нет.

– Вовсе да.

– Нет, – начала она. – Я не хотела ничего дурного...

– Ты мной манипулировала. Ты злоупотребила моей дружбой. Это как, «ничего дурного»?

– Но мой друг попал в беду, – взмолилась она. – Я не могу помочь ему, а вы можете.

– Какой еще друг?

– Его зовут Нельсон.

– Он попал в тюрьму?

– Он не виноват, – заверила она меня.

Ну да. Все они не виноваты.

– Он твой ровесник? – спросил я.

– Почти.

Я поднял бровь.

– На два года старше, – призналась она.

– Тогда посоветуй взрослому гражданину Нельсону: пусть позвонит своему адвокату.

– Мы пробовали. Они не могут приехать до завтра.

– Тогда скажи ему, пусть потерпит и переночует в кутузке. Или позвонит родителям. – Я повернулся, чтобы уходить.

Молли схватила меня за запястье.

– Но он не может! – с отчаянием взмолилась она. – Ему некому звонить. Он сирота, Гарри.

Я застыл.

Черт возьми!

Я тоже сирота. Не могу сказать, чтобы это было приятно. Я многое мог бы рассказать, но взял себе за правило не слишком распространяться на этот счет. Коротко говоря, это был кошмар, который начался со смерти моего отца, а потом продолжился долгими годами беспробудного одиночества. Конечно, существует система, которая занимается сиротами, но она

далека от совершенства, и потом, это всего лишь система, а не живой человек, который о вас заботится. Это анкеты, их копии и люди, имена которых ты очень быстро забываешь. Тех ребят, кому повезет, берут приемные родители, о них заботятся. По-настоящему заботятся. Но те, кого не выбрали, – они как брошенные в пруд щенята: вся жизнь превращается для них в бесконечную школу выживания, потому что никто больше на этом белом свете не будет заботиться о них.

Жуткое это ощущение. Я стараюсь не вспоминать и даже не думать об этом – но стоит кому-нибудь произнести при мне вслух слово «сирота», как тоскливая пустота и ноющая боль разом вылезают из темных закоулков моего сознания. Довольно долго я пребывал в дурацком убеждении, что в состоянии сам справиться со всем. Тщеславие, конечно. Никто не в состоянии справиться со всем в одиночку. Порой чья-то помощь все-таки необходима – даже если она сводится к толике чужого внимания и времени.

Или к вызволению тебя из тюрьмы.

– За что забрали твоего друга Нельсона?

– Угроза безопасности окружающих и нападение при отягчающих обстоятельствах. – Она набралась духу. – Это долго рассказывать. Но он хороший парень, Гарри. И вовсе не склонен к насилию.

Сказанное лишний раз убедило меня в том, что Молли совсем маленькая. Покопаться, так в каждом можно найти склонность к насилию. Да еще в каком количестве...

– А твой папа? Он всегда приходит на выручку людям.

Молли поколебалась секунду-другую, и щеки ее порозовели еще сильнее.

– Э... моим родителям Нельсон не очень нравится. Особенно папе.

– Ага, – кивнул я. – Вот, значит, какой друг этот Нельсон. – Все начинало складываться в цельную картину. – Так почему ему так важно выбраться из кутузки сегодня?

Так, посмотрим.

Молли выпустила мое запястье:

– Потому что ему, возможно, грозит опасность. Такая... страшная. Ему нужна ваша помощь.

Вот оно что.

Порой мне кажется, что быть психом гораздо комфортнее.

Глава 9

Бойфренда Молли арестовали пару часов назад. Залог за него назначили такой, что я порадовался появившейся у меня за последний год привычке не выходить из дома без некоторой суммы наличными – так, на всякий случай. Под хмурым взглядом дежурной по участку я отсчитал требуемое количество двадцаток. Она взяла у меня стопку и пересчитала их еще раз.

– Спасибо, – сказал я. – Приятно все-таки, когда тебе доверяют.

Она не улыбнулась и придвинула ко мне несколько бумажек:

– Подпишите, пожалуйста, здесь. И здесь.

Я вздохнул. Молли беспокойно переминалась с ноги на ногу, держа на поводке Мыша. Покончив с формальностями, мы уселись и принялись ждать. Молли ерзала на месте до тех пор, пока ее ненаглядного не вывели, чтобы тот подписал последнюю пару необходимых для освобождения бумажек.

Бойфренд Нельсон оказался совсем не таким, каким я ожидал его увидеть. Он был на дюйм или два выше Молли, с длинным узким лицом – я бы не стал трогать его пальцем за скулу из опасения уколоться. Еще его отличала худоба, но не хрупкая, болезненная, а упругая, как у ивового прута. Двигался он легко – я решил, что он фехтует или занимается какими-нибудь другими боевыми единоборствами. Темные волосы лежали ровной копной. На носу – очки в

прямоугольной серебряной оправе; наряд его составляли хлопчатобумажные брюки и черная футболка с таким же, как у Молли, значком «СПЛЕТТЕРКОН!!!». Вид он имел усталый, и ему не мешало бы побриться.

Стоило ему освободиться, как он бросился к Молли, и они обнялись, шепча что-то другу другу на ухо. Я не стал прислушиваться. Вряд ли стоило лезть в их интимные отношения. Одно их поведение говорило само за себя. Объятия продолжались на секунду или две дольше, чем этого хотелось бы Молли. Потом, когда Нельсон наклонил голову, чтобы поцеловать ее, она мило улыбнулась и подставила щеку. Только тогда до него дошло. Он чуть прикусил губу, отступил от Молли на шаг и вытер ладони о штанины, словно не зная, что с ними еще делать.

– Только мелодрамы нам еще здесь не хватало, – пробормотал я Мышу вполголоса и вышел к телефону-автомату вызвать такси.

Как образованный чародей, я давно уже усвоил нехитрую истину из области человеческих взаимоотношений: без них гораздо спокойнее.

Я так часто себе это повторяю, что даже почти поверил.

Молли и ее бойфренд вышли через минуту. Протягивая мне руку, Нельсон старательно отводил глаза:

– Э... похоже, я должен сказать спасибо.

Я сжал его руку с такой силой, что ему, должно быть, сделалось больно. В конце концов, разве я не раздраженный альфа-самец?

– Как я мог не ответить на столь вежливый и недвусмысленный призыв о помощи? – Я забрал поводок Мыша у Молли, которая опустила взгляд и снова покраснела.

– Мне не хотелось бы показаться неблагодарным, – буркнул Нельсон, – но мне двигаться надо.

– Нет, не надо, – сказал я.

Он уже занес ногу для первого шага, но замер и удивленно оглянулся:

– Простите?

– Я только что вытащил тебя из-за решетки. Теперь самое время рассказать мне, что с тобой случилось. Потом можешь идти на все четыре стороны.

Он сощурился и снова сменил позу, расставив ноги чуть шире. Определенно он занимался боевыми единоборствами.

– Вы мне угрожаете?

– Я говорю тебе, как все будет, детка. Так что валяй рассказывай.

– А если не стану? – поинтересовался он.

Я пожал плечами:

– Если не станешь, то, вполне возможно, получишь по башке.

– Попробуйте, а я посмотрю, как вы это сделаете, – заявил он с вызовом.

– Легко, – хмыкнул я. – Мы стоим на виду у дежурного копа. Скорее всего, он не заметит, кто ударил первым. Ты только что вышел под залог. Ты вернешься обратно по обвинению в нападении, совершенном через две минуты после освобождения. Во всем городе не найдется судьи, который согласится бы выпустить тебя под залог повторно.

Я увидел, как он лихорадочно обдумывает эту мысль. Это произвело на меня впечатление. Изрядный процент мужчин в его возрасте, разозлившись так, как он, вообще не утруждают себя размышлениями. Подумав, он тряхнул головой:

– Вы блефуете. Вас тоже арестуют.

– Адские погребушки, детка, – улыбнулся я. – Ты что, с луны свалился? Меня допросят. Я скажу, что ты ударил первым. Как думаешь, кому они поверят? Меня выпустят, не пройдет и часа.

Пальцы Нельсона побелели – с такой силой он сжал кулаки. Он посмотрел на меня, потом на дверь у меня за спиной.

– Нельсон, – тихо вмешалась Молли. – Он хочет тебе помочь.

– Оно и видно, – огрызнулся Нельсон.

– Просто восстанавливаю справедливость, – сказал я, покосившись на Молли, и вздохнул. Нельсон пытался сохранить лицо. Не мог же он пойти на попятный на глазах у своей девушки.

Неуверенность, имя тебе – тинейджер.

Впрочем, помоги я Нельсону немного, пощади его гордость – от меня не убудет.

– Ну же, парень. Дай мне пять минут переговорить с тобой, и я отвезу тебя туда, куда тебе нужно. Можем перекусить по дороге.

В желудке у Нельсона явственно забурчало, и он сглотнул, покосившись на Молли. Сковавшее его напряжение немного отступило, и он со вздохом кивнул, пригладив рукой непослушные волосы.

– Извините. День... просто не задался.

– У меня тоже было такое как-то раз, – кивнул я. – Рассказывай. Как тебя угораздило попасть за решетку?

Он тряхнул головой:

– Я толком и не понял, что случилось. Я был в туалете...

Я поднял руку, жестом остановив его. Сдохни от зависти, Мерлин.

– Каком туалете? Где?

– На конvente, – ответил он.

– На конvente? – переспросил я.

– На «Сплеттерконе», – пояснила Молли, ткнув пальцем в значки – сначала в свой, потом Нельсона. – Это такой фестиваль фильмов-ужастиков.

– На эту тему проводится отдельный фестиваль?

– Бывают фестивали чего угодно, – ответил Нельсон. – На этом крутят фильмы ужасов, приглашаются продюсеры, режиссеры, художники по спецэффектам, актеры. И сценаристы тоже. У нас там бывают творческие дискуссии. Конкурсы костюмов. Продажи. Фанаты тусуются – или встречаются со съемочными группами... в общем, в этом роде.

– Так-так. Значит, ты фанат?

– Я в штате, – возразил он. – За безопасность отвечаю.

– Ладно, – кивнул я. – Вернемся в туалет.

– Ага... ну так вот. Я кофе напился, чипсов всяких, вот и засел, а дверь в кабинку закрыл, конечно.

– И что случилось?

– Я услышал, как кто-то вошел, – продолжал Нельсон. – Там у них дверь скрипучая. – Он нервно провел языком по губам. – И тут он как закричит...

Я вопросительно поднял бровь:

– Кто?

– Кларк Пелл, – пояснил он. – Хозяин старого кинотеатра рядом с гостиницей. Мы его арендовали на выходные, чтобы покрутить любимые киношки на большом экране. Славный старикан. Всегда нам помогает.

– Почему он кричал?

Нельсон заколебался, явно испытывая неловкость:

– Он... Только поймите, я ведь толком и не видел ничего.

– Конечно, – кивнул я.

– Ну, по шуму это смахивало на драку. Там возились. И я слышал, как он подал голос, понимаете? Словно кто-то там его напугал. – Нельсон тряхнул головой. – Тогда он и начал кричать.

– А дальше?

– Я бросился ему на помощь, но... – Щеки его порозовели. – Понимаете, все это застало меня в самый разгар... ну... В общем, я выскочил из кабинки через минуту примерно.

– И что?

– И там был мистер Пелл. Без сознания, весь в крови. Не то чтобы совсем плох, но отмутили его, похоже, будь здоров. Нос сломали. Может, и челюсть тоже. В общем, его забрали в больницу.

Я нахмурился:

– Кто-нибудь мог проскользнуть внутрь или наружу?

– Нет, – заявил Нельсон, и на этот раз в его голосе не прозвучало ни тени сомнения. – Эта чертова дверь просто дико скрипит всякий раз, когда ее открывают.

– Но ведь кто-то мог войти вместе с Пеллом, – предположил я.

– Войти, может, и мог, – согласился он. – Но...

– Знаю, знаю, – кивнул я. – Все равно ему пришлось бы открывать дверь, чтобы выйти. – Я задумчиво потер подбородок. – А если кто-то придержал дверь?

– В фойе было полно народа. При открытой двери оттуда слышны голоса, – возразил Нельсон. – И прямо за дверью стоял коп. Собственно, он первый и прибежал.

Я хмыкнул:

– И за отсутствием других подозреваемых всё повесили на тебя.

Нельсон хмуро кивнул.

Я подумал немного и снова повернулся к нему:

– Как ты думаешь, что случилось?

Он решительно покачал головой:

– Не знаю. Должно быть, кто-то ухитрился каким-то образом попасть туда и выбраться обратно. Может, через вентиляцию или еще как.

– Угу, – кивнул я. – Должно быть, так.

Нельсон покосился на часы и поперхнулся:

– Черт! Мне надо в аэропорт. Через тридцать минут я должен встречать Дарби и отвезти его в гостиницу.

– Дарби? – переспросил я.

– Дарби Крейна, – объяснила Молли. – Продюсера и режиссера ужастиков. Почетного гостя «Сплеттеркона».

– Я мог видеть что-нибудь из его опусов? – поинтересовался я.

– Возможно, – кивнула Молли. – Вы «Жатву» видели? Где то самое Чучело.

– Э... – Я порылся в памяти. – Это там, где оно проламывается сквозь стену монастыря и пожирает монахинь? А библиотекарь поджигает библиотеку и сам сгорает вместе с ним?

– Оно самое.

– Ха! – сказал я. – Неплохо. Но я в жизни и пострашнее видал.

– Прошу прощения, – вмешался Нельсон, – но мне действительно надо рвать когти.

При этих его словах у тротуара остановилось такси. Я огляделся по сторонам – моя ненавязчивая тень никуда не делась.

Мышь испустил почти неслышный рык.

Тень не лезла на глаза, но и не делала особенных попыток спрятаться, из чего следовало, что это вряд ли убийца. Наемный киллер делает все, что в его силах, чтобы остаться невидимкой – по крайней мере, до тех пор, пока клиента не отвезут в морг. Но конечно, он мог бы действовать и с точностью до наоборот. Впрочем, если бы я каждый раз ожидал подобной подлнки, я бы довольно скоро окончательно съехал с катушек.

Скорее всего, ему, кем бы он ни был, полагалось просто следить за мной. Раз так, лучше держать его в поле зрения, а не пытаться сбросить с хвоста. Спокойнее знать, где он находится,

чем терзаться неизвестностью. Что ж, поиграем: пусть смотрит на здоровье, а я, может, пойму, что он там задумал. Я кивнул сам себе и шагнул к такси; Мыш не отставал от меня ни на шаг.

– Ладно, дети, – бросил я через плечо. – Марш в машину.

Мы с Мышем залезли на заднее сиденье. Молли, не оставив Нельсону ни малейшего выбора, села вперед, рядом с водителем. Нельсон занял место рядом со мной.

– Который? – спросил я у него.

– О’Хара.

Я ретранслировал это водителю, и мы поехали в аэропорт. Время от времени я поглядывал назад – тень держалась за нами на некотором отдалении, и фары ее следовали позади до самого О’Хара. Мы доставили Нельсона туда как раз вовремя, чтобы он успел встретить своего короля фильмов категории «Б», и Нельсон выпрыгнул из машины едва ли не на ходу. Молли отворила дверцу, чтобы выйти за ним следом.

– Постой, – сказал я. – Ты остаешься.

Она оглянулась на меня через плечо и нахмурилась:

– Что еще?

– Нельсон на свободе, он рассказал мне, что случилось, и успел встретить этого своего Дарби Крейна. Мне кажется, я полностью исполнил все, что обещал.

Ей очень шло хмуриться.

– Да. И что?

– То, что теперь твоя очередь. Закрой дверцу.

Она покачала головой:

– Гарри, разве вы не видите, что ему грозит какая-то опасность? И ведь он не верит в... – Она покосилась на таксиста. – Ну, вы понимаете.

– Может, грозит, – сказал я. – А может, и нет. Я заеду сегодня к вам на этот ваш конвент и посмотрю, не было ли в нападении на мистера Пелла чего-то сверхъестественного. Сразу же после того, как мы поговорим с твоими родителями.

Молли побелела:

– Что?

– У нас уговор, – напомнил я. – И я считаю, Молли, что нам необходимо повидаться с ними.

– Но... – пробормотала она. – Но ведь не меня же пришлось из тюрьмы вытаскивать.

– Могла бы подумать об этом, прежде чем со мной договариваться.

– Не поеду я туда, – заявила она, скрестив руки на груди. – Не хочу и не поеду.

Мне даже не понадобилось прилагать особых усилий к тому, чтобы голос и лицо у меня сделались ледяными, как айсберг.

– Мисс Карпентер, у вас имеются хоть малейшие сомнения в том, что я в состоянии отвезти вас туда, – вне зависимости от того, хотите вы того или нет?

Перемена в моем голосе, похоже, изрядно ее потрясла. Секунду-другую она смотрела на меня, шевеля губами, не в силах издать ни звука.

– Я отвезу тебя к ним, – сказал я. – Потому что это самое разумное, что можно сделать. Самое правильное. Ты сама согласилась, и, клянусь камнями и звездами, если ты попытаешься ускользнуть, я упакую тебя в поролон, перетяну скотчем и пошлю к родителям по почте.

Она глядела на меня – моргая, в полнейшем потрясении.

– Я тебе не папа и не мама, Молли. Я сейчас вообще не самый приятный собеседник. Ты уже злоупотребила моим хорошим к тебе отношением – оторвала от работы, от которой, возможно, зависят чьи-то жизни. Из-за твоих дурацких штук я не смог помочь людям, которые действительно нуждались в моей помощи. Которые, возможно, пострадали или погибли. – Я придвинулся к ней, и она чуть отпрянула, избегая смотреть мне в глаза. – Так что кончай валять дурака и садись в машину.

И она села.

Я продиктовал водителю адрес и, закрыв глаза, откинулся на спинку сиденья. Я не встречался с Майклом... сколько? Года два, если не больше. О чем я жалел. Конечно, не видеть Майкла означало не видеть и Черити, о чем я не жалел. И вот я ехал к ним на такси с их дочерью. Черити это наверняка понравится не больше, чем мне, скажем, чистить Мыша после прогулки в непогоду. Полагаю, с ее точки зрения, одно мое присутствие в непосредственной близости к ее дочери приравнялось к гнусным мыслимым и немислимым домогательствам.

Знак на моей сожженной ладони горел и зудел. Я почесал его сквозь перчатку, но это не помогло. Снимать перчатку я боялся. Стоило Майклу увидеть знак или каким-либо другим образом ощутить присутствие у меня в голове Ласкиэли, и он вполне мог бы отреагировать в духе жены – это не принимая в расчет естественного отцовского стремления оградить свою... скажем так, созревшую дочь от посторонних посягательств.

В общем, я ожидал красочных фейерверков. Вот уж свезло так свезло.

А еще – если допустить, конечно, что я останусь жив, – мне предстояло потом ехать на фестиваль ужасиков, на котором, вероятно, имело место нападение потусторонних сил, таинственный наблюдатель следовал за мной по пятам, а тот тип в «крайслере», возможно, оттачивал мастерство вождения в ожидании нашей следующей встречи.

Развлекаться так развлекаться.

Глава 10

Я попросил водителя не выключать счетчик и зашагал к дверям дома Карпентеров. Пока мы пересекали лужайку-палисадник, Молли оставалась спокойной, отрешенной и не произнесла ни слова. Она спокойно поднялась на крыльцо, спокойно подошла к двери – и, только когда я позвонил, вдруг стала мокрой как мышь.

Что ж, приятно сознавать, что не одного меня предстоящий разговор с Майклом пугает до такой степени. Впрочем, если я не буду затягивать беседы и не позволю Майклу слишком ко мне приближаться, то, возможно, он и не заметит сидящего во мне демона. Может, и пронесет.

Моя и без того ноющая голова разболелась еще сильнее.

Стоявшая рядом со мной Молли резко повела плечами и порывистым движением поправила волосы. Потом одернула старательно изорванную юбку и поморщилась при взгляде на свои ботинки:

– Как по-вашему, не слишком грязные?

Пару секунд я молча открывал и закрывал рот.

– У тебя, – произнес я наконец, – пара татуировок выставлена на всеобщее обозрение, и, чтобы наколоть их, ты, возможно, использовала поддельное удостоверение личности. Твоего пирсинга достаточно, чтобы свести с ума любой уважающий себя металлодетектор, и ты понацепляла украшения себе на такие места, о существовании которых тебе, по расчетам твоих родителей, не положено даже догадываться еще пару лет. Одета ты как подруга Франкенштейна, и волосы у тебя таких цветов, какие я прежде видел только у сладкой ваты. – Я снова повернулся лицом к двери. – На фоне всего этого я бы на твоём месте не слишком переживал из-за нескольких пылинок на башмаках.

Краем глаза я видел, как Молли беспокойно переминается с ноги на ногу в ожидании, пока откроется дверь.

– Молли! – завопил детский голос.

В дверном проеме мелькнуло что-то розовое, послышался счастливый писк, и Молли крепко обняла одну из своих младших сестер.

– Здорово, Хоббит! – Подхватив девицу под коленки, Молли подняла ее в воздух вверх тормашками. Та испустила восторженный визг, затем Молли перевернула ее в нормальное положение и поставила обратно на пол. – Как вы тут?

– Теперь у нас старший Дэниел, – ответила девица, – и он хуже тебя. Все время кричит. А чего это у тебя волосы синие?

– Эй! – вмешался я. – Там еще и розовые есть.

Только тут девица – златокудрый ангелочек лет шести-семи – заметила меня и спряталась за старшую сестру.

– Вы же помните Хоуп, – сказала Молли. – Хоуп, поздоровайся с мистером Дрезденом.

– Меня зовут Хоббит! – гордо заявила девица и спрятала лицо на плече у Молли.

Дом тем временем ожил, в нем слышались топот и детские голоса. Наверху зажегся свет, толпа Моллиных братьев и сестер скатилась по лестнице и бросилась к двери.

Первыми поспели две девочки, старшие сестры Хоуп. Обе с радостными криками бросились Молли на шею.

– Билл, – приветствовала меня младшая из двух. – Заглянул в гости наконец.

– Меня, вообще-то, Гарри зовут, – поправил я. – И я тебя помню. Аманда, так?

– Я-то Аманда, – осторожно согласилась она. – А Гарри у нас уже есть. Значит, ты будешь Билл.

– А это Алисия, – представила Молли другую, такую костлявую и долговязую, какой была сама, когда мы с ней познакомились. Правда, имелись и отличия: более темные волосы и очень серьезный взгляд из-под очков в черной оправе. – Она у нас следующая по старшинству. Ты ведь помнишь мистера Дрездена, правда, Пиявка?

– Пожалуйста, не называй меня Пиявкой, – отозвалась та терпеливым тоном человека, миллион раз повторявшего эту фразу и рассчитывающего повторить ее еще миллион раз. – Добрый вечер, сэр, – поздоровалась она со мной.

– Привет, Алисия, – кивнул я.

Похоже, то, что я назвал ее настоящим именем, установило между нами некоторое взаимопонимание, – во всяком случае, она отозвалась заговорщицкой улыбкой.

Следом подошли двое мальчиков. Старший, пожалуй, мог бы уже сдавать на водительские права. Второй пребывал в рискованной возрастной зоне между окончанием начальной школы и появлением прыщей. Обоих отличали темные Майкловы волосы и серьезное выражение лица. При виде Молли младший едва не бросился к ней, но взял себя в руки и только осторожно обнял ее. Старший сложил руки на груди и нахмурился.

– Мой брат Мэтью, – представила Молли младшего.

Я кивнул ему.

– Где ты пропадала? – спросил старший. Он так и стоял, хмуро глядя на нее.

– Я тоже рада видеть тебя, Дэниел, – как ни в чем не бывало ответила она. – Ты ведь знаком с мистером Дрезденом?

Он вежливо кивнул мне и снова повернулся к Молли:

– Я не шучу. Ты же просто слиняла. Ты хоть представляешь, как это все испортило здесь?

Губы у Молли сжались в упрямую линию.

– Ты ведь не думаешь, что я ушла просто так, от нечего делать, нет?

– Там, где ты живешь, вечный Хеллоуин? – не сдавался Дэниел. – Ты хоть на себя посмотри. Мать развопится...

Молли шагнула вперед и почти силком сунула Хоуп на руки Дэниелу.

– Можно подумать, она вообще делает что-нибудь еще. Разве этим двоим не положено быть в кровати?

Дэниел поморщился, принимая Хоуп.

– Именно это я пытался сделать, когда кое-кто помешал процессу. – Он взял Аманду за руку и, несмотря на вялые протесты, увел двух младших сестер в дом.

Где-то наверху скрипнули половицы. Алисия двинула Мэтью локтем в бок, и оба исчезли. Послышались тяжелые шаги – кто-то спускался со второго этажа.

Ростом Майкл почти не уступает мне, зато сложения куда как более крепкого. Лицо у него из тех, при одном взгляде на которое каждому становится ясно, что обладатель его честен, добр, но при необходимости надерет задницу любому, кто придет к нему с нехорошими намерениями. Не знаю, как ему это удастся. Возможно, форма челюсти у него такая. Это в том, что касается силы духа и тела. Что же до доброты, так она истекает из глубины его души и прямо-таки лучится из его серых глаз.

Одет он был в штаны цвета хаки и светло-синюю футболку. На перекинутом через плечо ремешке висел длинный пластиковый тубус, в котором он, несомненно, перевозил свой меч. На другом плече был небольшой рюкзак. Судя по влажным волосам, он только что вылез из душа. Майкл спустился по лестнице деловым шагом человека, которому предстоит серьезная поездка, – и тут увидел нас с Молли, стоявших у дверей в прихожей.

Он застыл как вкопанный, и лицо его при виде Молли осветилось удивленной улыбкой. Рюкзак шмякнулся на пол, он шагнул к нам и стиснул Молли в медвежьих объятиях.

– Папа! – попыталась высвободиться она.

– Ш-ш-ш, – произнес он. – Дай потискать.

Взгляд Молли скользнул по висевшему у него на плече тубусу, и она тревожно нахмурила брови:

– Когда ты уезжаешь?

– Ты застала меня в самый последний момент, – сказал он. – Я рад.

Она прижалась к отцовской груди и закрыла глаза:

– Я только в гости заглянула.

Еще секунду-другую он обнимал Молли, потом отпустил и огорченно посмотрел на нее.

– Все равно рад, – кивнул он и улыбнулся. Только после этого глаза его расширились, словно он лишь теперь заметил, на что она похожа. – Маргарет Кэтрин Аманда Карпентер, – чуть сдавленным голосом произнес Майкл. – Боже правый, что ты сделала с... – взгляд его скользнул по ней сверху вниз и обратно, – с...

– С собой, – подсказал я. – С собой.

– С собой, – со вздохом согласился Майкл и снова принялся изучать ее внешность. Молли попыталась сделать вид, что мнение отца на этот счет ей безразлично, но добилась только обратного эффекта. – Татуировки. Ладно там волосы, но... – Он тряхнул головой и протянул мне руку. – Скажите, Гарри, я правда устарел?

Мне очень не хотелось обмениваться с Майклом рукопожатием. Присутствие во мне Ласкиэли – пусть даже не полной версии – вряд ли осталось бы им незамеченным. Во всяком случае, при физическом контакте. Пару лет мне удавалось под всевозможными предлогами избегать этого, в надежде, что рано или поздно я все-таки совладаю с поселившимся во мне демоном и сам решу эту маленькую проблему.

Хотя, если быть справедливым, скорее, я просто стыдился посвятить его в то, что произошло. Майкл, возможно, самый добропорядочный и достойный человек из всех, кого я имею честь знать. Он всегда был обо мне лучшего мнения. Раз или два, когда у меня складывалась весьма хреновая ситуация, это его мнение очень помогало мне, и мне ужасно не хотелось бы лишиться его доверия и дружбы. Присутствие Ласкиэли, сотрудничество с Падшим ангелом уничтожило бы это.

Только ведь дружба – не улица с односторонним движением. Я привел его дочь домой потому, что считал это правильным, – и потому, что, уверен, он в подобных обстоятельствах

поступил бы точно так же. Я уважал его – в том числе и за это. Слишком уважал, чтобы лгать. Я и так долго оттягивал эту встречу.

Я пожал ему руку.

Выражение лица его не изменилось. Ни капельки.

Значит, он не ощутил присутствия Ласкиэли или ее отметины.

– Ну? – с улыбкой спросил он.

– Если вы считаете, что вид у нее дурацкий, вы и впрямь устарели, – ответил я, помедлив секунду. – Я, конечно, умеренно древний по меркам молодого поколения, но, мне кажется, она лишь немного переборщила.

Молли закатила глаза и слегка покраснела.

– Я думаю, во всем, что касается моды, доброму христианину полагается подставлять другую щеку, – кивнул Майкл.

– Пусть тот, кто не вываривал джинсов, первым бросит камень, – согласился я.

Майкл рассмеялся и на мгновение стиснул мое плечо:

– Рад вас видеть, Гарри.

– И я вас. – Я честно попытался улыбнуться и покосился на висевший у него на плече пластиковый тубус. – Деловая поездка?

– Да, – кивнул он.

– Куда?

Он улыбнулся:

– Узнаю, когда буду на месте.

Я покачал головой. Майклу доверено носить один из мечей. Настоящих мечей, принадлежащих Рыцарям Креста. Собственно, людей, которым доверено такое грозное оружие для борьбы с силами зла, в мире сейчас всего двое, – следовательно, в зону его ответственности входит изрядная часть нашей планеты. Не знаю точно, как именно его извещают, но часто ему приходится покидать дом и семью и спешить туда, где возникает нужда в его вмешательстве.

У меня сложные отношения с религией – но во Всевышнего я верю. Я собственными глазами видел действие тех сил, которые помогают Майклу. В конце концов, нельзя же списать на простое совпадение то, сколько раз он поспежал на помощь попавшим в беду. Я видел, как эти силы наносят сокрушительный удар по очень и очень опасным врагам, хотя Майкл при этом и голоса практически не повышал. Эти силы, эта вера провели его через такие испытания, в которых ему и выжить-то не полагалось, не то что победить.

Но я и в голову не брал, как, должно быть, нелегко ему покидать дом, когда архангел, или Бог, или кто там еще зовет его на бой.

Я покосился на Молли. Она улыбалась, но я видел скрытые напряжение и тревогу.

Семье его тоже непросто приходится.

– Ты еще не ушел? – послышался с лестницы женский голос. Снова скрипнули ступеньки. – Ты будешь...

Голос оборвался на полуслове. До сих пор мне ни разу не приходилось видеть Черити в красном шелковом кимоно. Как и у Майкла, волосы ее были влажными после душа. Впрочем, даже так они оставались светлыми. Ноги у Черити красивые, в меру мускулистые, и мышцы ее играли, когда она начала спускаться по лестнице... впрочем, и остальные части ее тела, открытые взгляду, производили то же впечатление – сильные, крепкие, здоровые. На руках она держала спящего ребенка – младшего в выводке, моего тезку. Голова малыша покоилась у нее на плече, щеки покраснелись, как это бывает у маленьких детей во сне.

Голубые глаза ее потрясенно расширились, и она застыла, глядя на Молли. Черити открыла рот, словно собираясь что-то сказать, и тут взгляд ее упал на меня. Потрясение сменилось узнаванием, а оно, в свою очередь, превратилось в смесь гнева, тревоги и страха. Так и силясь вымолвить что-то, она плотнее запахнула на себе кимоно.

– Извините, я сейчас, – выдавила она наконец.

Черити исчезла и вскоре вернулась уже без маленького Гарри, зато в плотном махровом халате, обутая в пушистые тапочки.

– Молли, – негромко произнесла она и спустилась к нам.

Дочь отвела взгляд:

– Мама...

– И чародей, – продолжила та, и губы ее сжались в жесткую линию. – Еще бы не он. – Она склонила голову набок, и лицо ее застыло. – Значит, ты была с ним, Молли?

Давление воздуха в помещении разом подскочило раза в четыре, а лицо Молли из розового сделалось пунцовым.

– А если и так? – заявила она звенящим от обиды голосом. – Тебя это не касается.

Я открыл было рот, собираясь заверить Черити, что не имею к этому ни малейшего отношения, – хотя вряд ли это хоть как-то повлияло бы на характер разговора, – но Майкл покоился на меня и покачал головой. Я послушно закрыл рот и принялся ждать продолжения.

– Ошибаешься, – возразила Черити, всем своим видом прямо-таки излучая непреклонность. – Ты моя дочь, а я твоя мать. Это очень даже меня касается.

– Но это моя жизнь, – настаивала Молли.

– Которую ты пускаешь под откос по расхлябанности и глупости.

– Ну вот, понеслось, – вздохнула Молли. – Хлебом не корми, дай на мозги накапать...

– Не смейте разговаривать со мной таким тоном, юная леди!

– «Юная леди»! – эхом откликнулась Молли, тщательно воспроизводя интонацию матери; теперь она стояла уперев руки в бока. – Какой во всем этом смысл? Глупо с моей стороны думать, что тебе и впрямь хочется поговорить со мной, а не учить каждому шагу.

– Не вижу в этом ничего странного, если ты не соображаешь, что делаешь. Ты только посмотри на себя! У тебя вид как... как... как у дикаря!

Я даже не успел нажать на тормоз: мой язык среагировал сам по себе.

– Ну да, вот именно – как у дикаря. Как у знаменитого племени кахокианских готов.

Майкл зажмурился.

Взгляд, которым одарила меня Черити, мог бы выбить дух из мелких зверушек, а уж комнатные растения в горшках и просто обратился бы в пепел.

– Прошу прощения, мистер Дрезден, – произнесла она, подчеркнуто выговаривая слова. – Я не помню, чтобы спрашивала вашего мнения.

– Извините, – как можно более обаятельно улыбнулся я. – Не обращайтесь внимания. Это я так, размышлял вслух.

Молли тоже испепелила меня взглядом; впрочем, ее взгляд был так себе, бледное подобие материнского.

– Обойдусь и без вашей помощи!

Черити стремительно обернулась обратно к дочери:

– Будь добра, пока ты находишься в этом доме, не смей разговаривать со взрослыми в таком тоне!

– Да без проблем! – огрызнулась Молли, крутанулась на каблуках и распахнула дверь.

Майкл протянул руку и без видимого усилия с грохотом захлопнул ее обратно.

В доме Карпентеров воцарилась внезапная тишина. Молли и Черити потрясенно уставились на Майкла.

Майкл сделал глубокий вдох.

– Милые дамы, – произнес он. – Я по мере возможности стараюсь не вступать в ваши дискуссии. Однако непохоже, чтобы ваша нынешняя беседа разрешила накопившиеся между вами разногласия. – Он посмотрел на одну, на другую, и голос его, прежде мягкий, сделался тверже скальной породы: – Полагаю, эта моя поездка не займет много времени, однако никогда

не знаешь, что уготовано нам свыше. Или сколько нам еще отмерено. В этом доме хватало огорчений. Разлад причиняет боль всем. Так вот, изыщите возможность уладить свои проблемы до моего возвращения.

– Но... – начала было Молли.

– Молли, – перебил ее Майкл не терпящим возражений голосом. – Это твоя мать. Она заслуживает уважения и вежливости. И на время этого разговора так оно и будет.

Молли упрямо выпятила подбородок, но взгляд опустила. Отец продолжал смотреть на нее в упор, пока она не кивнула.

– Спасибо, – сказал он. – Я хочу, чтобы вы обе постарались отбросить свой гнев хотя бы на время и поговорили по-человечески. Видит Бог, милые дамы, мне не хотелось бы отправиться по вызову только для того, чтобы дома меня ждали новые конфликты и разлад. Этого у меня будет в достатке и там, куда я иду.

Секунду Черити молча смотрела на него, потом взяла себя в руки.

– Но, Майкл... ты ведь не уедешь теперь. Теперь, когда... – Она махнула рукой в мою сторону. – Возникнут проблемы.

Майкл шагнул к жене и нежно поцеловал ее:

– Вера, моя дорогая. Вера.

Она закрыла глаза и опустила голову:

– Ты уверен?

– Я нужен там, – негромко, но убежденно ответил он и коснулся пальцами ее щеки. – Гарри, вы не проводите меня до машины?

Я повиновался безропотно.

– Спасибо, – произнес я, стоило нам оказаться на улице. – Уже не надеялся вырваться оттуда живым. Такое напряжение... прямо как по живому режет.

Майкл кивнул:

– Год у нас нелегкий выдался.

– Что случилось? – спросил я.

Майкл отворил дверцу своего большого белого пикапа и сунул рюкзак и тубус на заднее сиденье.

– Молли арестовывали. За хранение.

Я удивленно моргнул:

– Молли хранила?

Он вздохнул и поднял взгляд:

– За хранение. Марихуана и экстази. Она пошла на вечеринку, и туда нагрянула полиция. У нее нашли наркотики.

– Ого! – ужаснулся я. – И что было?

– Общественно полезные работы, – ответил он. – Мы много об этом говорили. Она искренне раскаивалась. Я считал, что такого унижения и наказания более чем достаточно, но Черити казалось, что с ней обошлись слишком мягко. Она попыталась ограничить круг общения Молли.

Я поморщился:

– А-а... кажется, я начинаю понимать, почему все обернулось подобным образом.

Майкл кивнул, сел в кабину и выглянул в открытое окно:

– Да. Они обе гордые и упрямые. Напряженность нарастала, пока не взорвалась этой весной. Молли ушла из дома, бросила школу. Это было... сложно.

– Ясно, – вздохнул я. – Но может, вам стоило поддержать Черити? Не слезать с Молли, пока она не перебесится?

Майкл невесело улыбнулся:

– Она же плоть от плоти Черити. Держи ее хоть сто родителей, это не заставит ее покориться. – Он покачал головой. – Родительская власть так далеко не простирается. Молли должна решать за себя сама. В такой ситуации выкручивать ей руку, пока она не взмолилась о пощаде, не приведет ни к чему хорошему.

– Непохоже, чтобы Черити с вами соглашалась, – заметил я.

Майкл кивнул:

– Она очень любит Молли. Ее приводит в ужас мысль о том, что может случиться с ее маленькой девочкой. – Он покосился на дом. – Из чего следует вопрос к вам.

– Да?

– Скажите, налицо какая-то опасная ситуация?

Я задумчиво пожевал губу и кивнул:

– Вполне возможно... впрочем, я еще не знаю ничего определенного.

– Моя дочь в это вовлечена?

– Насколько мне известно, нет, – заверил я. – Ее парня арестовали сегодня вечером. Она уговорила меня внести за него залог.

Майкл чуть сощурился, но совладал с собой, и сердитое выражение исчезло с его лица, не успев толком появиться, хотя далось это ему явно нелегко.

– Ясно. Как вам удалось уговорить ее приехать сюда?

– Это плата, которую я запросил за помощь, – ответил я. – Она пыталась увильнуть, но я ее убедил.

– Вы ей угрожали? – хмыкнул Майкл.

– В рамках приличий, – сказал я. – Я бы никогда не применил к ней насильственных методов.

– В этом я не сомневался, – с мягким упреком произнес Майкл.

За моей спиной хлопнула дверь. Молли остановилась на крыльце, зябко охватив плечи руками. С полминуты она постояла так, не обращая на нас внимания. Потом зажегся свет в окне второго этажа, – должно быть, Черити поднялась наверх.

Майкл с минуту смотрел на Молли с болью в глазах. Он набрал в грудь воздуха и повернулся ко мне:

– Могу я попросить вас об одолжении?

– Угу.

– Поговорите с ней, – сказал Майкл. – Она хорошо к вам относится. Уважает вас. Несколько ваших слов могут сделать больше, чем все, что я в состоянии сказать ей сейчас.

– Ох, – сказал я, – не знаю даже.

– Вам не нужно ничего у нее выторговывать, – улыбнулся Майкл. – Только попросите ее говорить иногда с матерью. Пойти хоть на небольшую уступку.

– Для компромисса требуется согласие обеих сторон, – заметил я. – А как Черити?

– Она с собой справится.

– Может, мне только кажется, что из всех возможных чувств Черити меньше всего испытывает ко мне доверие? И симпатию? Боюсь, я самая неудачная кандидатура для того, чтобы подвигнуть ее на переговоры.

Майкл снова улыбнулся:

– Вам нужно больше верить в себя.

– Ой, да ладно, – вздохнул я без особого энтузиазма.

– Так вы хоть попытаетесь помочь? – настаивал Майкл.

Я насупился и посмотрел на него:

– Да.

Он улыбнулся одними глазами:

– Спасибо. Извините, что попали под перекрестный огонь.

– Молли говорила, что в доме неприятности. Поэтому мне показалось правильным привезти ее сюда.

– Я вам очень благодарен за это. – Майкл нахмурился, словно вспомнил что-то, потом вздохнул. – Мне надо ехать.

– Конечно, – кивнул я.

Он поднял взгляд на меня:

– Если случится какая-нибудь заваруха, присмотрите за ними, ладно? Мне будет куда спокойнее знать, что они не одни, пока меня нет.

Я оглянулся на дом:

– А что случилось с верой?

Он улыбнулся:

– Только самый отъявленный лентяй ожидает от Господа, чтобы тот сделал за него все, разве не так? – Лицо его снова посерьезнело. – И потом, Гарри, я верю. В Него – и в вас.

Зараженная демоном часть меня неуютно поежилась.

– Конечно пригляжу.

– Спасибо, – сказал Майкл и завел мотор. – Когда вернусь, нам нужно будет переговорить с вами о делах, если у вас найдется время.

Я кивнул:

– Конечно. Удачной охоты.

– Бог в помощь, – отозвался он, кивнув, и тронул пикап с места.

Вот уж воистину меч как повод путешествовать. Впрочем, он уехал – одной заботой меньше.

Уговорить Молли и Черити поговорить по-человечески. Ну да. Шансов провернуть это у меня имелось не больше, чем, скажем, загнать моего «жучка» задним ходом на вершину горы Рашмор. В своих мрачных размышлениях я не сомневался, что, даже если мне удастся свести их вместе, все пойдет наперекосяк еще более впечатляющим образом, чем было до сих пор. Встреча матери и ее антипода-дочери – сочетание взрывоопасное, такое весь дом разнести может.

В общем, я не ожидал от этой встречи ничего хорошего. Кой черт я согласился на просьбу Майкла?

Потому что Майкл мой друг, а еще потому, что я слишком глуп, чтобы отказывать в помощи тем, кто в ней нуждается. А может, еще из-за чего-то большего. В доме у Майкла всегда царила бурная жизнь, но в целом там было много разговоров, тепла, смеха, вкусной еды. Злобная грызня Молли и Черити пачкала это место. Неправильно это здесь.

Когда я рос, у меня не было такого дома. Да и сейчас, когда мы с Томасом нашли друг друга, в те моменты, когда я думаю о семье, мне всегда представляется дом Карпентеров. Подобной духовной близости у меня не было никогда. Те, кто рос в такой семье, даже не догадываются, насколько она редка и ценна. Ради сохранения такого стоит и постараться. Поэтому я и согласился помочь.

И потом, Майкл говорил дело.

У меня имелся небольшой шанс достучаться до Молли. Конечно, достучаться – еще полдела, так сказать, но и это больше того, чего мог бы достичь Майкл в сложившейся ситуации.

И все равно, какая бы высшая сила ни подстраивала все эти события, чувства меры у нее нет вообще – если вспомнить, сколько всего свалилось на меня разом. Адские погремушки.

Молли дождалась, пока пикап Майкла скроется за поворотом, и только тогда подошла ко мне и остановилась, не произнося ни слова.

– Я так понимаю, тебя нужно подбросить, – сказал я.

– У меня денег нет, – негромко отозвалась она.

– Ладно, – кивнул я. – Куда тебе?

– На фестиваль, – ответила она. – У меня там друзья. И есть где остаться на выходные. – Она оглянулась через плечо на дом.

– Твои крысята, похоже, тебе обрадовались, – заметил я.

Она чуть улыбнулась, и голос ее потеплел:

– Я и сама не знала, как по ним соскучилась, по глупышам маленьким.

Я подумал, не толкнуть ли ее обратно к матери, но решил не спешить. Может, останься у нее свобода выбора, она и пошла бы на это, но под давлением точно упрется рогом.

– Славная ребятня, – только и сказал я вслух.

– Да, – устало кивнула она.

– Я все равно собирался к вам на конвент, – заявил я. – Садись в такси.

– Спасибо.

– Всегда пожалуйста, – ответил я.

Глава 11

При слове «конвент» на ум обычно приходит людное собрание профессионалов или сотрудников какой-либо компании, проводимое, как правило, в большом отеле, где все делают вид, будто учатся и повышают квалификацию, а на самом деле просто пользуются возможностью погулять на халяву, пофлиртовать, попьянствовать и вообще оторваться по полной.

Тут же обнаружилось первое серьезное отличие конвента фанатов от делового: никто и не пробовал притворяться. Все просто оттягивались. Вторым отличием стал дресс-код: костюмы на этом конвенте отличались значительно меньшей консервативностью.

«Сплеттеркон!!!» (судя по всему, участники конвента боялись, что их с кем-то спутают, иначе зачем три восклицательных знака?) оказался на поверку обилием костюмированных персонажей... а может, это сейчас мода такая, не знаю. Гостиница встречала входящего просторным атриумом, из которого два длинных широких коридора вели в ресторан и многоцелевые залы из тех, что можно делить раздвижными перегородками на кучу небольших помещений. В атриуме собралось человек двести народа, и всё новые участники конвента выходили из залов и зальчиков.

– Я-то думал, народу здесь побольше, – заметил я Молли; по дороге мы успели заглянуть ко мне домой, где я оставил Мыша, забрав свой посох.

– Так ведь вечер четверга, – отозвалась она так, словно это мне что-то говорило. – И время позднее. У нас уже зарегистрировались больше трех тысяч человек.

– А это разве много?

– Для первого в году конвента? Да это просто монгольская орда какая-то. – В голосе ее звучала неподдельная гордость. – И народ в оргкомитете в основном молодой... Впрочем, держится это все равно на бывалых. – Некоторое время Молли сыпала именами и заслугами, словно я явился сюда в качестве инспектора проверять законность мероприятия.

Мимо нас прошмыгнули две девицы среднего школьного возраста в ало-черных одеяниях, открывавших взгляду изрядную часть тела, с лицами, густо намазанными белым, и потеками крови из уголков рта. Скользнув по мне взглядом, одна из них улыбнулась, и во рту у нее обнаружили клыки.

Я сжал посох, в ноздри ударил запах древесного дыма, и я опомнился в последний момент, едва не испепелив на месте пробежавшего в каких-то пяти шагах от меня «вампира». Приглядевшись внимательнее, я увидел на клыках неровности и отпечатки пальцев: судя по всему, девчонка сделала их сама из дешевого пластика. Я перевел дух и заставил себя расслабиться, убрав из посоха накачанную в него энергию.

Спокойно, Гарри. Адские погромушки, вот вышла бы история для газет! «Чародей-Профессионал Сжигает Вампира-Любителя». Сенсация дня.

Девушки убежали, ничего не заметив; впрочем, даже Молли только нахмурилась, посмотрев на них, а потом на меня. Бровь ее вопросительно выгнулась.

Я тряхнул головой:

– Прошу прощения. День у меня выдался тоже не из простых. Слушай, мне надо взглянуть на ваш сортир, где напали на хозяина того кинотеатра.

– Идет, – кивнула Молли. – Только сначала стоит получить на регистрации бейджик.

– Бейджик? – удивился я. – Зачем?

– Затем, что незарегистрированным вход запрещен, – пояснила она. – Ни к чему смущать секьюрити – и гостиничных, и наших. Вам это могло бы мешать.

– Верно, – вздохнул я. – Правильно мыслишь. Опять-таки я мог бы отреагировать неправильно.

Следом за ней я подошел к ряду столов, над которыми висели бумажные таблички «А-Д», «Е-К» и так далее по алфавиту. За первым столом сидела и возилась с бумагами усталого вида шатенка среднего возраста.

– Молли, – произнесла она, и лицо ее осветилось усталой улыбкой. – Кто это с тобой?

– Гарри Дрезден, – ответила Молли. – Гарри, это Сандра Марлинг. Председатель оргкомитета.

– Вы тоже увлекаетесь ужастиками? – спросила Сандра Марлинг.

– В последнее время моя жизнь – сплошной ужастик.

– Тогда вы найдете здесь много развлечений, – заверила она меня. – Мы крутим фильмы в нескольких залах одновременно и еще в кинотеатре, у нас работают буфеты, завтра обещаны автографы. Конечно, сегодня у нас тоже несколько мероприятий; на конкурс костюмов всегда стоит посмотреть.

– Звучит многообещающе, – заметил я, стараясь изобразить максимум энтузиазма.

– Сэнди, – вмешалась Молли. – Мне хотелось бы дать Гарри служебный пропуск, как у меня.

Сандра кивнула:

– Да, Розанна искала тебя пару минут назад. Ты с ней еще не говорила?

– С середины дня – ни разу, – спохватилась Молли. – Ты не напомнила ей, чтобы она витамины приняла?

– Не дергайся, детка. Напомнила, напомнила.

Молли облегченно перевела дух:

– Спасибо.

Тем временем Сандра дала мне заполнить анкету, с которой я справился довольно быстро. В конце концов она протянула мне пластиковый чехольчик с прищепкой-клипсой, в который вставлялась бумажная карточка с надписью: «СПЛЕТТЕРКОН!!! Привет, я...» – и черный маркер.

– Извините, принтер с утра испортился. Вы просто впишите свое имя, ладно?

Я аккуратным почерком вписал на место пробела: «Невинный Свидетель» – и нацепил карточку себе на рубашку.

– Надеюсь, вам у нас понравится, Гарри, – сказала Сандра.

Я взял со стола расписание и вчитался. За «Как сделать клыки» в 10:00 следовал пункт «Как вопить не хуже профессионала».

– Решительно не вижу, как мне может здесь не понравиться.

Мы отошли от стола, и Молли неодобрительно на меня покосилась:

– Необязательно над этим потешаться.

– Вообще-то, – возразил я, – я потешаюсь почти над всем.

– Но это некрасиво, – возмутилась она. – Сандра всю жизнь вкладывает в этот конвент, и мне не хотелось бы, чтобы вы уязвляли ее чувства.

– Где ты с ней познакомилась? – поинтересовался я. – Не в церкви, я полагаю. Молли посмотрела на меня еще менее одобрительно:

– Она работает добровольцем в одном из приютов, где я отработывала приговор. Она помогла выкарабкаться Нельсону несколько лет назад. И Розы, и ее бойфренду.

Я поднял руки в знак согласия:

– Ладно, ладно. Обещаю вести себя хорошо.

– Спасибо, – кивнула она без тени улыбки. – Очень мило с вашей стороны.

Я уже начал раздражаться, но тут меня посетила неприятная мысль о том, что в таком случае я окажусь на той же стороне, что и Черити, а тогда и до апокалипсиса рукой подать.

Молли провела меня по коридору мимо залов к двери туалета. Дверь перекрещивали аж три полицейские ленты, и рядом с ней сидел на стуле полицейский в форме – крупный чернокожий мужчина с седеющими висками. Стул покачивался на задних ножках, полицейский опирался затылком о стену. На форменной куртке красовался бейджик «СПЛЕТТЕРКОН!!!». Имя он тоже написал маркером: на месте пробела я прочитал: «Представитель власти». На кармане куртки красовалась фамилия «РОУЛИНС».

– Ага, – поднял он на меня взгляд, когда я подошел поближе, и немного кривовато улыбнулся. Потом прочитал мой бейджик и фыркнул: – Парень-консультант. Считающий себя чародеем.

– Роулинс, – улыбнулся я в ответ и протянул ему руку.

Он пожал ее своей лапицей.

– Значит, вы у нас тоже любитель ужасиков, а? – хмыкнул он.

– Э... да, – ответил я.

Он снова фыркнул.

– Я вроде как надеялся зайти в это заведение, – заметил я.

Роулинс поджал губы:

– На этаже их еще два. Одно – рядом со стойкой администратора, и еще одно – в дальнем конце вон того коридора.

– Мне нравится это.

Роулинс прищурившись посмотрел на меня:

– Может, вы в грамоте не сильны. Видите ленту? Она означает место преступления и все такое.

– Вот эту, яркую? Желтую с черным?

– Именно ее.

– Ух ты!

– Если вы не знаете, это такая штука, которой мы, полицейские, отмечаем место преступления, чтобы туда не совали свой длинный нос разные частные сыщики, которых хлебом не корми – дай потоптаться своими башмачищами по оставшимся уликам, – протянул он.

– А если я пообещаю ходить на цыпочках?

– Тогда я пообещаю прекратить размазывать вас по стене, как только пойму, что вы не оказываете сопротивления при аресте, – заверил он веселым тоном. Потом лицо его посерьезнело, и взгляд сделался стальным как клинок. – Это место преступления. Нельзя.

– Молли, – сказал я вполголоса. – Ты не будешь возражать, если мы с полицейским побеседуем с глазу на глаз?

– Конечно, – согласилась она. – У меня все равно дел полно. Вы меня простите? – Она повернулась и, не оглядываясь, поспешила по коридору.

– Хоть поговорить со мной об этом вы можете? – спросил я Роулинса.

– Ну... – вздохнул он. – Слушайте, Дрезден, я ничего против вас не имею. Поговорить поговорим. Но внутрь я вас не пущу.

– Почему? – не сдавался я.

– Потому что это может обернуться против парня, которого мы забрали.

Я нахмурился и склонил голову набок:

– Да?

Роулинс кивнул.

– Мальчишка этого не делал, – сказал он. – Но камеры видеонаблюдения зафиксировали, как туда заходил он, потом пострадавший, и больше никого. И я все это время сидел здесь, не отходя. Я точно знаю, что никто другой не входил и не выходил.

– Откуда тогда вы знаете, что на старика напал не мальчишка?

Роулинс пожал плечами:

– Никаких других улик. Он не задыхался, а ведь так отколошматить человека – дело непростое. И руки у него совершенно целые – не разбитые, и крови на них не было.

– Так почему же вы его арестовали? – спросил я.

– Потому что никто другой этого сделать тоже не мог, – ответил Роулинс. – И еще потому, что старик был в отключке и не мог ничего рассказать, чтобы снять с парня обвинения. Мальчишка не бил его, но это не значит, что он не замешан. Я так подумал, что, может быть, он знает, как нападавший сумел проникнуть внутрь незамеченным, поэтому забрал парня и допросил. Решил, что, если у него имелся сообщник, он скорее расколется, чем будет брать все на себя. – Роулинс поморщился. – Только он не раскололся. Он вообще ни черта не знал.

– Зачем же его увезли?

– Я не знал, что он уже проходил по одному делу, пока не разобрался с бумагами. Повторное обвинение автоматически переводит его в категорию подозреваемых. Очень некстати всплыло то дело. Он может погореть, даже если не виноват.

Я покачал головой:

– Вы уверены, что больше никто не мог войти или выйти?

– Я же прямо вот здесь и сидел, – обиделся Роулинс. – Любой, кто прошмыгнет мимо меня незамеченным, должен быть рыцарем-джедаем или кем-то в этом роде.

– Или чем-то, – повторил я вполголоса, взглянув на дверь.

– Подружка, – буркнул Роулинс, мотнув головой вслед Молли. – Это она вас втравила?

– Дочь приятеля, – кивнул я. – Я внес за парнишку залог.

Роулинс хмыкнул:

– Жаль мальчишку. Я сделал все по инструкции, но... – Он покачал головой. – Порой одних инструкций мало.

– Девица считает, что он не виноват, – сказал я.

– Девицы, Дрезден, всегда считают их белыми и пушистыми, – устало возразил Роулинс. – Проблема в том, что улики свидетельствуют против него. Более чем достаточно для суда, если только эксперты не найдут чего-нибудь здесь или на старикане, чтобы снять с парня обвинение. А это возвращает нас к тому, с чего мы начали; поэтому я вас и не пушу.

Я кивнул.

– А если я скажу вам, что это непростое дело?

Он пожал плечам:

– Думаете, нечисть какая-нибудь?

– Я пообещал девчонке, что проверю.

Роулинс нахмурился еще сильнее, но мотнул головой:

– Не могу пустить.

– Но хоть посмотреть можно? – попросил я. – Дверь только приоткрыть, чтобы я даже не заходил, а одним глазом глянул. От этого ведь никому вреда не будет, правда? И потом, туда уже заходили – и вы, и ребята из «скорой», и детектив, возможно, тоже. Разве не так? И как я тогда могу затоптать улики, если всего лишь за дверь загляну?

Роулинс пристально посмотрел на меня и вздохнул. Потом хмыкнул, и передние ножки его стула со стуком опустились на пол.

– Ладно, – сказал он, вставая. – Только внутрь ни шагу.

– Вы настоящий джентльмен, Роулинс, – заверил я его и локтем приоткрыл дверь. Она издала пронзительный скрип.

Не заходя за ленту, я просунул голову в щель и огляделся по сторонам.

Все стандартное. Туалет. Белый кафель. Кабинки, писсуары, раковины, длинное зеркало.

Конечно, кровь вряд ли можно было назвать стандартной.

На полу темнела большая лужа, и брызги разлетелись по сторонам так, что кто-то несколько раз поскальзывался на кафеле. На плитке четко читались отпечатки четырех разных ног; кроме того, кровь виднелась на раковине: судя по всему, пострадавший пытался, подтянувшись за нее, подняться на ноги. Довольно зловещее зрелище; впрочем, я мог этого ожидать. При убийстве, скажем, крови еще больше, но и так ее вполне хватало. Кто-то вложил в процесс избиения Кларка Пелла всю свою душу... если она у него имелась, конечно. От моего взгляда не укрылись кровавые брызги в верхнем углу зеркал и даже на потолке.

– Господи! – выдохнул я. – Это нападение точно без применения оружия? Никаких ножей или чего-нибудь такого?

– У старика переломаны ребра, – отозвался Роулинс, – куча ушибов и ссадин: его крепко прикладывали об стены и пол. Но никаких порезов или проникающих ранений.

– Не детская работа, – заметил я.

– Но и не профессиональная. В людном-то месте. При свидетеле – если считать мальчишку на унитаза. В Чикаго такое обычно с рук не сходит.

– Кто-то сильный, – пробормотал я. – И злобный как черт знает что. Должно быть, он продолжал колошматить старика даже после того, как тот упал.

– Не иначе похоже на кого-то из ваших знакомых, – хмыкнул Роулинс.

Я покачал головой, еще раз окинул помещение взглядом и прикусил губу, пытаюсь сосредоточиться.

– Ну хватит, – заявил Роулинс. – Закрывайте дверь, пока зевак не набежало.

– Еще секундочку, – пробормотал я и усилием воли, направив заряд энергии себе в лоб, отворил свое чародейское Зрение.

Всякий, обладающий хоть малой толикой магических способностей, умеет Видеть. Это можно отнести к экстрасенсорике, хотя на деле ничего особенно сложного в этом нет. Чародейский Взгляд показывает вам истинную суть вещей. Еще он показывает присутствие магических энергий, которых вокруг нас почти всегда в достатке. Особенно полезен он бывает, когда тебе нужно обнаружить активные магические построения – заклятия, если кто не знает, – или прорваться сквозь завесы и прочие колдовские штучки, предназначенные для сокрытия истинного положения дел.

Я отворил Зрение, и оно показало мне то, чего не увидел в помещении мой физический взгляд. Такое, от чего даже мне – сколько бы я ни насмотрелся за свою жизнь всяких страстей – пришлось стиснуть кулаки и сделать над собой усилие, чтобы меня не стошнило.

Место нападения, кровь, жестокость и боль, причиненная жертве, отнюдь не являлись обычными обстоятельствами, вызванными конфликтом или страстью к насилию.

Скорее все это смахивало на изящное, хоть и извращенное произведение искусства.

Я увидел в потеках крови, в разлетевшихся брызгах зловещие изображения: перепуганное лицо старика, уродованное ударами чудовищных кулачищ до бесформенного кровавого месива, – столько лиц, сколько ударов. При взгляде на измазанную кровью раковину я услышал неразборчивые, полные боли звуки – все, что он смог издать, чтобы позвать на помощь. А потом старика снова швырнули на пол, чтобы продолжить избиение.

И на короткую долю секунды я увидел на стене тень... точнее, силуэт твари, жадно поглощавшей энергию стариковской боли.

Усилием воли я закрыл Зрение и пошатнулся. Наш дар нам дается не зря. Зрение может показывать чертову уйму вещей, но все, что мы увидели с его помощью, остается с нами на всю жизнь. Оно записывает это в нашу память несмываемыми чернилами, и картины не бледнеют со временем, как бы нам ни хотелось их стереть. Маленькая дьявольская диорама, написанная алым по белоснежному кафелю, обещала являться в страшных снах до конца моих дней.

Что ж, зато, похоже, я нашел-таки ту черную магию, о которой предупреждал меня Привратник. Мог и не возиться с опасным заклинанием и Маленьким Чикаго.

Я отступил на пару шагов, пытаясь выбросить из головы жуткую красно-белую палитру. В глазах плавали круги – так бывает всегда после того, как я пользуюсь Зрением.

Роулинс придерживал меня за локоть.

– С вами все в порядке, дружище? – совсем тихо спросил он.

– Угу, – пробормотал я. – Да, спасибо.

Он перевел взгляд на закрытую дверь и обратно:

– Что вы там такого увидели?

– Не знаю точно, – ответил я. Голос мой слегка дрожал. – Что-то поганое.

– Это ведь не просто хулиган, нет? – произнес он чуть слышно.

Желудок снова болезненно сжался. Перед глазами у меня все еще стояла злобная ухмылка, отраженная в широко раскрытых глазах старика.

– Возможно, нет, – пробормотал я. – Хотя это, пожалуй, мог быть и человек. Только совсем сбрендивший. Или... возможно, и нет. Не знаю пока. – Слова так и рвались у меня с языка, и я решительно захлопнул рот: следовало вначале собраться с мыслями.

Я огляделся по сторонам и только теперь понял, что бегавшие по моей спине мурашки реагируют вовсе не на воспоминание о темной энергии, к которой я прикоснулся за дверью.

Что-то сгушалось в воздухе, и совсем близко.

– Роулинс, – спросил я, – сколько здесь еще полицейских?

– Кроме меня, сейчас никого, – тихо отозвался он. Он взглянул в мое лицо и тут же завертел головой, озираясь, а рука его дернулась вниз, к кобуре. – А что, неприятности?

– Неприятности, – кивнул я, перекладывая посох в правую руку.

Разом погас свет, и гостиница погрузилась в кромешную тьму.

И слышались крики.

Глава 12

Роулинсу потребовалось не больше двух-трех секунд, чтобы достать фонарик и включить его. С полсекунды свет горел ярко и ясно, а потом померк, словно стекло покрыл слой жирной сажи. Очень скоро луч слабо пробивал темноту на длину вытянутой руки, не больше.

– Какого черта? – буркнул он и встряхнул фонарик.

Правой рукой он расстегнул кобуру; пистолет, правда, пока не вынимал. Правильный мужик. Он не хуже меня понимал, что перепуганных посетителей в гостинице гораздо больше, чем потенциальных врагов.

– Попробуем-ка мой, – сказал я и снял с шеи серебряную пентаграмму на цепочке.

Пара едва слышных слов шепотом, усилие воли – и амулет засиял серебристо-голубым светом, отогнавшим темноту, что давила на нас, футов на пятнадцать. Дальше клубился мрак – не столько темный туман, сколько просто отсутствие света.

Сжав посох в правой руке, я накачал в него энергии – так, что руны и знаки засветились неярким янтарным сиянием.

Секунду Роулинс молча смотрел на меня, потом очнулся:

– Что, черт подери, происходит?

Из темноты слышались топот бегущих ног, крики и вопли, только доносились они до нас как-то странно, приглушенно. В круг света моей магической пентаграммы вывалилась, всхлипывая, одна из переодетых вампирами девиц. Секунду спустя следом за ней появились несколько подростков, едва не врезавшихся в нее на бегу. Роулинс вовремя ухватил ее за руку и, буркнув: «Прошу прощения, мисс», отдернул в сторону и повернул лицом к себе.

– Идите вдоль стены к выходу, – скомандовал он. – Держитесь рукой за стену, ясно?

Она кивнула и в своем размазанном от слез гриме исчезла в указанном Роулинсом направлении.

– Пожар? – выдохнул Роулинс, повернувшись ко мне. – Это что, дым?

– Нет, – заверил я его. – Чего-чего, а пожаров я навидался.

Он как-то странно покосился на меня, спохватился, поймал пожилую женщину, слепо шарившую перед собой руками, и послал ее к выходу вслед за девчонкой-«вампиром». Потом зябко поежился, и выдох его повис в воздухе морозным облачком. За какую-то минуту температура в помещении упала градусов на сорок.

Стараясь не обращать внимания на доносившиеся из темноты крики перепуганных людей, я сосредоточился на своем магическом чутье. Сквозь холод и мрак до меня донеслись знакомые отголоски слагаемого заклятия, хотя я не мог точно вспомнить, где именно сталкивался с ним раньше.

Я закрыл глаза и начал медленно поворачиваться вокруг оси, вслушиваясь в свои ощущения. В направлении коридора, ведущего к входному вестибюлю и стойке администратора, тьма показалась мне плотнее, осязаемее. Я сделал шаг в ту сторону, и ощущение усилилось. Значит, источник магической энергии находился где-то там. Я стиснул зубы и двинулся вперед.

– Эй! – окликнул меня Роулинс. – Куда это вы?

– Наш нехороший парень где-то там, – сказал я. – Или что-то другое. Возможно, вам лучше остаться здесь, помогать людям выйти.

– Возможно, вам лучше заткнуться, – благодушно отозвался Роулинс. Выглядел он слегка напуганным, но пистолет держал у бедра стволом вниз. В другой руке он продолжал сжимать ставший почти бесполезным фонарик. – Я вас прикрою.

Я не стал спорить, кивнул ему и двинулся дальше в темноту. Роулинс не отставал. Со всех сторон доносились крики, и время от времени мы натыкались на перепуганных людей. Командным, не терпящим возражений голосом Роулинс отправлял их к выходу вдоль стены. Темнота увеличивала свое давление, и мне приходилось прикладывать больше усилий, отгоняя ее светом амулета. Еще несколько шагов – и воздух сделался совсем холодным. Каждый шаг давался с трудом, словно мы двигались по пояс в ледяной воде. Мне пришлось наклониться вперед, одолевая сопротивление, и я даже крикнул от натуги.

– Что не так? – срывающимся от волнения голосом спросил Роулинс.

Мы как раз проходили мимо плафона аварийного освещения, но его оранжевого свечения хватало на несколько дюймов, не больше. Никакого сравнения с моим амулетом.

– Темная магия, – процедил я сквозь зубы. – Какой-то оберег. Пытается не пустить меня дальше.

– Господи, – буркнул он. – Темная магия... Бред какой-то.

Я остановился и в упор посмотрел на него через плечо:

– Так вы со мной или как?

Он поперхнулся и взглянул туда, где смутно маячили блеклые пятна следующего аварийного огня.

– Вот дерьмо! – пробормотал он, и по виску его, несмотря на холод, скользнула струйка пота. – Я вам зачем нужен, вперед подталкивать?

Я усмехнулся – не сказать чтобы весело – и принялся прорубаться через невидимый оберег воображаемым мачете своей воли, пока тот не начал подаваться. Двигаться сразу же стало легче. Одновременно ощущение действующего заклятия сделалось четче, яснее.

– Где-то впереди, – сказал я. – Первый конференц-зал по этому коридору.

– Они там кино крутят, – сообщил Роулинс. Он ухватил за рукав какого-то перепуганного, всхлипывающего мужчину средних лет, толкнул его к стене и отдал ему команду убираться. – Господи, там было битком набито! Если начнется паника...

Он не договорил, да этого и не требовалось. История чикагских кинотеатров знает не один и не два случая давки со смертельным исходом. Я удвоил усилия, и мне удалось даже перейти на тяжелый, будто с грузом на ногах, бег. Одна из створок двери в зал оказалась закрыта, другая висела, скособочившись, на одной петле – с такой силой ее вышибли. В помещении разом закричали – не так наигранно, как в фильме-ужастике. По-настоящему. Не видя кричащих, и не поверишь, что такие звуки издает человеческое горло. Так голоса лишь тогда, когда происходит что-то по-настоящему жуткое.

Роулинс знал, что означает такой вопль. Он вполголоса выругался, поднял пистолет на изготовку, и мы бок о бок ринулись в зал.

Стоило миновать дверь, как мрак начал уже не просто давить на меня. Воздух, казалось, сгустился до желеобразного состояния, и каждый шаг стоил отчаянных усилий. Я раздраженно зарычал, и энергия моего гнева добавила сияния амулету-пентаграмме. Мягкий свет его превратился в иссиня-белый луч прожектора, испепеляющего мрак у меня на пути. Большая часть помещения оставалась темной, и все же мрак утратил свое подавляющее превосходство.

В длину зал имел футов шестьдесят и примерно вполовину меньше в ширину. В дальнем его конце белел экран. Зрительские ряды разделялись продольным проходом, в самой середине которого стоял кинопроектор. Катюшки вращались с такой скоростью, что пленка начинала дымиться. Странно, но изображение на экране оставалось четким и ясным, только знакомые персонажи старого, начала восьмидесятых, ужастика двигались неестественно быстро, а звуковое сопровождение слилось в негромкий, пронзительный вой.

В комнате все еще оставалось около двадцати человек. Сразу за дверью на полу обнаружилась пожилая женщина, свернувшаяся калачиком и всхлипывающая от боли. Рядом лежало перевернутое инвалидное кресло, и выпавший из него человек с какими-то скобами на лодыжках и бедрах лежал в неловком, явно болезненном положении, не в силах подняться. Одна из его рук была явно сломана – выпирающая кость рельефно натягивала кожу. Другие люди съжились у стен и под стульями. Когда мой магический свет залил часть помещения, они встали и, пошатываясь, поспешно потянулись к выходу, все еще крича от ужаса. Прямо передо мной лежали окровавленные тела.

Что там происходило точно, я не видел. Трое, по всей видимости, были убиты. Вокруг – уйма кровищи. Четвертая, молодая женщина, ползла к дверям, издавая жалкие, мяукающие звуки.

Над ней стоял мужчина. Высокий, почти семи футов ростом, и настолько мускулистый, что казался почти уродом. Мускулатура его не напоминала преувеличенную пластику культуриста – нет, такая зарабатывается только непрерывным физическим трудом. Одет он был в комбинезон, синюю рубашу и хоккейную маску, а в правой руке держал большой изогнутый серп. На моих глазах он сделал пару широких шагов, схватил всхлипывающую девушку левой рукой за волосы и рывком запрокинул ей голову. Правая рука с серпом поднялась.

Роулинс не стал тратить времени на оклик или требование сдаться. Он вскинул пистолет и с расстояния в десять футов выпустил в закрытую маской голову маньяка три пули.

Мужчина дернулся, чуть повернулся и без видимого усилия отшвырнул девушку в сторону. Она врезалась в кресла, вскрикнув от боли.

Затем маньяк обернулся к Роулинсу, и, хотя лицо мужчины скрывала маска, то, как он набычил шею, и вся его поза не оставляли ни малейших сомнений: он разъярен. Он шагнул к Роулинсу. Коп выстрелил еще четыре раза. Я видел всю картину, выхваченную из темноты вспышками, словно в замедленном кино.

Маньяк замахнулся на Роулинса серпом. Тому удалось принять удар на фонарик. Сталь зазвенела о сталь, полетели искры, но свет не погас. Маньяк дернул серпом, и острый конец его чиркнул Роулинса по запястью. Коп зарычал. Фонарик полетел на землю. Маньяк снова занес серп. Я напрягся, вскинул посох и выкрикнул:

– Forzare!

Струя невидимой энергии вырвалась из моего посоха и с силой чугунного шара ударила маньяка в грудь. Удар подкинул его в воздух и швырнул вдоль прохода. По пути он снес проектор, и металлические части с лязгом полетели во все стороны. Продолжая полет, маньяк пробил экран и с грохотом врезался в стену.

Я с трудом устоял на ногах: использованное заклятие отняло у меня уйму сил, и мне пришлось опереться на посох, чтобы не упасть. Голова отозвалась новым приступом боли; амулет и посох разом погасли.

Раздалось еще несколько криков, и кто-то со всех ног помчался к дверям. Я повернулся и краем глаза увидел, как кто-то выбегает в коридор, но разглядеть, кто именно, не успел. Секунду спустя снова загорелся обычный свет; разбитый проектор все еще вращал одну катушку, но уже медленно, хлопая обрывком пленки по сломанной протяжке.

Продолжая держать пистолет наготове, Роулинс двинулся в дальний конец зала. Там он осторожно заглянул за экран. Потом повернулся ко мне с широко раскрытыми глазами.

– Его здесь нет, – сказал Роулинс. – Вы видели, как он выходил?

У меня все еще не доставало сил, чтобы ответить. Я просто покачал головой.

– Тут, в стене, вмятина, – сообщил он. – Покрыта... не знаю, как назвать. Слизью какой-то.

– Ушел, – буркнул я и с трудом сделал шаг к лежавшим на полу. Двое молодых людей, третья – девушка. – Помогите мне.

Роулинс сунул пистолет в кобуру и подошел. Один юноша был мертв. На бедре его багровел полукруглый разрез, явно вскрывший артерию. Другой валялся без сознания. Лицо заплыло от ссадины, на животе зиял глубокий разрез, из которого торчали несколько дюймов окровавленных внутренностей. Я боялся, что, если мы пошевелим его, могут вывалиться кишки. Девушка тоже была жива, но серп прочертил на ее спине две длинные глубокие раны, в разрезах белела кость. Она лежала на животе, моргая, с расфокусированным взглядом, не в состоянии пошевелиться.

Мы сделали для них все, что смогли, хотя и не очень много: сорвали со стоявших в углу столов скатерти и соорудили тампоны для ран. Вторая девушка лежала в проходе, свернувшись калачиком, продолжая истерически всхлипывать. Кроме них, в зале оставалась пожилая женщина, которую сбили с ног в панике; она была без сознания, но в общем целая и на вид невредимая. Потом я поднял с пола паренька, выпавшего из своего инвалидного кресла, и усадил поудобнее, на что он благодарно кивнул.

– Посмотрите, что с другой пострадавшей, – бросил Роулинс.

Одной рукой он продолжал осторожно прижимать жгут из скатерти в ране на животе у юноши, другой сорвал с пояса рацию и поднес к губам. Когда Роулинс включил ее, рация хрипела и завывала от помех, но все же ему удалось вызвать «скорую».

Я направился к плачущей девушке, маленькой брюнетке, одетой примерно так же, как Молли. Она была в синяках, и, судя по тому, как она лежала на полу, любое движение причиняло ей боль. Я подошел к ней и осторожно ощупал плечо.

– Не шевелитесь, – мягко произнес я. – Кажется, у вас сломана ключица. Я знаю, это чертовски больно, но пройдет.

– Больно, больно, больно-больно-больно, – всхлипывала она.

Я осторожно сжал ей руку, и она откликнулась отчаянным пожатием.

– Все с вами будет хорошо, – заверил я ее.

– Только не оставляйте меня, – всхлипнула она, продолжая цепляться за мою руку. – Не уходите.

– Все в порядке, – сказал я. – Я здесь.

– Что это, черт подери, было? – спросил Роулинс, задыхаясь. Он лихорадочно оглядывался по сторонам. – Это же был Жнец. Гребаный Жнец из «Пригородной резни». Что за псих нарядился Жнецом и принялся... – Лицо его скривилось, словно его вот-вот стошнит. – Что это было?

– Роулинс, – произнес я резко, чтобы привлечь его внимание.

Его испуганный взгляд метнулся ко мне.

– Вызовите Мёрфи, – сказал я.

Секунду-другую он смотрел сквозь меня, потом очнулся:

– По этому делу я обязан звонить начальству. Ему и решать.

– Как знаете, – сказал я. – Но Мёрфи и ее ребята могут с этим хоть как-то разобраться. А ваше начальство – вряд ли. – Я кивнул в сторону трупa. – И мы ведь здесь не в бирюльки играем.

Роулинс посмотрел на меня. Затем на мертвого юношу. Потом кивнул и снова поднес к губам рацию.

– Больно, – всхлипнула девушка сдавленным от муки голосом. – Больно, больно, больно.

Я осторожно похлопал ее по запястью левой рукой в перчатке. Где-то вдалеке послышалось и начало приближаться завывание полицейских сирен.

– Господи! – Роулинс потрянул головой. – Господи, Дрезден, что здесь произошло?

Я посмотрел на зиявшую в экране рваную дырку, на повторявшую очертания Жнеца брешь в деревянной перегородке за ним. На изломе дерева блестела слизь – чистый желатин, физическая составляющая эктоплазмы, материя мира духов. Еще несколько минут – и она испарится, не оставив после себя ничего.

– Господи! – в третий раз ошеломленно прошептал Роулинс. – Что здесь произошло?

Угу.

Хороший вопрос.

Глава 13

Прибыли представители власти, и кризис сменился последствиями. Парамедики помчали девушку, пострадавшую более, и юношу со вспоротым животом в больницу неотложной медицинской помощи, а полицейские тем временем делали то, что в их силах, чтобы помочь остальным пострадавшим в ожидании прибытия новых бригад «скорой».

Я оставался с раненой девушкой, держа ее за руку. Парень из «скорой» наспех осмотрел ее, убедился, что, несмотря на острую боль, ее жизни ничего не угрожает, и посоветовал мне оставаться на месте, не подпуская к ней никого до тех пор, пока врачи не смогут заняться ею по-настоящему.

Это меня вполне устраивало. При одной мысли о том, чтобы встать, мне становилось дурно.

Пока я сидел рядом с девушкой, помещение наполнялось полицейскими. Девушка затихла – страх отпустил ее, да и организм выделял эндорфины, притуплявшие боль. Кто-то

ахнул, слышались быстрые шаги. Я поднял глаза и увидел, как Молли проскользнула мимо полицейского и бросилась к девушке.

– Рози! – воскликнула она, побледнев. – О боже!

– Спокойно, спокойно, – посоветовал я и положил руку ей на плечо, не давая обнять раненую девушку. – Не надо ее трогать.

– Но она же ранена! – возмутилась Молли. – Почему ее не забрали в «скорую»?

– Ее жизни ничего не угрожает, – объяснил я. – Двое других пострадали сильнее. «Скорая» забрала их в первую очередь. Следующая заберет ее.

– Что случилось? – спросила Молли.

Я покачал головой:

– Пока не знаю точно. Я почти ничего не видел. На них напали.

Девушка на полу вдруг пошевелилась и открыла глаза.

– Молли? – спросила она.

– Я здесь, Рози, – отозвалась Молли и погладила раненую девушку по щеке. – Я здесь.

– Боже, – прошептала девушка, и из глаз ее покатались слезы. – Он убил их. Он убил их. – Дыхание ее участилось: снова накатывала паника.

– Ш-ш-ш, – произнесла Молли и осторожно, как испуганному ребенку, поправила подруге волосы на лбу. – Ты в безопасности. Все хорошо.

– Ребенок, – всхлипнула Рози. Она отпустила наконец мою руку и коснулась своего живота. – С ним все в порядке?

Молли прикусила губу и посмотрела на меня.

– Она что, беременна? – спросил я.

– Третий месяц, – кивнула Молли. – Она только-только узнала.

– Ребенок, – повторила Рози. – С ним ничего не случится?

– Врачи сделают все, чтобы с вами обоими ничего не случилось, – поспешно заверил я ее. – Постарайтесь не переживать из-за этого.

Рози закрыла глаза, из которых продолжали струиться слезы:

– Хорошо.

– Рози, – обратилась к ней Молли. – Можешь рассказать, что произошло?

– Не знаю точно, – прошептала та. – Я сидела с Кеном и Дреа. Как раз посмотрели любимый эпизод и собирались уже уходить. Я нагнулась взять сумку, а Дреа грим поправляла, и тут свет погас, а она начала кричать... А когда я подняла голову, он уже стоял вот тут. – Она вздрогнула. – Прямо тут.

– Кто? – настаивала Молли.

Глаза у Рози расширились от страха, а голос понизился до едва слышного шепота:

– Жнец.

Молли нахмурилась:

– Как в кино? Ряженный кто-то?

– Этого не может быть, – сказала Рози, и голос ее задрожал еще сильнее. – Но это был он. Самый настоящий.

Прибыла новая бригада «скорой» и направилась напрямик к нам. При виде их Рози снова ударилась в панику и задергалась. Молли пригнулась к ней, поглаживая по голове, нашептывая что-то на ухо, и успокоила, по крайней мере, настолько, что медики смогли приступить к работе.

Я заставил себя встать и отошел в сторону. Рози уложили на носилки. Когда они поднимали ее свешивавшуюся с носилок руку, я увидел на сгибе у локтя маленькие круглые точки и синяки.

Мгновение Молли смотрела на меня огромными глазами, потом отвернулась, чтобы помочь санитарам укрыть Рози одеялом, спрятав при этом следы инъекций. На счет «три»

санитары подняли носилки, выдвинули из-под них стойки с роликами и покатали Розы к двери. Девушка снова принялась вяло дергаться и всхлипывать.

– Она напугана, – сказала Молли парням из «скорой». – Позвольте, я поеду с ней – так ей будет спокойнее.

Санитары переглянулись, и один из них кивнул. Молли с облегчением вздохнула, кивнула в ответ и зашагала к дверям, держась у изголовья носилок, чтобы Розы могла ее видеть.

– Вы не беспокойтесь, сэр, – повернулся ко мне второй санитар. – Мы сейчас быстренько за вами вернемся.

– Это вы об этом, что ли? – Я вяло махнул рукой в сторону моей изукрашенной синяками башки. – Не, это не здесь. Это старое. Я в норме.

На лице у санитара отобразилось сомнение.

– Вы уверены?

– Угу.

Они выкатили носилки с девушкой за дверь. Я дотащился до стены и сел, привалившись спиной. Спустя минуту или две в зал вошел мужчина в твидовом костюме и направился к Роулинсу. С минуту они поговорили, причем раз или два он оглядывался в мою сторону, потом повернулся и приблизился ко мне. Ничем не примечательный тип лет сорока с лишним, среднего роста, толстеющий, лысеющий, со слезящимися голубоватыми глазами. Он кивнул мне, придвинул стул и уселся, глядя на меня сверху вниз.

– Это вы Дрезден?

– Как правило, да, – отозвался я.

– Я сержант Грин. Детектив отдела убийств.

– Нелегкая работенка, – заметил я.

– Как правило, да, – согласился он. – Ладно. Роулинс говорит, вы свидетель того, что здесь происходило. Это так?

– По большей части, – кивнул я. – Хотя я застал только то, что происходило под конец.

– Ну-ну. – Он поморгал, с отсутствующим видом достал из кармана блокнот и ручку. За его спиной копы окружали место, где лежали жертвы, стульями с натянутой между ними полицейской лентой. – Так вы можете рассказать, что произошло?

– Свет погас, – начал я. – Люди ударились в панику. Мы услышали крики. Роулинс поспешил на помощь, и я за ним.

– Зачем? – спросил он.

– Что?

– Зачем? – повторил усталым тоном Грин. – Вы ведь человек штатский, мистер Дрезден. Помогать попавшим в беду людям – дело Роулинса: у него работа такая. Почему вы просто не поспешили к выходу?

– Ситуация была катастрофическая, – ответил я. – Вот я и помогал.

– Вы, значит, герой? – поинтересовался Грин. – Так?

Я пожал плечами:

– Я оказался здесь. Люди нуждались в помощи. Вот я и пытался помочь.

– Конечно, конечно, – кивнул Грин и поморгал еще немножко. – И как именно вы помогали?

– Свет держал, – признался я.

– Разве у Роулинса не было своего фонаря?

– В темноте света много не бывает.

– Конечно, – согласился Грин, строча в блокноте. – Значит, вы светили Роулинсу. А потом что?

– Мы услышали крики, доносящиеся отсюда. Бросились на голоса. Я увидел нападавшего над той девушкой, которую только что увезли.

– Можете его описать? – спросил Грин.

– Ростом почти семь футов, – ответил я. – Сложения как броненосец, веса фунтов триста или триста двадцать пять. Хоккейная маска. Серп.

Грин кивнул:

– Что дальше?

– Он напал на девушку. Несколько человек он уже уложил. Он собирался перерезать ей горло серпом. Роулинс его застрелил.

– Выстрелил в него? – предположил Грин. – Трупа-то его на полу что-то не видно.

– Выстрелил в него, – поправился я. – Не знаю, попал или нет. Нехороший парень бросил девушку и замахнулся серпом на Роулинса. Роулинс отбил удар фонариком.

– Что потом?

– А потом я ударил этого типа.

– Как ударили? – спросил Грин.

– С помощью магии. Швырнул его вдоль прохода – он сбил проектор и порвал экран.

Грин постучал ручкой о блокнот и внимательно посмотрел на меня.

– Эй! – сказал я. – Вы спросили – я ответил.

– Может, он бросился бежать, – предположил Грин. – Сбил проектор и прыгнул сквозь экран, чтобы унести ноги.

– Если вам так спокойнее, пусть будет так, – кивнул я.

Он бросил на меня еще один пронзительный взгляд:

– А что потом?

– А потом он исчез, – вздохнул я.

– Он выбежал в дверь?

– Нет, – сказал я. – Мы не успели отойти от двери далеко. Он пробил экран, врезался в стену – и фьють! Исчез. Не знаю куда.

Грин записал и это.

– Вам известно, где находится Нельсон Ленхард?

Я недоуменно моргнул:

– Нет. А с чего я должен это знать?

– Несколько часов назад он, по-видимому, напал на одного типа здесь, на конференции, и жестоко избил. Вы внесли залог за его освобождение. Может, вы с ним дружны?

– Не совсем, – сказал я.

– Немного странно это выглядит – выложить пару тысяч баксов за то, чтобы выдернуть из тюрьмы парня, с которым вы не дружны. Не так ли?

– Угу.

– Тогда зачем вы это сделали?

Допрос начинал мне надоедать.

– У меня имелись причины личного порядка.

– А именно?

– Личного, – повторил я.

Грин внимательно посмотрел на меня своими слезящимися голубыми глазами. Минуту он молчал.

– Не уверен, – произнес он наконец вежливо и терпеливо, – что понимаю все это. Я был бы очень благодарен, если бы вы помогли мне разобраться. Не могли бы вы еще раз рассказать мне, что здесь произошло? Начиная с того момента, когда погас свет.

Я вздохнул.

Мы начали все сначала.

И еще четыре раза.

Грин ни разу не сказал ни одного невежливого слова и вообще, со своим скупающим тоном и слезящимися глазами, смахивал скорее на провинившегося клерка, чем на детектива, но я буквально нутром чуял, что под твидовым камуфляжем скрывается жесткий, опасный человек, да и гонял он меня своими вопросами как мальчишку... по крайней мере, как того, кто знает больше, чем говорит.

Что, пожалуй, соответствовало истине. Однако разговоры о черной магии, эктоплазме и исчезнувшем без следа чудовище вряд ли подняли бы ему настроение. Когда имеешь дело с полицией, с этим вообще морока. Некоторым, вроде, скажем, Роулинса, доводилось встречаться с какой-нибудь вредной нечистью. Как правило, они не распространяются об этом – ведь другие копы начинают коситься на тех, кто рассказывает о встречах с монстрами... в общем, обычно все заканчивается направлением к психиатру.

Поэтому, если коп сталкивается лицом к лицу с вампиром или вурдалаком – и, конечно, если остается после такой встречи в живых, – следы о ней сохраняются только в его памяти, но никак не в официальных документах. Время обладает способностью сглаживать острые углы и шероховатости, так что это не слишком трудно – избегать мыслей об ужасающих чудовищах и еще более ужасающих нестыковках в логике... в общем, вернуться к повседневной рутине. По прошествии времени большая часть копов убеждает себя, что случившееся – плод их воображения, что память просто пошаливает от страха и что раз всем прекрасно известно, что монстров не существует, то они наверняка видели что-то обычное, объяснимое.

Однако стоит снова запахнуть жареным, как эти же самые копы меняются. Где-то в глубине души они знают, что это правда, и, когда что-то сверхъестественное случается снова, они, по крайней мере на время событий, готовы забыть обо всех своих сомнениях и делать все, что в их силах, чтобы выжить самим и защитить других, – пусть это потом и покажется безумием в их собственных глазах. Пока конвент шел заведенным распорядком, Роулинс потешался над моими претензиями на чародейство. Однако, когда все обернулось трагедией, он принял мою помощь без колебаний.

Есть, конечно, другая порода полицейских. Парни вроде Грина. Им в жизни не доводилось сталкиваться с чем-то, хоть отдаленно напоминающим сверхъестественный мир. С работы они возвращаются в обычный дом к среднестатистическим детям и одной собаке, подстригают газон по субботам, смотрят по телику географический и научно-познавательный каналы, подписаны на «Нейшнл джиогрэфик», и в подвальной кладовке у них царит безупречный порядок.

Такие парни свято убеждены, что все подчиняется строгой логике, все можно объяснить и вне рамок этой логики не существует ничего. Из таких парней также, как правило, получаются неплохие детективы. Грин – один из них.

– Ладно, мистер Дрезден, – сказал Грин. – Что-то я недопонял несколько отдельных моментов. Итак, что вы делали начиная с той секунды, когда погас свет?

Я устало потер глаза. Голова раскалывалась. Отчаянно хотелось спать.

– Я ведь вам уже говорил. Пять раз.

– Знаю, знаю, – кивнул Грин и одарил меня вялой улыбкой. – Однако порой повторение позволяет нам восстановить утраченные детали. Поэтому, если вы не против, не могли бы вы рассказать мне, как все происходило после того, как стало темно?

Я закрыл глаза и с трудом поборол внезапный соблазн подвесить Грина где-нибудь под потолком и оставить так на некоторое время.

Кто-то тронул меня за плечо; я открыл глаза и увидел Мёрфи: она стояла надо мной, протягивая белый пластиковый стаканчик.

– Привет, Гарри.

– О, слава богу, – пробормотал я и взял стаканчик. Кофе. Я сделал глоток. Горячий и сладкий. Я даже застонал от наслаждения. – Ты просто ангел, Мёрф.

– А ты как думал? – отозвалась она. На ней были джинсы, футболка и легкий хлопковый блейзер. Под глазами темнели круги, волосы пребывали в изрядном беспорядке. Должно быть, звонок Роулинса выдернул ее из постели. – Добрый вечер, детектив Грин.

– Добрый вечер, лейтенант. – Грин честно старался хотя бы изобразить вежливость. – Что-то я не помню, чтобы просил помощи у специальных расследований... Может, случайно нажал на ускоренный набор. – Он порылся в кармане и достал сотовый телефон. – О, постойте-ка, – произнес он, мрачно посмотрев на дисплей. – Ошибочка вышла. Вас в меню ускоренного набора нет. Должно быть, нажал в момент умственного помрачения.

– Да вы не переживайте, сержант, – очаровательно улыбнулась Мёрфи. – Если я выясню, кто это сделал, я все вам расскажу, так что пучок морковки достанется вам.

Грин покачал головой.

– Здесь все и без того запутанно, – сказал он. – Какой-то клоун вырядился персонажем из ужастика и пошинковал фанатов как капусту. Пресса за это уцепится – по сравнению с ними пираньи покажутся золотыми рыбками.

– Угу, – согласилась Мёрфи. – Похоже, помощь вам действительно не помешает. Вряд ли вам захочется облажаться прямо перед объективами.

Сержант угрюмо покосился на нее и покачал головой:

– Вы не особенно славитесь готовностью к сотрудничеству с коллегами, лейтенант.

– Я вижу рабочую задачу, – невозмутимо откликнулась Мёрфи. – Я могу помочь вам. А могу сделать так, чтобы пресса узнала, что вы отвергли помощь в поимке убийцы из-за распрей между отделами нашего ведомства. Выбирайте сами.

Грин посмотрел на нее внимательнее.

– Скажите, – произнес он наконец, – меня обвинят в сексуальных домогательствах, если я назову кое-кого самоуверенной, безапелляционной стервой?

Улыбка Мёрфи расцвела еще сильнее.

– Заходите к нам в спортзал, и мы это обсудим.

Грин хмыкнул и сунул блокнот с ручкой обратно в карман.

– Не уезжайте из города, Дрезден. Возможно, мне придется поговорить с вами еще раз.

– Буду ждать с нетерпением, – заверил я и отхлебнул еще кофе.

Грин протянул Мёрфи визитную карточку:

– Номер моего мобильного. На случай, если вы и впрямь вдруг захотите сотрудничать.

Мёрфи обменялась с ним визитками:

– Заметано.

Грин покачал головой, более или менее вежливо кивнул ей и отошел поговорить со стоявшими около огороженного лентой участка пола копами.

– Мне кажется, ты ему нравишься, – заметил я.

– Он тебя гонял по кругу, да? – ответила Мёрфи.

– Битый час. – Я постарался не выказать раздражения.

– Конечно, это действует на нервы, – заметила она. – Однако часто срабатывает. Грин, наверное, лучший следователь по расследованию убийств в штате. Будь он яркой личностью, дослужился бы до капитана.

– Не думаю, чтобы это дело способствовало его карьере.

Мёрфи кивнула и села на стул, который освободил Грин.

– Ладно. Хочешь рассказать мне, что у вас тут вышло?

– Я еще даже кофе не допил, – запротестовал я.

Тем не менее я выложил ей все – начиная с внесения залога за Нельсона. Единственное, о чем я умолчал, – это о визите в дом к Майклу. Я рассказал ей про нападение и как мы с Роулинсом помешали убийце.

Она медленно выдохнула сквозь зубы:

– Значит, эта тварь явилась из потустороннего мира, да? Раз ее напихивали пулями, а она не умерла и потом превратилась в слизь?

– Логичное заключение, – кивнул я. – Но мне некогда было заниматься аналитикой. Это мог быть кто угодно.

– Каковы шансы, что ты его убил?

– Я не так уж сильно ему врезал. Должно быть, он самоуничтожился.

– Вот черт, – буркнула Мёрфи, явно не уловив подтекста. Нет больше настоящих любителей классики. – Как по-твоему, он вернется?

– Мне известно не больше твоего, – сказал я.

– Маловато будет.

Я вздохнул и кивнул:

– Посмотрим, что удастся нарыть. Как Роулинс?

– В больнице, – ответила она. – Ему нужно зашить порез.

Я крикнул и поднялся. Это потребовало усилия, и я слегка пошатнулся, но, как только восстановил равновесие, подошел к останкам проектора. Нагнувшись, я поднял большую круглую жестяную коробку из-под пленки, повертел ее в руках и прочитал этикетку.

– Ого! – произнес я.

Мёрфи подошла ко мне, посмотрела на коробку и нахмурилась:

– «Потрошитель из пригорода – два»?

Я кивнул:

– Это кое-что объясняет.

– Насчет смерти классического кино?

– Ты кинобездарь, – заявил я. – Парень, который на них напал, вырядился Жнецом.

Мёрфи бросила на меня вопросительный взгляд.

– Жнецом, – повторил я. – Только не говори мне, что ты вообще не видела Жнеца. Убийцу из фильмов про Потрошителя из пригорода. Его нельзя убить, а сам он приносит смерть извращенцам – то есть всем, кто занимается сексом или пьянствует. Если это кино не классическое, тогда не знаю, что это такое.

– Наверное, я его пропустила.

– До сегодняшнего дня снято одиннадцать фильмов про Жнеца, – сообщил я.

– Значит, я пропустила одиннадцать, – поправилась Мёрфи. – Думаешь, кто-то пытался выглядеть как этот твой Жнец?

– Кто-то, – пробормотал я слегка угрожающе. – Или что-то.

Она неодобрительно покосилась на меня:

– Ты эту фразу долго готовил?

– Годы, – кивнул я. – Такая возможность представляется не каждый день.

Мёрфи улыбнулась, но немного вымученно, и мы оба это понимали. Шуткой не отменить фактов. А факты заключались в том, что молодого человека убили в нескольких футах от того места, где мы сидели, и жизни еще как минимум двоих зависели только от опыта занимающихся ими врачей.

– Мёрф, – произнес я наконец. – Там, через улицу, кинотеатр. Им владеет тип по имени Кларк Пелл. Можешь узнать, какой фильм там шел сегодня днем?

Мёрфи перелистала свой блокнот назад.

– Уже узнала. Что-то под названием «Руки-Молоты».

– Старый, но клевый, – кивнул я. – Грабители бросили фермера на рельсы, и поезд отрезал ему кисти обеих рук. Они оставили его умирать, но он выжил, хоть и сбрендил, привязал себе к культам по кувалде и начал расправляться с ними по очереди.

– И Кларк Пелл пострадал сегодня в результате нападения, – поймала мою мысль Мёрфи. – Жестоко избит каким-то тупым орудием.

– Может, совпадение, – заметил я.
Она нахмурилась:
– Это что, возможно? Оживлять киношных монстров?
– Похоже на то, – подтвердил я.
– Как их остановить? – спросила она.
Я достал из кармана расписание конвента и пробежал взглядом:
– Вопрос звучит по-другому: как нам остановить их до завтрашнего вечера?
– А что будет завтра вечером?
– День кинопоказов. – Я помахал в воздухе расписанием. – С полдюжины фильмов будут крутить здесь. Еще полдюжины – в кинотеатре Пелла. И по сравнению с большинством их персонажей Руки-Молоты и Жнец – милые малютки.
– Боже правый! – охнула Мёрфи. – Есть ли вероятность, что это обычные люди нарядились так?
– Вряд ли. Хотя возможно.
Она кивнула:
– Оставим эту версию Грину. Поставь себя на место полицейских, Гарри. Наш следующий ход?
– Поговорить с выжившими. И я попытаюсь прикинуть, много ли возможности у кого-либо проверить такое безумие.
Она кивнула, потом посмотрела на меня и нахмурилась:
– Первым делом ты бы поспал. Вид у тебя черт знает какой.
– Спасибо, – сказал я. – Я и правда едва на ногах держусь.
Она снова кивнула:
– Попробую переговорить с Пеллом, если он, конечно, пришел в сознание. Сомневаюсь, чтобы к остальным удалось попасть до завтра. Будем надеяться, они выжили.
– Верно, – согласился я. – А мне нужно будет с утра вернуться сюда и обнюхать это место. Если повезет, нам удастся выследить нехорошего парня прежде, чем кто-нибудь еще спрыгнет с экрана в зал.
Мёрфи в очередной раз кивнула и встала. Она протянула мне руку и, когда я принял ее, подняла меня на ноги. Мёрфи вообще сильнее, чем кажется.
– Подбросишь меня домой? – спросил я.
Она уже достала из кармана ключи:
– Я что, похожа на твоего личного водителя?
– Спасибо, Мёрф.
Мы направились к двери. Обычно мне приходится умерять шаг, чтобы она не отставала, но сегодня я так устал, что дожидалась меня она.
– Гарри, – сказала она. – Что произойдет, если мы не успеем найти того, кто за этим стоит?
– Найдем, – заверил я.
– Но если нет?
– Значит, нам придется биться с чудищами.
Мёрфи вздохнула, и мы вышли на улицу, в теплый летний вечер.
– Значит, черт подери, придется.

Глава 14

Мёрфи припарковалась на гравийной стоянке рядом с моим домом – жилой многоэтажной столетней давности. Она заглушила мотор, и он издал щелкающие звуки, остывая. Минуту

мы посидели, опустив стекла. Прохладный ветерок с озера гулял по салону, приятно холодя кожу после дневного жара.

Мёрфи глянула в зеркало заднего вида, потом осмотрела улицу в оба конца.

– За кем ты следил?

– Что? – не понял я. – О чем это ты?

– Ты всю дорогу шею выкручивал. Я удивляюсь, как у тебя голова не отвалилась.

Я поморщился:

– Ах это... Кто-то весь вечер висел у меня на хвосте.

– И ты только сейчас говоришь мне об этом?

Я пожал плечами:

– Не вижу смысла беспокоить тебя по пустякам. Кто бы это ни был, сейчас его здесь нет.

Я описал ей человека-тень и его машину.

– Как ты думаешь, это не тот, кто столкнул тебя с дороги? – спросила она.

– Что-то подсказывает мне, что нет, – покачал головой я. – Таскавшийся хвостом не делал ни малейшей попытки скрыть свое присутствие. Насколько я могу судить, это, скорее всего, какой-нибудь частный детектив, роющий на меня информацию для суда.

– Боже! – сказала Мёрфи. – Я думала, это все уже позади.

Я снова поморщился:

– Как хозяин телешоу, Ларри Фаулер здорово разозлился. Поэтому не оставляет попыток меня прищучить.

– Может, тебе не стоило все-таки громить его студию и расстреливать его тачку?

– Но я же не виноват!

– Это решать суду, – голосом святоши изрекла Мёрфи. – У тебя хоть адвокат есть?

– Пять или шесть лет назад я помог одному парню отыскать любимую собачку его дочери.

Он юрист. Помогает мне в суде и при этом даже не разоряет догла счетами. Но эта дрянь все тянется и тянется.

Мы так и сидели в машине.

Я закрыл глаза и вслушался в летний вечер. Где-то играла музыка. Время от времени по улице проезжала машина.

– Гарри? – окликнула меня через некоторое время Мёрфи. – Ты хорошо себя чувствуешь?

– Голоден. Устал немного.

– У тебя такой вид, как будто тебе больно.

– Ну, немного больно, да.

– Я не эту боль имела в виду.

Я открыл глаза и посмотрел на нее, потом отвернулся:

– А... ты об этом.

– Об этом, – согласилась она. – У тебя такой вид, как будто ты истекаешь кровью.

– Переживу, – буркнул я.

– Это из-за прошлого Хеллоуина?

Я пожал плечами.

Некоторое время она молчала.

– Ты знаешь, все до сих пор не разобрались, почему вырубался свет в городе и что случилось после. Но в Музее естественной истории обнаружили труп человека, убитого животным. Эксперты считают, что это была крупная собака. А на полу нашли кровь трех разных групп.

– Правда? – устало спросил я.

– И еще в Кент-колледже. Там обнаружили восемь тел. Шестеро – без видимых причин смерти. У седьмого голова снесена острым, как скальпель, клинком. А у последнего пуля сорок четвертого калибра в затылке.

Я кивнул.

Некоторое время она молча смотрела на меня, хмурясь, – явно ждала, пока я заговорю сам.

– Ты убил их, – произнесла она наконец тихо, но уверенно.

Память услужливо проиграла в голове несколько не самых приятных клипов. Желудок болезненно скрутило.

– Того, без головы, – не я.

Взгляд ее голубых глаз остался столь же спокойным. Она кивнула:

– Ты убил их, и это тебя гложет.

– Не должно бы. Я много кого убивал.

– Верно, – согласилась Мёрфи. – Только теперь это были не фэйри, не вампиры и не монстры. Это были люди. И ты убил их не в пылу сражения. Ты сделал это осознанно.

Почему-то я не смог поднять на нее взгляда. Но кивнул.

– Более или менее, – прошептал я.

Она подождала, не скажу ли я еще чего, но я молчал.

– Гарри, – произнесла она. – Ты терзаешь себя из-за этого. Тебе надо с кем-нибудь поговорить. Необязательно со мной, необязательно здесь, но нужно. Нет стыда в том, что тебе плохо, потому что ты убил кого-то – во всяком случае, когда на это была причина.

Я усмехнулся – довольно горько:

– Вот уж от кого не ожидал совета не переживать из-за убийства.

Она неуютно поерзала на месте.

– Сама немного удивлена, – призналась она. – Но черт подери, Гарри... помнишь, когда я застрелила агента Дентона?

– Угу.

– Мне тоже долго пришлось привыкать. Я понимаю, что он это заслужил. И что не сделай я этого, он убил бы тебя. Но чувствовала я себя после этого... – Она хмуро уставилась в ветровое стекло. – Это оставляет след. Лишать кого-то жизни... И бедолаги, которых поработили вампиры в том приюте. Это было еще хуже.

– Все эти люди пытались убить тебя, Мёрф. Ты должна была поступить так. У тебя и выбора-то не оставалось. И ты знала это, когда нажимала на спуск.

– А у тебя, ты считаешь, был выбор? – спросила она.

Я пожал плечами:

– Может, и был. А может, и нет. – Я сглотнул. – Суть в том, что я тогда не удосуживался подумать об этом. Не колебался. Просто хотел, чтобы они поскорее умерли.

Довольно долго она молчала.

– Что, если Совет прав насчет меня? – тихо спросил я у Мёрфи. – Что, если я превратился в какого-то монстра? Такого, который отнимает чужую жизнь, руководствуясь лишь своими желаниями. Которого цель интересует больше, чем средства. Для которого сила значит больше, чем справедливость. Что, если это первый шаг?

– А ты сам как считаешь? – спросила она вдруг.

– Я не...

– Потому что если ты, Гарри, так считаешь, значит, возможно, так оно и есть. А если считаешь, что это не так, значит, скорее всего, это не так.

– Сила позитивного мышления? – спросил я.

– Нет. Свобода выбора, – ответила она. – Ты не можешь изменить того, что уже произошло. Но ты волен выбрать, что делать дальше. А это значит, что ты переметнешься на темную сторону только в том случае, если сам выберешь это.

– А с чего ты взяла, что я этого не сделаю?

Мёрфи легонько коснулась пальцами моего подбородка:

– Потому что я не идиотка. В отличие от некоторых других, сидящих в этой машине.

Я поднял правую руку и бережно сжал ее пальцы. Они были теплые, крепкие.

– Поосторожнее. Это почти, можно считать, комплимент.

– Ты порядочный человек, – сказала Мёрфи, опуская руку; пальцев моих она при этом не стряхнула. – Порой до боли слепой и глухой. Но сердце у тебя доброе. Потому ты и относишься к себе так беспощадно. Ты устал, голоден и изранен, и ты видел, как нехорошие парни делают такое, чему ты не в силах помешать. Ты пал духом. Вот и все.

Простые, искренние и прямые слова. В голосе ее не было ни капли фальшивых утешений, ни капли снисходительной жалости. Я ведь не первый день знаком с Мёрфи. Я знал, что она готова подписаться под каждым своим словом. Сознание того, что она на моей стороне, даже если я нарушил закон, который она защищает по долгу службы, здорово ободряло.

Я говорил это прежде и повторю еще раз.

Мёрфи – хороший парень.

– Может, ты и права, – сказал я. – Адские погребушки, и правда, хватит жалеть себя – работать пора.

– Только начни с еды и отдыха, ладно? – хмыкнула она. – И если ты меня не слышал, я заеду за тобой утром.

– Идет, – кивнул я.

Мы еще немного посидели, держась за руки.

– Кэррин, – проговорил я.

Она посмотрела на меня. Глаза ее казались очень большими, очень голубыми. У меня не получалось смотреть в них долго.

– Ты никогда не думала о... ну... о нас?

– Иногда, – ответила она.

– Я тоже, – признался я. – Только... моменты все были какие-то неудачные.

Она улыбнулась:

– Я заметила.

– Как по-твоему, в этом что-то есть?

Она осторожно сжала мою руку пальцами и сразу убрала их:

– Не знаю. Может, когда-нибудь... – Она посмотрела на свою руку и нахмурилась. – Это многое бы изменило.

– Изменило бы, – согласился я.

– Ты мой друг, Гарри, – сказала Мёрфи. – Что бы ни случилось. Иногда в прошлом... я поступала по отношению к тебе несправедливо.

– Как тогда, у меня в офисе, когда ты заковала меня в наручники, – кивнул я.

– Ага.

– А потом ты мне зуб сломала.

Мёрфи пораженно моргнула:

– Я сломала тебе зуб?

– А потом...

– Ладно, ладно, – остановила она меня; щеки ее порозовели. – Я хочу сказать, я могла бы и раньше понять, что ты из хороших парней. И...

Я выжидающе смотрел на нее и молчал.

– И я прошу прощения, – выдавила она. – Вот гад!

Это далось ей непросто. Гордости в Мёрфи не по росту много. И да, я очень хорошо помню пословицу насчет хрустальных домов и камней. Поэтому я не стал давить на нее.

– Ты уж не увлекайся романтикой, Мёрф.

Она чуть улыбнулась и закатила глаза:

– Если мы и сойдемся когда-нибудь, не пройдет и недели, как я тебя убью. А теперь отдыхай. В таком виде от тебя все равно толку никакого.

Я кивнул и выбрался из машины:

– Тогда до завтра.

– Где-нибудь около восьми, – отозвалась она и вырулила обратно на улицу. – Поосторожнее, ладно? – бросила она, опустив стекло.

Я посмотрел вслед машине и вздохнул. Мои чувства по отношению к Мёрфи все еще пребывали в безнадежно запутанном состоянии. Может, мне нужно было поговорить с ней раньше. Действовать решительнее, инициативнее.

«Поосторожнее», – сказала она.

И почему, интересно, мне кажется, что я и так слишком осторожен?

Глава 15

Микки-Маус, мой будильник, сработал в семь утра и продолжал упрямо звенеть до тех пор, пока я не отшвырнул одеяло, не сел и не заглушил его к чертовой матери. Все тело болело, затекло, но ощущение неодолимой усталости заметно убавилось, и – раз уж я принял вертикальное положение – я начал шевелиться.

Я залез под душ и постарался не подпрыгнуть слишком высоко, когда в меня ударила первая струя ледяной воды. Конечно, кое-какой опыт по этой части у меня имеется. Ни один нагреватель не выдерживал у меня дольше недели без того, чтобы с ним не возникали какие-нибудь технические неполадки, а это особенно неприятно, если нагреватель газовый. Поэтому душ у меня бывает либо холодный, либо ледяной. С учетом моей личной жизни и нечеловеческого обаяния некоторых существ, с которыми мне время от времени приходится иметь дело, может, оно и к лучшему.

Однако порой, когда все мое тело в синяках и ссадинах, а в мышцах гнездится боль, я жалею, что душ у меня не обжигаете горячий, как у любого другого жителя страны.

И тут вода из ледяной разом сделалась обжигаете горячей. Это застало меня врасплох. Я взвыл и исполнил под струей замысловатый танец, пока мне не удалось отвернуть душ к стене, спасая тем самым особо ценные части тела. Затем, привыкнув немного к температуре, я сунул под струю ноющую голову и шею и даже застонал от удовольствия. Потом опомнился.

– Черт подери, я же говорил тебе не делать этого! – буркнул я.

Ласкиэль рассмеялась – совсем негромко, так что ее смеха почти не было слышно за шумом воды. Фантомные пальцы помассировали мне мышцы у основания шеи, унимая боль.

– Тебе стоило бы использовать технику блокировки боли, которой я научила тебя прошлой осенью.

– Обойдусь и без нее, – буркнул я, стараясь изобразить недовольство. Однако горячая вода и массаж, пусть даже иллюзорные, доставляли мне истинное наслаждение. – Переживу как-нибудь.

– Твой дискомфорт – это мой дискомфорт, хозяин мой, – со вздохом возразила она. – Собственно, все, что я ощущаю, попадает ко мне только через твои ощущения.

– Но всего этого нет на самом деле, – негромко сказал я. – Вода в действительности вовсе не горячая. И никто не массирует мне шею. Это иллюзия, которую ты наводишь поверх моих ощущений.

– Разве тебе от этого не легче? – спросил бестелесный голос. – Разве это не снимает напряжение?

– Да, – вздохнул я.

– Тогда какая разница? Это вполне реально.

Я махнул рукой, словно отгоняя от шеи назойливую муху, и ощущение сильных, уверенных пальцев на загривке исчезло.

– Валяй, – сказал я. – Только без рук. Мне не хотелось бы начинать день с заключения тебя в ментальную клетку, но, если вынудишь, я это сделаю.

– Как тебе угодно, – произнес ее голос, и ощущение постороннего присутствия тоже ослабло. Но не совсем исчезло. – Хозяйин мой, я правильно поняла, что ты не упомянул при этом о горячей воде?

Я хмыкнул и, пробормотав пару-тройку слов себе под нос, сунул на несколько секунд голову под иллюзорно обжигающую воду.

– Ты уловила, что произошло вчера вечером? – спросил я наконец вслух.

– Разумеется, – отозвался Падший ангел.

– И что ты об этом думаешь?

С полминуты Ласкиэль задумчиво молчала.

– Думаю, что Кэррин считает некоторую дистанцию между вами профессиональной необходимостью, но ей кажется, что со временем и при других обстоятельствах все еще может измениться.

Я вздохнул:

– Нет. Не это. Звезды и камни, мне не нужно интимных советов от долбаной чертовки! Я имел в виду тварей, которые нападали на людей на конvente.

– А-а, – произнесла Ласкиэль без малейшего намека на обиду. – Разумеется, это напал сверхъестественный хищник.

Каков вопрос, таков ответ, подумал я и подвигал плечом под горячей водой.

– Если так, значит целью нападений было не насилие ради насилия, – задумчиво пробормотал я. – Это объясняет увиденное мною в туалете, где напали на старика. Кто бы это ни сделал, он хотел посеять страх. Причинить боль. Чтобы насытиться... чем? Психической энергией, выделяемой жертвами?

– Объяснение немного упрощенное, – заметила Ласкиэль, – но для смертного, насколько я могу судить, довольно точное.

– Ба, да ты у нас теперь знаток смертных?

– Всегда была таковой, – возразила она. – Не прими за обиду, но тебе стоило бы учитывать, что ваша способность оценивать окружающую ситуацию в значительной степени определяется верой в иллюзии. Во время. В истину. В любовь. В тому подобные вещи. Разумеется, это не ваша вина – но это накладывает некоторые ограничения на вашу способность воспринимать и понимать отдельные явления.

– Я всего лишь смертный, – хмыкнул я. – Так просвети меня.

– Для этого тебе придется расстаться с претензиями на смертность.

Я моргнул от неожиданности:

– Я что, должен умереть?

Она вздохнула:

– Ты снова понял лишь отчасти. Но для доходчивости скажу проще: да. Тебе придется перестать жить.

– Тогда не трудись просвещать меня, – заметил я. – Таких учителей мне и без тебя хватает. – Я прополоскал волосы, потом намылил их шампунем еще раз, отчего начал благоухать как ирландский ручей – так, во всяком случае, гласила этикетка. – Ладно, поговорим о тех, кто остался жив. Они перенесли душевную травму.

– Если теория не ошибается, – согласился голос Ласкиэли. – Если они и правда травмированы душевно, воздействие, похоже, необратимо.

Я поежился. Травмы такого рода проявляются по-разному, но в любом случае достаточно плохо. Я видел людей, которых подобные атаки на психику довели до безумия. Мёрфи подверглась однажды такому нападению и потом несколько лет, пока не зажили душевные и психические раны, страдала от ночных кошмаров. Впрочем, приходилось мне видеть и тех, кого

вампиры Черной Коллегии, измочалив в психическом отношении, превратили в почти безмозглых рабов – или в обезумевших убийц, в пушечное мясо для новых господ.

Хуже всего, что один из немногих способов это увидеть – отворить чародейское Зрение. А отсюда следует, что каждый чудовищно покалеченный псих гарантированно останется в моей памяти. Навсегда.

Верхняя полка моей ментальной витрины с трофеями и так ломится от всяких жутких «сувениров».

Обманчиво горячая вода струилась по моему телу. Что ж, пустячок, а приятно.

– Уходи, – приказал я Ласкиэли. – Впрочем, – добавил я, – горячую воду пока оставь.

– Как тебе будет угодно, – с вежливым удовлетворением отозвался голос Падшего ангела, и ощущение ее присутствия исчезло окончательно.

Я оставался под душем, пока кожа на пальцах не сморщилась. Или, говоря точнее, на пальцах правой руки – на обожженной левой кожа выглядит сморщенной всегда. Стоило мне выключить воду, как ощущение ледяного холода вернулось, и, пока я одевался, меня колотила дрожь.

Я наполнил миски Мистеру и Мышу, наскоро проглотил какую-то фигню из холодильника и открыл себе банку колы. Подумав, спустился в лабораторию и взял с полки череп Боба.

В темных глазницах замерцали оранжевые огоньки.

– Эй! – сонно пробормотал Боб. – Куда это мы?

– Провести расследование, – ответил я. Поднявшись, я сунул череп в нейлоновый рюкзак. – Ты можешь мне пригодиться. Только мы сегодня будем в местах довольно людных, так что будь добр, держи рот на замке, пока я не расстегну рюкзак, ладно?

– Идет, – отозвался Боб, зевая, и огоньки в его глазницах снова погасли.

Я собрал свой нехитрый магический арсенал: браслет-оберег, кольцо – преобразователь энергии, серебряный амулет-пентаграмму. Сунул в боковой кармашек рюкзака новый, собственноручно вырезанный жезл, оставив рукоять торчать так, чтобы при необходимости мгновенно выхватить. Я взял свой посох и задумчиво покосился на кожаный плащ, висевший на крючке у двери. Я наложил на него заклятия, способные сдерживать самые разнообразные когти, клыки, пули и прочую дрянь, и обычный плащ превратился в своего рода доспехи.

Увы, как и у большинства других доспехов, системы кондиционирования воздуха у него не имелось, так что надень я его на такой жаре – помер бы от перегрева прежде, чем кому-либо представился бы шанс укусить, царапнуть, лягнуть или застрелить меня. Черт возьми, даже синие джинсы, в которых я собирался выходить, покажутся мне слишком тяжелыми задолго до полудня. В общем, плащ остался висеть на крючке.

Это меня немного угнетало. Я привык к своему плащу, и его заговоренная кожа не раз и не два спасала мне жизнь. Каким-то уязвимым я себя ощущал, отправляясь без него навстречу сверхъестественным конфликтам. Поэтому я снял с другого крючка поводок Мыша и пристегнул карабин к ошейнику, на что пес оживленно завилял хвостом.

– Ты сегодня со мной, – сказал я ему. – Надо, чтобы кто-нибудь прикрывал меня сзади. Может, потом поделюсь с тобой хот-догом.

При упоминании хот-дога Мыш завилял хвостом еще оживленнее. Он фыркнул, преданно потерся тяжелой башкой о мое бедро, и мы вышли на улицу ждать Мёрфи.

Она свернула с улицы к дому и не без опаски посмотрела на Мыша, когда я открыл дверцу и пес запрыгнул на заднее сиденье. Машина качнулась и слегка просела на рессорах под его тяжестью.

– Его у тебя не укачивает?

Мыш вильнул хвостом и, вопросительно склонив голову набок, одарил Мёрфи зубастой собачьей ухмылкой. Так и казалось, что он сейчас спросит: «Укачивает? Это еще что такое?»

– Хитрюга! – буркнул я и уселся рядом с Мёрфи. – Мы с ним хорошенько поработали над вопросами гигиены, как только я сообразил, каким здоровым он у меня вымахает. Он будет паинькой. – Я оглянулся назад. – Верно?

Мыш точно так же ухмыльнулся и мне. Я нахмурил брови и изобразил строгий взгляд. Он ткнул меня носом в плечо и улегся на сиденье.

Мёрфи вздохнула:

– Будь это любая другая собака, я бы заставила ее ехать в багажнике.

– Верно, – согласился я. – У тебя имеется отрицательный опыт общения с собаками.

– С крупными собаками, – поправила меня Мёрфи. – Отрицательный – только с крупными.

– Мыш не крупный. Он компактного телосложения.

Она покосилась на меня, трогая машину с места:

– Ты в багажнике тоже поместишься, Гарри. – Она посмотрела на меня внимательнее и нахмурилась. – У тебя губы синие.

– Перестоял под душем, – объяснил я.

Она вдруг улыбнулась:

– Не хотел, чтобы что-то отвлекало тебя от дела? Пожалуй, я могу расценивать это как комплимент моей сексуальности.

Я застегнул ремень безопасности:

– Из больницы что-нибудь слышно?

Мёрфи тут же перестала улыбаться и некоторое время вела машину молча. Она кивнула, не глядя на меня; лицо ее сделалось непроницаемым.

– Плохо, да? – спросил я.

– Юноша, которого привезли на «скорой», умер. Девушка, которую этот тип ударил еще до твоего появления, имеет шанс выкарабкаться, но она в коме. Не реагирует на внешние раздражители. Просто лежит.

– Угу, – негромко буркнул я. – Я ожидал чего-нибудь в этом роде. А другая девушка? Роза?

– Повреждения болезненные, но жизни не угрожают. Ей наложили швы и лубки, а когда узнали про беременность, оставили в больнице для более детального обследования. Похоже, у нее есть шанс сохранить ребенка. Она в сознании и говорит.

– Уже что-то, – сказал я. – А Пелл?

– Все еще в реанимации. Он все-таки в возрасте, да и избили его сильно. Врачи говорят, с ним все будет в порядке, если каких-нибудь осложнений не появится. Он слаб, но в сознании.

– Реанимация, – вздохнул я. – У нас не будет возможности поговорить с ним где-нибудь в другом месте?

– Тебе не кажется, что врачи немного удивятся, если мы пригласим человека в тяжелом состоянии выйти попить кофе? – заметила она.

Я хмыкнул:

– Тогда тебе придется допросить его в одиночку. Я боюсь даже заходить туда под контролем их сложного оборудования.

– Даже на несколько минут? – спросила она.

Я пожал плечами:

– Не могу гарантировать стопроцентного контроля над своей энергией. – Я помолчал немного. – Ну, не совсем. Вот этаж погромить, если нужно, – это запросто, а удержать технику от поломок – это как получится. Есть, конечно, шанс, что, если я зайду всего на несколько минут, ничего страшного не случится. Но иногда электроника сходит с ума, стоит мне просто пройти мимо. Я не могу рисковать, когда от этого зависит человеческая жизнь.

Мёрфи выгнула бровь, но понимающе кивнула:

- Может, мы сможем поговорить с ним по внутренней связи или еще как-нибудь.
- Или еще как-нибудь. – Я потерял глаза. – Ох, боюсь, денек нам предстоит тот еще.

Глава 16

Если подумать, все больницы выглядят более или менее одинаково, однако больница Милосердия, куда отвезли жертв нападения, каким-то образом ухитрилась избежать стандартного стерильного, полного тихой безнадёги образа. Старейшая больница в Чикаго, основанная церковью, она так и осталась католическим заведением. Ее с самого начала построили необычно большой, однако знаменитые чикагские пожары конца девятнадцатого века наполнили ее под завязку. В чрезвычайных обстоятельствах врачи могли оказывать здесь помощь в шесть или семь раз большему количеству пострадавших, чем в других тогдашних больницах, так что даже самые отъявленные критики перестали ворчать насчет того, сколько ценной земли под нее утонуло.

В коридоре у палат пострадавших дежурил коп – на случай, если наряженный в маскарадный костюм киллер явится и сюда. Но конечно, его могли поставить и для того, чтобы отгонять любопытных газетчиков с их феноменальным нюхом на кровь. Почему-то я не слишком удивился, увидев, что дежуривший – Роулинс, небритый и все еще с болтавшимся на куртке дурацким бейджиком «СПЛЕТТЕРКОН!!!». Одно запястье его белело свежими бинтами, но во всех остальных отношениях вид он имел на удивление бодрый для человека, получившего вполне чувствительную рану, а потом работавшего всю ночь. А может, просто внешность у него такая закаленная.

– Дрезден, – произнес Роулинс, не вставая с места. Стул свой, кстати, он установил на пересечении двух коридоров. Профессионал! – Вид у вас сегодня получше. Не считая этих синяков.

– Самые клевые проявляются только через сутки, – заметил я.

– Святая правда, – согласился он.

Мёрфи стояла, переводя взгляд с меня на Роулинса и обратно:

– Да ты, похоже, с кем угодно можешь сработаться, Гарри.

– Ба! – расплылся в улыбке Роулинс. – Уж не малышку ли Кэррин Мёрфи я слышу? Жаль, театрального бинокля не захватил, не разгляжу толком.

Она улыбнулась в ответ:

– А вы что здесь делаете? Неужели они нормального копа не могли найти следить за коридором?

Роулинс фыркнул и закинул ногу на ногу. Я заметил, впрочем, что при всей непринужденности его позы кобура торчала на виду и правая рука все время держалась в непосредственной близости от рукоятки пистолета. Он покосился на Мыша и выпятил губы:

– Вот не знал, что сюда разрешают с собаками.

– Это полицейская собака, – заверил я.

Роулинс небрежно протянул Мышу руку ладонью вниз. Мышь вежливо обнюхал ее и стукнул хвостом мне по ноге.

– Гм, – протянул Роулинс. – Что-то не помню таких у нас в управлении.

– Пес со мной, – пояснил я.

– А чародей – со мной, – добавила Мёрфи.

– Из чего следует, что собака полицейская, ага, – согласился Роулинс и мотнул головой вдоль коридора. – Мисс Марселла там. Пелла и мисс Бектон пока держат в реанимации. Парень, которого привезли, не вытянул.

Мёрфи поморщилась:

– Спасибо, Роулинс.

– Всегда пожалуйста, малышка, – пророкотал Роулинс тоном доброго дедушки.

Мёрфи бросила на него короткий испепеляющий взгляд, и мы двинулись дальше по коридору навестить первую из жертв.

Палата оказалась одноместная. Молли сидела на стуле рядом с кушеткой; судя по тому, как она оглядывалась по сторонам и вытирала уголок рта рукавом, она только что проснулась. На кушетке лежала Роза, маленькая и бледная.

Молли осторожно разбудила ее, дотронувшись до руки. Роза увидела нас и моргнула несколько раз.

– Доброе утро, – сказала Мёрфи. – Надеюсь, вы отдохнули немного.

– К-капельку, – отозвалась девушка слегка осипшим голосом.

Она огляделась по сторонам, но Молли уже протягивала ей стакан воды с пластиковой соломинкой. Роза сделала несколько глотков, благодарно кивнула Молли и устало откинула голову на подушку.

– Капельку, – повторила она уже тверже. – Кто вы?

– Меня зовут Кэррин Мёрфи. Я детектив управления полиции Чикаго. – Мёрфи махнула рукой в мою сторону и достала из кармана джинсов ручку и маленькую записную книжку. – А это Гарри Дрезден, он работает с нами по этому делу. Вы не возражаете против его присутствия?

Роза облизнула губы и кивнула. Ее свободная от повязок рука нервно потерла бицепс. Мёрфи вполголоса заговорила с ней.

– Что вы здесь делаете? – спросила у меня шепотом Молли.

– Наблюдаю, – отозвался я так же тихо. – Какая-то нечисть распоясалась.

Молли прикусила губу:

– Вы уверены?

– Стопудово, – кивнул я. – Не переживай. Мы найдем того, кто сделал больно твоей подруге.

– Друзьям, – поправила меня Молли. – Вы знаете что-нибудь про Кена? Парня Розы? Нам никто ничего не говорит.

– Это тот, которого увезли на «скорой»?

Молли озабоченно кивнула:

– Да.

Я покосился на Мёрфи и не сказал ничего.

Молли поняла. Лицо ее побледнело.

– О боже... – прошептала она. – Она так... – Она стиснула кулаки и несколько раз трянула головой. – Мне надо... – Она огляделась по сторонам и повысила голос: – Умираю как кофе хочется. Кому-нибудь еще принести?

Никто не отозвался. Молли взяла свою сумочку и повернулась к двери. По дороге к выходу она прошла совсем близко от Мыша. Впрочем, тот, вместо того чтобы предостерегающе заворчать, ткнул лбом в ее ногу, а она почесала его за ухом.

Я дождался, пока дверь закроется, и строго посмотрел на него:

– Ты на кого работаешь?

Он вильнул хвостом и вернулся на место. Мёрфи продолжала задавать Розе неизбежные вопросы о нападении.

Время шло. Я отложил рассмотрение странного поведения Мыша на потом, приказал ему следить за дверью, а сам включил Зрение.

Потребовалось совсем небольшое усилие воли, чтобы отогнать в сторону такие заботы материального характера, как боль, зуд, синяки и вопрос, почему Мыш ворчал на Молли, а потом свет, тени и цвета повседневного мира растворились в буйстве света и красок, хоронившихся под поверхностью.

Мёрфи предстала такой, как всегда, когда я смотрел на нее Зрением: она оставалась почти сама собой, только немного яснее; глаза ее сияли, и одета она была в почти ангельский хитон белого цвета, испачканный кое-где кровью и грязью сражения. Под левой рукой у нее висел короткий прямой меч, клинок сиял ослепительно белым светом – я-то знал, что на этом месте у нее находится наплечная кобура. Она посмотрела на меня, и я разглядел смутно маячившие черты ее физического лица. Лицо это оставалось непроницаемым, словно маска, но Мёрфи улыбнулась мне – словно осветила лучом солнца. Сквозь пелену ее физического лица я видел жизнь, эмоции.

Я отвел от нее взгляд прежде, чем мы успели заглянуть друг другу в душу... впрочем, улыбка эта явно из тех вещей, которые я не против сохранить в памяти. Другое дело – Роза.

Материальная Роза представляла собой миниатюрную, хрупкую, бледную девушку. Та Роза, которую открыл мне Взгляд, выглядела совсем иначе. Бледная кожа превратилась в серую, грязную, кожистую оболочку. Огромные темные глаза сделались еще больше, и взгляд их настороженно, боязливо шарил по палате. Так оглядываются по сторонам бродячие собаки, уличные кошки или крысы – затравленные, отчаявшиеся в бесконечной борьбе за выживание.

Под кожей в змеящихся венах пульсировала какая-то злобная черно-зеленая энергия, сгусток которой виднелся на сгибе локтя левой руки. Нити этой энергии тянулись к коже и заканчивались на ее поверхности десятками крошечных жадных ртов – отметин от инъекций, которые я заметил накануне. Правая рука то и дело проводила по левой, словно расчесывая надоедливый прыщ. Но пальцы ее не касались кожи. Руки окружало нечто, напоминающее рой мерцающих мошек, не позволявших ей дотронуться до этих голодных ртов. Хуже того, на висках ее темнели пятна, похожие на шрамы от ожогов, – маленькие, аккуратные черные отверстия, словно кто-то продернул сквозь ее голову докрасна раскаленную иглу. Вокруг этих ранок запекалась призрачная кровь, но, судя по широко раскрытым глазам, сама она даже не осознавала их наличия.

Какого черта? Мне приходилось уже видеть жертв нападений на душу, и вид у них всегда был не из приятных. Обыкновенно они выглядели так, как если бы на них напала акула или разъяренный медведь. Таких повреждений, как у Розы, мне еще не приходилось видеть. Казалось, какой-то хирург-извращенец орудовал над ней лазерным скальпелем. Это на пару делений превысило прошлый рекорд странности с гнусным оттенком... в каких там единицах она измеряется.

Голова начала гудеть от напряжения, и я убрал Взгляд. Мне пришлось на несколько секунд привалиться к стене и помассировать виски, пока немного не полегчало.

– Роза, – обратился я к ней, оборвав Мёрфи на полуслове. – Когда вы последний раз кололись?

Мёрфи, нахмурившись, оглянулась на меня через плечо. Роза виновато покосилась на меня и тут же отвела глаза.

– О чем вы? – спросила девушка.

– Полагаю, это героин. – Я понизил голос, но так, чтобы она меня слышала. – Я видел вчера следы у вас на руке.

– У меня диаб... – начала было она.

– О, прошу вас, – оборвал я ее, не скрывая раздражения. – Вы меня совсем за дурака держите?

– Гарри, – предостерегающе начала Мёрфи, но голова моя болела слишком сильно, чтобы меня остановили чьи-либо слова.

– Мисс Марселла, я пытаюсь вам помочь. Просто ответьте на мой вопрос.

Долгое мгновение Роза молчала.

– Две недели назад, – ответила она наконец.

Мёрфи выгнула бровь, и взгляд ее вернулся к девушке.

– Я завязала, – сказала та. – Правда. Я имею в виду, как только узнала, что беременна... Не могу же я продолжать это делать.

– Правда? – переспросил я.

Она подняла взгляд и посмотрела на меня прямо – без особой, правда, уверенности.

– Да. Я с этим покончила. И даже не жалею. Ребенок важнее.

Я поджал губы, но кивнул:

– Ладно.

– Мисс Марселла, – сказала Мёрфи. – Спасибо, что согласились уделить нам время.

– Постойте! – окликнула нас девушка, когда Мёрфи уже повернулась к двери. – Пожалуйста. Нам никто ничего не говорит про Кена. Вы знаете, как он? В какой палате?

– Кен – ваш бойфренд? – осторожно поинтересовалась Мёрфи.

– Да. Я видела, как его увозили вчера на «скорой». Я знаю, он здесь... – Мгновение Роза смотрела на Мёрфи, потом лицо ее сделалось еще бледнее. – О нет. О нет, нет, нет!

Хорошо, что я успел посмотреть на нее прежде, чем она узнала про своего парня. Воображение услужливо нарисовало мне зрелище эмоциональных ран, брызжущих кровью по мере того, как ее кромсает невидимый меч, но, по крайней мере, мне не пришлось видеть этого своим Зрением.

– Мне очень жаль, – тихо произнесла Мёрфи. Голос ее звучал ровно, взгляд выражал сочувствие.

Именно это мгновение выбрала Молли, чтобы вернуться с чашкой кофе. Она бросила на Розу всего один взгляд – и, поставив чашку на стол, метнулась к ней. Роза разразилась сдавленными рыданиями. Молли обняла ее, сев на край кушетки.

– Мы дадим знать, если что, – тихо произнесла Мёрфи. – Идем, Гарри.

Мыш тоже смотрел на Розу сочувственно, и мне пришлось пару раз дернуть за поводок, прежде чем он тронулся с места. Мы вышли и направились к ближайшей лестнице. Мёрфи хотела посетить реанимацию, которая размещалась в соседнем корпусе.

– Я вчера не обратила внимания на отметины у нее на руке, – призналась Мёрфи. – Ты ее здорово прижал.

– Да.

– Зачем?

– Затем, что это может иметь какое-то значение. Пока не знаю, какое именно. И времени слушать, как она станет изворачиваться, у нас не было.

– Она тебе наврала, – заметила Мёрфи. – С героина так быстро не соскочить. Две недели... У нее еще не прошла ломка.

– Угу, – буркнул я.

Мы выбрались на улицу и направились к соседнему корпусу. От яркого солнечного света голова разболелась еще сильнее, и тротуар пошел кругом. Я остановился, чтобы глаза привыкли к свету.

– Ты в порядке? – спросила Мёрфи.

– Тяжело. Я имею в виду, видеть кого-то в таком состоянии, – тихо ответил я. – А ведь из всех троих она, возможно, травмирована в наименьшей степени.

Мёрфи нахмурилась:

– Что ты увидел?

Я попробовал объяснить ей, как выглядела Роза. Вышло сюрреалистично и путано – я и сам не очень понял, что за описание у меня получилось. Не уверен, что Мёрфи осталась довольна ответом.

– Выглядишь ты ужасно, – сообщила она, когда я закончил.

– Пройдет. Просто чертовски сильная головная боль. – Я покачал головой и постарался дышать ровнее, накапливая силы для борьбы с болью. – Ага. Я в норме.

– Тебе удалось узнать то, на что мы надеялись? – спросила Мёрфи.

– Пока нет, – признался я. – Мне надо посмотреть на остальных. Может, характер полученных ими повреждений наведет меня на какую-нибудь мысль, покажет некую закономерность.

– Но они в реанимации.

– Угу. Придется изыскать способ попасть к ним, не приближаясь при этом к кому-нибудь, подключенному к системам жизнеобеспечения. Мне понадобится минута или полторы, чтобы посмотреть на них обоих. Потом выйду. Говорить будешь ты.

Мёрфи глубоко вздохнула:

– Уверен, что справишься?

– Нет, – честно сказал я. – Но тебе от меня будет не много толку, если я не посмотрю на них. И я не могу сделать этого по-другому. Если мне удастся остаться спокойным и расслабленным минуту-другую, все обойдется.

– Но наверняка ты этого не знаешь?

– А что я знаю наверняка?

Она нахмурилась и кивнула.

– Давай-ка я пойду первой, – сказала Мёрфи. – Подожди здесь.

Я вернулся в больницу, взял стул, отволок в коридор и сел там с Мышем и Роулинсом. Мы разделили на троих уютное молчание. Я прислонился затылком к стене и закрыл глаза.

Голова наконец стала проходить, когда вернулась Мёрфи.

– Порядок, – вполголоса сообщила она. – Спустимся на этаж и воспользуемся служебной лестницей. Нас проводит медсестра. Тебе не придется проходить мимо других палат.

– Ладно, – сказал я, вставая. – Пошли покончим с этим.

Глава 17

Я не стал терять время. Мы еще поднимались по лестнице, когда я включил Зрение. Медсестра открыла дверь с лестничной площадки, и я сразу же нырнул в первую палату слева – туда, где лежала в коме девушка, мисс Бектон. Я сделал шаг в помещение и поднял Взгляд.

Девушке не было еще и двадцати лет. Ее отличали болезненная худоба и огненно-рыжие волосы, которые почему-то не показались мне крашеными. Она лежала на животе, повернув голову набок и глядя перед собой мутным взглядом. На спине белели бинты.

Сфокусировав на ней взгляд, я увидел и другое. Девушке безжалостно искалечили психику, и даже те немногие клочки кожи, которые оставались открытыми, сплошь покрывали фантомные раны, из которых сочились кровь и сукровица. Рот ее замер в беззвучном вопле, а под отсутствующим взглядом я разглядел выпученные от ужаса глаза. Та часть мисс Бектон, что еще оставалась в телесной оболочке, кричала.

Мой желудок судорожно сжался, и я едва успел добежать до мусорного ведерка в углу, куда меня и вырвало.

Мёрфи склонилась рядом со мной, положив руку мне на спину:

– Гарри? Ты в порядке?

Гнев, сострадание и скорбь вели борьбу за первое место в моих мыслях. Сражаясь с дурнотой, я все-таки заметил, как стоявший в противоположном углу приемник-таймер включился и тут же сдох, окутавшись облачком дыма. Люминесцентные трубки на потолке замигали, реагируя на окутавшую меня под воздействием эмоций бурю магических энергий.

– Нет, – прохрипел я, борясь с новым приступом тошноты. – Я не в порядке.

Секунду Мёрфи смотрела на меня, потом перевела взгляд на девушку:

– Она...

– Она не очнется, – сказал я.

Я несколько раз сплюнул в ведро и встал с колен. Голова снова разболелась. Перепуганные глаза девушки намертво врезались в мое сознание. Она уходила из дома развлечься. Посмотреть любимое кино. Возможно, заглянуть потом с друзьями в кафе или ресторан. Наверняка она просыпалась вчера не с мыслью о том, что какая-то чудовищная тварь порвет в клочья ее рассудок.

– Гарри, – очень мягко повторила Мёрфи. – Это ведь не ты сделал с ней такое.

– Черт подери... – прохрипел я. Мой голос переполняла горечь.

Она нашла мою правую ладонь, и я с каким-то тихим отчаянием сомкнул пальцы на ее руке:

– Черт подери, Мёрф. Я найду эту сволочь. Найду и убью.

Рука ее оставалась такой же твердой и уверенной, как и голос.

– Я тебе помогу.

Я кивнул и на мгновение сжал ее руку. В этом касании не было никакого напряжения, ничего возбуждающего. Мёрфи, такая живая, настоящая, держала меня за руку, напоминая мне, что и я жив. Каким-то образом мне удалось оттолкнуть от себя ощущение внутреннего кошмара, что переполняло девушку, изгнать его из самых непосредственных моих мыслей, и в конце концов тошнота немного отступила. Я еще раз осторожно сжал пальцы Мёрфи и отпустил.

– Идем, – произнес я все еще хрипло. – Пелл.

– Ты уверен, что тебе не нужно отдохнуть хотя бы минуту?

– Не поможет, – буркнул я, махнув рукой в сторону радио и ламп. – Надо покончить с этим и уходить.

Она прикусила губу, но кивнула и повела меня в палату, расположенную напротив первой. Мне ужасно не хотелось этого делать, но я снова включил Зрение и сосредоточился, входя в палату Кларка Пелла.

Пелл оказался старым хрычом, сработанным из сапожной кожи и хрящей. Одна рука и обе ноги в гипсе, растяжки... Половина лица представляла собой чудовищно распухший багровый синяк. К носу тянулась трубочка от кислородного аппарата. Из-под обмотавших голову бинтов торчали клочки седых волос. Один глаз опух настолько, что почти не открывался. Зато второй, темный и блестящий, пристально смотрел на нас.

Раны его, спрятанные от глаз физической оболочкой, оказались почти такими же жуткими, как у девушки. Его безжалостно избили. Фантомные синяки и ссадины покрывали морщинистую кожу, изломанные кости придавали телу неестественные очертания. Но я увидел в этом старике еще кое-что. Под слоем сапожной кожи и хрящей имелся еще слой сапожной кожи и хрящей. И железа. Старого хрыча жестоко избили, но такое с ним случилось не впервые – как в физическом, так и в духовном смысле. Старикан-то оказался бойцом. Он был напуган, но, кроме того, еще и разозлен.

Кто бы с ним это ни проделал, он не получил того, чего хотел, – в отличие от случая с девушкой. Когда нападение не вызвало того страха, какой ожидался, преступнику пришлось ограничиться физическим насилием. Старикан выстоял, хоть и не мог противопоставить этому ничего, кроме жизненной закалки и упрямства. А раз ему это удалось, то и я как-нибудь справлюсь с тем, что запечатлелось у меня в памяти.

Я выключил Зрение и глубоко вздохнул. Мёрфи, державшаяся рядом со мной так, словно готова подхватить меня, если я вырублюсь, склонила голову набок и удивленно посмотрела на меня.

– Я в порядке, – заверил я ее вполголоса.

Пелл слабо, но явственно хмыкнул:

– Нытик. Даже повязки нет.

Я внимательно посмотрел на старика:

– Кто это с вами сделал?

Он слабо покачал головой:

– Псих.

Мёрфи хотела что-то сказать, но я поднял руку, и она послушно осеклась.

– Сэр, – обратился я к Пеллу. – Даю вам честное слово, я не коп. И не врач. Думаю, вы увидели нечто необычное.

Он посмотрел на меня, прищулив единственный зрячий глаз.

– Так ведь? – тихо спросил я.

– Р... Р-рукк... – попытался произнести он и закашлялся.

Я поднял руку и дождался, пока он успокоится.

– Руки-Молоты, – произнес я.

Пелл задрал губу в слабой ухмылке. Его здоровая рука слабо пошевелилась, и я шагнул ближе к нему.

– Вы сказали Грину, что на вас напал кто-то, наряженный Руками-Молотами, – предположил я.

Пелл устало закрыл глаза:

– Примерно так.

Я кивнул.

– Только это был не маскарад, – тихо произнес я. – А взаправду.

Пелл слегка вздрогнул и снова открыл глаз, мутный от боли и усталости.

– Это был он, – прошептал старик. – Не знаю как. Этого не может быть. Но... как-то я это почувствовал.

– Я вам верю, – ответил я.

Секунду он смотрел на меня, потом кивнул и закрыл глаз:

– Именно так. Единственный гребаный фильм, который меня мог напугать. И фильм-то так себе... – Он слабо покачал головой. – Проваливайте.

– Спасибо, – тихо сказал я ему. И, повернувшись, направился к двери.

Мёрфи следовала за мной по пятам. Так, вдвоем, мы и спустились.

– Гарри? – спросила она. – Что это было?

– Пелл, – сказал я. – Он раскрыл нам то, что нужно.

– Правда?

– Угу. Кажется, так. Эта тварь, должно быть, какая-то разновидность фобофага.

– Чего-чего?

– Такое потустороннее создание, которое питается страхом. Оно нападает с целью напугать людей и поглощает их эмоции.

– Ну, Пеллу кости переломали не криком «бу-у!», – заметила Мёрфи.

– Угу. Для того чтобы попасть в реальный мир, ему приходится обзавестись материальным телом. В общем-то, это стандартная тактика всех подобных демонов.

– Как нам одолеть его?

Я покачал головой:

– Пока не знаю. Первым делом мне надо бы выяснить, к какому именно типу относится этот фобофаг. Только для этого надо еще зацепки найти. Довольно много разных тварей способны перебраться в Чикаго из Небывальщины и сделать то, что сотворил этот гад.

Мы вышли на солнце, и я остановился, подняв лицо навстречу его лучам.

Ужас и страдания, которые я увидел у жертв, никуда не делись, сохраняясь у меня в памяти до боли отчетливыми образами. Но солнечное тепло, а еще такое же отчетливое воспоминание об упрямой стойкости Пелла – смягчали потрясение.

– Ты как, ничего? – спросила Мёрфи.

– Думаю, да, – тихо ответил я.

– Ты хоть можешь рассказать, что увидел?

Я попробовал, хотя слов у меня явно не хватало. Она выслушала и медленно кивнула:

– Похоже, с Розы не случилось такого, как с этими двумя.

– Может, это просто мы с Роулинсом вовремя подросли, – возразил я. – Может, он успел только размяться перед игрой.

– А может, имелась какая-нибудь другая причина, – заметила Мёрфи.

– Напомни мне, чтобы я прочитал тебе лекцию насчет приоритета версий, – хмыкнул я. – До тех пор, пока не обнаружено ничего конкретного, в качестве основного принимается самое простое объяснение.

Мёрфи кивнула:

– Если эта тварь дважды уже нападала на участников конвента, она, скорее всего, сделает это снова. Мне кажется, нам стоило бы посоветовать им закрыть мероприятие. Не будет конвента – не будет и нападений, правильно?

– Слишком поздно, – буркнул я.

Она склонила голову набок:

– Что ты хочешь этим сказать?

– Эта тварь питается страхом. Она подсела на страх, как на иглу. Если закрыть конвент, это напугает кучу народа.

– Напугать может и пресса.

– Но не так, – возразил я. – Сообщение в новостях может расстроить кого-то, лишить покоя. Но это ударит сильнее по тем, кто находился на конвенте, кто знал пострадавших и кто находился в том же здании. Для них это является настоящей опасностью. Чем-то реальным.

– Если нападавший так опасен, им стоит его бояться, – заметила Мёрфи.

– Если не считать того, что их страх привлечет к себе того самого нападавшего, – сказал я. – Собственно, если страха будет много, это привлечет не его одного, а и других хищников подобного рода.

– Других? – резким голосом переспросила Мёрфи, застыв на месте.

– Так капля крови в воде привлекает акул, – пояснил я. – Только вместо того чтобы сосредоточиться на конвенте, потенциальные жертвы окажутся рассеяны по всему Чикаго. Пока единственное наше преимущество заключается в том, что мы примерно знаем, где эта тварь нанесет следующий удар. Если конвент закроют, мы лишимся этого преимущества.

– И следующий шанс сесть ему на след представится тогда, когда появится новый труп... – Мёрфи покачала головой. – Чем могу помочь тебе я?

– Пока подбрось меня домой. Мне нужно кое с кем посоветоваться и... – Я вдруг стиснул зубы. – Вот черт подери, чуть не забыл.

– Что?

– У меня встреча за обедом, которую нельзя пропускать.

– Важнее, чем это? – удивилась Мёрфи.

– Не могу ее перенести, – буркнул я. – Дела Совета. Возможно, и важнее.

Она покачала головой:

– Ты взваливаешь на себя слишком большую ответственность, Гарри. Ты всего лишь человек. Хороший человек, но твои возможности не безграничны.

– Вот что случается, когда я не в кожаном плаще, – хмыкнул я. – Людям начинает казаться, будто я не супергерой.

Она усмехнулась, и мы направились к ее машине.

– Я серьезно, – сказала она. – Ты же не можешь быть везде одновременно. И не можешь помешать случиться всему плохому.

– Это не значит, что не надо и пытаться, – возразил я.

– Возможно. Но ты принимаешь все слишком близко к сердцу. Ты пряморываешься из-за этого. Как та девушка. – Она мотнула головой в сторону реанимационного корпуса. – Мне больно смотреть на тебя. У тебя достаточно неприятностей и без того, чтобы с головой зарываться в дела, с которыми невозможно справиться.

Я пожал плечами и молчал, пока мы не вернулись к машине.

– Я просто не могу этого вынести, – произнес я. – Не могу видеть, как люди страдают вот так. Ненавижу.

Мёрфи посмотрела на меня в упор и кивнула:

– Я тоже.

Мыш ткнул меня головой в ногу и прислонился, грея своим телом.

Это успокаивало. Мы забрались втроем в машину Мёрфи и поехали отслеживать неизвестно кого. Неизвестно – по крайней мере, до встречи с Летним Рыцарем.

Глава 18

Я попросил Мёрфи высадить меня в паре кварталов от моего дома, чтобы Мыш хоть немного размял лапы. Он, похоже, не возражал против такого решения и с энтузиазмом обнюхивал придорожные кусты, размахивая хвостом. На всякий случай я время от времени оглядывался, но незнакомый наблюдатель больше не показывался. Конечно, он мог действовать и не в одиночку, однако других подозрительных людей или машин я тоже не обнаружил. Впрочем, я продолжал параноидально озираться по сторонам до тех пор, пока мы не добрались до моего старого дома и не спустились по ступенькам к двери.

Я пробормотал заклинание, временно нейтрализующее обереги, которыми я укрепил свое жилье вскоре после начала войны с Красной Коллегией. Потом щелкнул ключом и, повернув дверную ручку, изо всех сил двинул стальную дверь плечом.

Дверь приоткрылась на пять или шесть дюймов. Я пнул ее еще несколько раз, отворив хотя бы для того, чтобы протиснуться боком, шагнул внутрь, впусив Мыша перед собой, и почти ткнулся носом в ствол обреза.

– Эта штука противозаконна, знаешь ли, – заметил я.

Томас хмуро посмотрел на меня поверх мушки и опустил ружье. Я услышал металлический щелчок – он поставил обрез обратно на предохранитель.

– Ты бы лучше дверь починил. Каждый раз, когда ты ее открываешь, грохот как от штурмовой бригады.

– Ой, да ладно, – отозвался я, отстегивая Мыша с поводка. – Всего-то один раз пережили осаду, и уже такая паранойя.

– Ну что я могу сказать. – Он повернулся и сунул обрез в свою объемистую спортивную сумку, стоящую на полу у входа. – Как-то я никогда не мечтал сыграть главную роль в ужастике с зомби.

– Не обманывайся, – сказал я; мне удалось не упасть, когда Мистер пулей пересек комнату и в знак дружеского приветствия врезался всей своей тридцатифунтовой тушей мне в ноги. – Кино было мое. Ты был копыеносцем. Вроде как роль второго плана.

– Спасибо и на том, – хмыкнул он. – Пиво будешь?

– Еще бы!

Томас плавной походкой направился холодильнику. На нем были джинсы, туфли и белая хлопчатобумажная футболка. Я покосился на сумку и нахмурился. Его сундук – старый армейский инвентарный ящик – стоял, запертый, на полу рядом с сумкой. Вокруг них разместились, как мне показалось, все личные пожитки Томаса.

Он вернулся ко мне, держа в руках пару запотевших бутылок Макова пива и ловким движением больших пальцев сорвал крышки.

– Мак убил бы тебя, если бы узнал, что ты его охлаждаешь.

Я взял у Томаса бутылку, изучая его лицо. Как обычно, оно выдало очень немного.

– Лучше бы Мак пришел и установил сюда кондиционер, если хочет, чтобы я пил его пиво теплым в разгар лета.

Томас усмехнулся. Мы чокнулись бутылками и сделали по глотку.

– Уходишь? – произнес я, помолчав немного.

Он молча сделал еще глоток.

– Ты мне ничего не хочешь сказать?

Он пожал плечами и кивнул в сторону лежавшего на каминной полке конверта:

– Мой новый адрес и номер телефона. И еще там немного денег тебе.

– Томас... – начал я.

Он снова отхлебнул пиво и мотнул головой:

– Нет, возьми. Ты сам предлагал мне пожить здесь до тех пор, пока я не встану на ноги. Я почти два года тут прожил. Я твой должник.

– Нет, – сказал я.

Он нахмурился:

– Гарри, пожалуйста.

С минуту я смотрел на него, раздираемый противоречивыми эмоциями. Часть меня по-детски радовалась, что маленькая квартирка снова будет принадлежать мне одному. Гораздо большая часть вдруг ощутила себя опустошенной, расстроенной. Но имелась и еще одна часть – эта радовалась за Томаса, гордилась им. С первого дня, как Томас поселился у меня, он оправлялся от полученных ран. Довольно долго я боялся, что отчаяние и самоглотание раздавят его; в общем, я понимал, что его желание жить самостоятельно – признак выздоровления. Таким же признаком я мог считать возрождающиеся у Томаса гордость и уверенность в себе. Поэтому он и оставил деньги над камином. Я не мог отказаться от них, не уязвив при этом его гордость.

Если не считать обрывочных воспоминаний об отце, Томас – единственная оставшаяся у меня родня. Томас без колебаний рисковал ради меня жизнью, охранял мой сон, ухаживал за мной, когда меня ранили, а время от времени даже стряпал. Ну конечно, порой мы действовали друг другу на нервы, только это ничуть не преуменьшало того, что мы на самом деле значим друг для друга.

Мы братья.

Все остальное преходяще.

– Ты справишься сам? – тихо спросил я, встретившись с ним взглядом.

Он чуть улыбнулся и пожал плечами:

– Думаю, да.

Я склонил голову набок:

– Откуда у тебя деньги?

– Заработал.

Брови мои сами собой поползли вверх.

– Ты что, нашел работу, с которой тебя не выгнали почти сразу же?

Томас слегка поморщился.

– Извини, – спохватился я. – Но... я же знаю, у тебя с этим были сложности...

Собственно, сложности у него возникали с сослуживцами, точнее, с сослуживицами: их влекло к нему с такой силой, что они едва не дрались за место в очереди. Да уж, инкубу куда легче тусоваться в ночных клубах или на званых вечеринках, чем вкалывать на кассе или доставщиком пиццы.

– Нашел что-то подходящее?

– Угу. Главное, без людей, – ответил он. Произнося это, он улыбался как ни в чем не бывало, но я-то ощущал в нем напряжение. Он чего-то недоговаривал. – Уже некоторое время там.

– Да? – спросил я. – Где?

Он легко ушел от прямого ответа:

– Есть такое место на Лейк-Вью. Наконец смог отложить немного. Хотел вернуть тебе долг.

– Перерабатывал, наверное, – предположил я. – Насколько я могу судить, ты пахал восемьдесят, если не девяносто часов в неделю.

Томас пожал плечами; улыбка маской застыла на его лице.

– Пришлось повкалывать.

Я сделал еще глоток пива – превосходного, кстати, даже в охлажденном виде – и обдумал все это. Если Томас не хочет о чем-то говорить, он и не будет говорить об этом. Давить на него в такой ситуации бессмысленно. У меня не сложилось впечатления, будто он вляпался в неприятности, и, хотя лицом он владеет получше профессионального игрока, я прожил с ним достаточно, чтобы в большинстве случаев видеть его если не насквозь, то, во всяком случае, через маску. До сих пор Томасу не удавалось зарабатывать себе на жизнь. Если теперь он считает, что в состоянии это делать, значит к его словам нужно относиться серьезно.

Жить самостоятельно ему просто необходимо. Я вряд ли оказал бы ему услугу, помешав этому.

– Уверен, что справишься? – спросил я еще раз.

Что-то проступило все-таки из-под маски – смущение.

– Прорвусь. Давно пора жить по-человечески.

– Не надо спешить, если ты к этому не готов.

– Да ладно, Гарри. До сих пор нам везло. Совет меня здесь не засек. Но даже притом, что ты теперь Страж и все такое, рано или поздно кто-нибудь да пронюхает, что в твоём доме живет вампир Белой Коллегии.

Я поморщился.

– Это, конечно, будет западло, – согласился я. – Но я не против рискнуть, если тебе нужно еще сколько-то времени.

– А я не против повкалывать, если это поможет тебе избежать неприятностей с Советом, – сказал он. – И потом, я же свою задницу спасаю. Я и сам не хотел бы иметь с ними дела.

– Я не позволю им...

Тут Томас рассмеялся уже по-настоящему, искренне:

– Господи, Гарри! Ты мне брат, а не мать. Со мной все будет хорошо. Наконец-то ты сможешь жить без оглядки на мое присутствие... может, даже девиц к себе таскать начнешь.

– Уговорил, красавчик, – хмыкнул я. – Тебе с переездом помочь или как?

– Не. – Он допил пиво. – У меня один сундук и сумка, больше ничего. Такси я уже вызвал. – Он помолчал. – Если, конечно, тебе не нужна моя помощь в каком-нибудь деле. Мне надо въехать до понедельника.

Я покачал головой:

– Я сейчас работаю с ОСР, так что помощи мне хватает. И я надеюсь разобраться с этим до вечера.

Томас внимательно посмотрел на меня:

– Вот ты и вляпался.

– Чего? – не понял я.

– Предсказал быструю победу. Теперь-то все наверняка безнадежно запутается. Господи, ты-то мог бы учитывать опыт.

Я ухмыльнулся:

– Можешь во мне не сомневаться. – Я допил пиво и протянул брату руку.

Он пожал ее.

– Если что, звони, – сказал он.

– Заметано.

– Спасибо, братишка, – тихо произнес Томас.

Я пару раз моргнул.

– Угу. Всегда можешь рассчитывать на ночлег здесь. Только если девиц таскать не будешь.

За дверью захрустел под колесами гравий, потом посигналили.

– Такси приехало, – сказал он. – Ах да. Ты не против, если я позаимствую у тебя обрез?

Пока себе такого не достану?

– Валяй, – кивнул я. – У меня все равно еще револьвер есть.

– Спасибо.

Он нагнулся и без видимого усилия вскинул на плечо тяжелый сундук. Затем взял спортивную сумку, повесил ее на другое плечо и легко открыл дверь. Он оглянулся, подмигнул мне и затворил дверь за собой.

С минуту я смотрел на закрытую дверь. Хлопнула крышка багажника, потом дверца. Снова прохрустели по гравию колеса, и моя квартира вдруг показалась мне на пару размеров больше, чем нужно. Мыш протяжно вздохнул и подошел потыкаться мордой. Я почесал его за ухом.

– С ним все будет хорошо, – сказал я. – Не беспокойся.

Мыш снова вздохнул.

– Я тоже буду без него скучать, – сказал я псу и вдруг встрепенулся. – Ты не расслабляйся.

Нам надо навестить Мака. Познакомишься там с Летним Рыцарем.

Я собрал все, что могло понадобиться для официальных переговоров с Летним Рыцарем, вызвал такси и стал ждать, гадая, что именно скрывает от меня мой брат.

Глава 19

Таверна Макэнелли, она же мини-пивоварня, расположена в полуподвале неподалеку от моего офиса. Когда-то это был первый этаж, но, поскольку Чикаго на деле представляет собой огромное болото, в которое погружается город, дом за свою долгую жизнь тоже осел, так что в таверну попадаешь, спустившись на пару ступенек. Потолок там низкий, а может, это мне с моим ростом так кажется, поэтому, входя, я, как всегда, увидел сначала несколько вращающихся на уровне моих глаз вентиляторов, да и когда спустился, лопасти продолжали лениво месить воздух в неуютной близости от моей головы.

На двери Мак повесил табличку: «НЕЙТРАЛЬНАЯ ТЕРРИТОРИЯ». Это означало, что, согласно неписаным законам, принятым большинством разнообразнейших сверхъестественных наций лет десять или двенадцать назад, на площади заведения нельзя вести боевые действия. Согласно этим же законам, в баре не допускалось никаких поединков, да и пытаться спровоцировать какие-либо конфликты тоже запрещалось строго-настрого. А если кому-либо вздумалось бы устроить махалово, ему пришлось бы поискать другое место; в противном случае он вынужден был бы иметь дело со всеми договорившимися сторонами.

Но еще важнее – по крайней мере, для меня – то, что Мак мой друг. Приходя в его заведение перекусить, я считаю себя гостем, а его – хозяином дома. Я соблюдал бы установленный нейтралитет из простого уважения к нему... впрочем, приятно сознавать, что уговор все-таки действует. Не всякий член сверхъестественного сообщества так же вежлив и дружелюбно настроен, как я.

Заведение Мака занимает одно большое помещение. Чертова дюжина толстых деревянных колонн поддерживает перекрытие, и каждая из них украшена вырезанными сюжетами

Древнего мира. У барной стойки стоят тринадцать табуреток, по залу в кажущемся беспорядке расставлены тринадцать столов, и вся эта асимметрия придает заведению уютный, неформальный дух.

Я вошел в зал, вооруженный до зубов – попробуй сунься! В левой руке я держал посох, а за пояс заткнул свой новый жезл – палку длиной в два фута и толщиной в два пальца. На левую руку я надел браслет-оберег, на палец правой – кольцо для фокусировки энергии; у правой ноги выступал Мыш, всем своим видом выражая готовность дать немедленный и решительный отпор любому.

Пара сидящих внутри людей посмотрели на мое лицо и сразу же сделали вид, будто я их несколько не интересую. На деле расположение духа у меня было далеко не из худших, но сейчас я хотел выглядеть именно так. С самого начала войны с Красной Коллегией я на собственном горьком опыте усвоил, что хищники – как в человечьем, так и в любом другом обличье – улавливают чужой страх и выискивают слабые места. Поэтому я вступил в заведение так, словно мне не терпится начистить кому-нибудь ряшку: куда проще обескуражить потенциального хищника загодя, чем отделяться от него потом, когда он уже заинтересовался тобой.

Я пересек зал, приблизившись к барной стойке, и Мак кивнул мне. Мак – долговязый мужик, и лет ему где-то между тридцатью и пятьюдесятью. Одет он был, по обыкновению, в темные рубаху и брюки и белоснежный, без единого пятнышка, фартук. Он ухитрялся волшебным образом одновременно обслуживать посетителей и готовить разнообразные яства на большой дровяной плите. Дневной жар ощущался в подвале не так сильно, да и вентиляторы, и сам подземный дух помещения убавляли духоту, и все же на бритой – а может, лысой, кто его знает, – голове Мака блестели капельки пота. Мак прекрасно понимал, что на самом деле означает мой воинственный вид, и его это несколько не смущало. Он кивнул мне, и я плюхнулся на табурет.

– Привет, Мак. Скажи, ты совсем не держишь здесь холодного пива?

Он покосился на меня без тени улыбки.

Я прислонил посох к стойке и поднял руки, сдаваясь:

– Шучу. Но хоть лимонад холодный у тебя найдется, надеюсь? Там, на улице, миллион градусов выше нуля.

Вместо ответа Мак поставил передо мной стакан лимонада с лимонадными же ледяными кубиками собственного изобретения: такой лимонад остается холодным, но не разбавляется водой по мере таяния льда. В том, что касается напитков, Мак настоящий гений. Впрочем, его сэндвичи с говядиной тоже можно считать особо ценным национальным достоянием.

– По делу? – спросил он.

Я кивнул:

– Встреча с Хватом.

Мак хмыкнул и, выйдя из-за стойки, направился к угловому столу – тому, который видно от самого входа. Он чуть отодвинул его от стены, протер поверхность влажной тряпкой и поправил стоявшие вокруг стулья. Я кивнул в знак благодарности и устроился за столом, не забыв прихватить с собой лимонад.

Ждать мне пришлось совсем недолго. Когда часы на стене показывали, что до полудня оставалось две минуты, отворилась дверь, и в зале появился Летний Рыцарь.

Хват подросток – в буквальном смысле слова. Когда мы познакомились, росту в нем было пять футов и три... может, четыре дюйма. Теперь я бы дал ему футов шесть. Он был жилистым блондином и в целом таким и остался, только жилы превратились в рельефные мышцы, а колючая панковская прическа сменилась принятой у знатных фэйри шевелюрой до плеч. Особой красотой Хват никогда не отличался, и рост, мускулатура и прическа мало что поменяли в этом плане. Что изменилось – так это его манеры.

Прежде характер Хвата отличался приблизительно равными долями нервозности и жизнерадостности. Теперь Летний Рыцарь буквально излучал силу и уверенность. Они исходили от него, как свет от звезды. Стоило ему отворить дверь, как тусклые тени в помещении немного отступили и повеяло ароматами соснового бора и медуницы. Что-то случилось с освещением – оно сделалось ярче, резче, чем было только что.

Хват не изображал из себя свирепого воителя, как я. Да и нужды в этом не было никакой: он просто им стал – Летним Рыцарем, смертным героем династии фэйри, грозой в синих джинсах и хлопковой зеленой рубашке. Взгляд его скользнул сначала к Маку, и Хват почтительно кивнул бармену. Потом Рыцарь повернулся ко мне, расплылся в улыбке и тоже кивнул:

– Привет, Гарри.

– Привет, Хват, – отозвался я. – Давно не виделись. Вы выросли.

Он опустил взгляд на себя и на мгновение сделался похожим на того несуразного юнца, каким я увидел его в первый раз.

– Вроде как работа сказывается.

– Бывает, – согласился я.

– Надеюсь, вы не будете против... тут с вами еще кое-кто поговорить хотел.

Он повернул голову, произнес что-то, и в зал вошла Летняя Леди.

Вот на Лилию всегда было приятно посмотреть. Дочь одного из сидхе и смертной женщины, она обладала внешностью, какие обычно приберегают для обложек глянцевого журнала. Впрочем, как и Хват, она подросла – не физически, хотя и так внимательный взгляд мог бы отыскать отличия по сравнению с тем, как она выглядела раньше, причем отличия, пожалуй, в выгодную сторону. Что в ней изменилось по-настоящему – исчезла застенчивая неуверенность, пронизывавшая раньше каждое ее слово, каждое движение. Прежняя Лилия вряд ли смогла бы постоять за себя. Эта стала истинной Летней Леди, младшей из Королев фэйри, и, когда она вошла, помещение, казалось, вдруг наполнилось жизнью. Вкус холодного лимонада у меня на языке сделался кислее и слаще. Я слышал шелест каждой струйки воздуха у лениво вращавшихся вентиляторов, и этот шум сливался в мягкую, приятную музыку. На Лилли было простое платье зеленого цвета, и на его фоне ниспадавшие почти до пояса выющиеся волосы казались еще светлее.

Более того, теперь ее окружала аура целеустремленности – этаким тихой, нежной силы, уверенной, согревающей и неодолимой, как солнечный свет. Да и в лице ее проявился характер; боязливая застенчивость во взгляде сменилась спокойной и мягкой пронизательностью, негромким смехом с едва уловимым оттенком грусти. Она шагнула между двумя деревянными колоннами, и вырезанные на них цветы дрогнули и расцвели вдруг настоящими красками.

У всех, включая меня, на мгновение перехватило дыхание.

Мак опомнился первым.

– Лилия, – произнес он, склонив голову. – Рад видеть тебя.

Она отозвалась на свое прежнее имя теплой улыбкой:

– Привет, Мак. Ты еще делаешь эти лимонадные кубики?

– Мне тоже, – добавил Хват и заулыбался еще радостнее.

Он предложил руку Лилии, и та опустила пальцы на его запястье таким привычным движением, о каких уже не задумываются. Они подошли к столу. Я вежливо встал, пока Хват усаживал Лилию. Потом мы с ним тоже сели. Мак принес лимонад и вернулся за стойку.

– Итак, – произнес Хват. – Что случилось, Гарри?

Лилия потягивала лимонад через соломинку. Я старался не слишком таращить на нее глаза и не пускать слюну.

– Гм... – начал я. – Меня просили связаться с вами. После прошлогодних атак Красной Коллегии, когда они вторглись на территорию фэйри, мы вроде как ожидали ответной реакции. И не понимаем, почему ее не последовало.

– «Мы» – это Совет? – негромко спросила Лилия.

Голос ее звучал совершенно спокойно, но что-то в нем предупредило меня, что этот вопрос, возможно, очень важен.

– «Мы» – это я и некоторые мои знакомые. Это, скажем так, не совсем официально.

Хват и Лилия переглянулись. Она коротко кивнула, и Хват вздохнул:

– Хорошо. Хорошо. Я так и надеялся на что-нибудь в этом роде.

– У меня нет полномочий говорить с Белым Советом от имени Летней династии, – объяснила Лилия. – Но с вами и меня, и моего Рыцаря связывают узы дружбы. Поэтому ничто не мешает говорить со старым другом о нелегких временах.

Секунду-другую я переводил взгляд с нее на Хвата и обратно.

– Так почему сидхе не обрушились на Красную Коллегию всей своей мощью? – спросил я наконец.

Лилия вздохнула:

– Тут все довольно сложно.

– Так начните для ясности с самого начала, – предложил я.

– С какого начала? – спросила она. – И чьего?

Брови мои против воли поползли вверх.

– Адские погремушки, Лилия! Вот от вас я не ожидал обычных для сидхе игр со словами.

Спокойная отрешенная красота накрыла ее лицо подобием маски.

– Я знаю.

– Сдается мне, когда речь заходит об услугах, вы не очень-то вольны распоряжаться собой, – заметил я. – Особенно в свете той заварухи в Оклахоме и истории вашей предшественницы.

– Я знаю, – повторила она, и опять по выражению ее лица я не понял ровным счетом ничего.

Я с досадой откинулся на спинку стула, глядя на нее. Черт, терпеть не могу иметь дело с сидхе! Что Летние, что Зимние – все как чудовищная заноза в заднице.

– Гарри, – терпеливо произнес Хват. – Она не всегда вольна свободно говорить.

– Черта с два не вольна, – буркнул я. – Она ведь Летняя Леди.

– А Титания – Летняя Королева, – возразил Хват. – И если вы не обидитесь на меня за то, что я напоминаю о совершенно очевидных вещах, не так много времени прошло с тех пор, как вы убили дочь Титании.

– Какое это имеет отношение... – начал было я и тут же заткнулся.

Все правильно. Когда Лилия стала Летней Леди, она получила все в комплексе – и это не ограничилось изменением цвета ее волос на белый. Ей наверняка пришлось следовать сложным и запутанным ограничениям и правилам, обязательным для всех Королев фэйри. И, что еще важнее, из этого следовало, что она должна повиноваться более влиятельным Королевам Летних – Титании и Матери Лету.

– Вы хотите сказать, Титания запретила вам обоим помогать мне? – спросил я.

Лица их выглядели непроницаемыми, как у игроков в покер.

Я кивнул: до меня начало доходить.

– Вам не разрешено официально говорить за Летних. И Титания наложила на вас что-то вроде заклятия, не позволяющего помогать мне на уровне личных контактов, – предположил я. – Так ведь?

Живи у Мака хоть один сверчок, я бы наверняка услышал его. Впрочем, будь мои собеседники статуями, я увидел бы с их стороны больше реакции.

– Вам не позволено мне помогать. Вам не позволено говорить мне о наложенном на вас заклятии. – Я перемещался от одного логического узелка к другому. – Но сами вы хотели бы помочь, поэтому и пришли. Из чего следует, что, если я хочу получить от вас хоть какую-то

информацию, я должен делать это не напрямую. В противном случае заклятие заставит вас молчать. Горячо?

Чирик-чирик. Продолжайся это еще сколько-то времени, и им пришлось бы опасаться садящихся на макушку голубей.

Я нахмурился и подумал немного.

– Чисто теоретически, – сказал я наконец, – какого рода вещи могут помешать Зимним и Летним отреагировать должным образом на постороннее вторжение?

Глаза Лилии оживились, и она кивнула Хвату. Рыцарь повернулся ко мне:

– Чисто теоретически помешать этому способно очень небольшое. Самое простое – отсутствие мало-мальского уважения к силам вторгающихся чужаков. Если Королевы не считают их угрозой, нет необходимости реагировать.

– Гм, – кивнул я. – А еще?

– Гораздо более серьезной причиной могли бы стать проблемы баланса сил между Летними и Зимними. Любая реакция на вторжение может отвлечь наличные оборонительные ресурсы. Если одна из династий не согласится действовать скоординированно с другой, это предоставит ей идеальную возможность нанести внезапный удар, пока первая подставила ей спину.

Я вытер вспотевшие руки о штанину и прищурил один глаз:

– Постойте-ка, я правильно понял? Летние готовы ударить по Красным. Но Зимние не хотят помогать им в этом, зато с гораздо большим удовольствием нападут на вас, ребята, пока вы будете заняты другой угрозой.

Я считал молчание Хвата знаком согласия.

– Но это безумие, – сказал я. – Если такое произойдет, пострадают обе династии. И та и другая ослабнут. Кто бы ни оказался наверху, в выигрыше останутся Красные. Чисто теоретически, конечно.

– В дисбалансе между Зимними и Летними нет ничего нового, – заметила Лилия. – Он существовал со времени нашего с вами, Гарри, знакомства. Он продолжается и сегодня – в связи с несчастливой судьбой нынешнего Зимнего Рыцаря.

Я поморщился:

– Господи, он еще жив? Сколько лет уже... четыре года прошло?

Хват поежился:

– Я видел его раз. Совершеннейший псих, наркоман и убийца...

– И насильник, – вставила Лилия тихим, печальным голосом.

– И это тоже, – хмуро согласился Хват. – Я бы ему шею свернул и смог бы спать после этого спокойно. Но никто не заслуживает... – он поперхнулся и немного побледнел, – такого.

– Этот придурок предал Мэб, – вполголоса заметил я. – Он знал, на какой риск идет.

– Нет, – возразил Хват, поежившись еще раз. – Поверьте мне, Гарри. Он не представлял себе, что с ним случится. Такого даже он не мог вообразить.

Убежденность, звучащая в голосе Хвата, произвела на меня впечатление – особенно с учетом того, что Мэб проявляла ко мне пугающий интерес и что я все еще был ей должен пару услуг. Я неуютно поерзал на стуле и постарался об этом не думать.

– Тем не менее, – сказал я, – имеется в наличии Летний Рыцарь. И имеется Зимний Рыцарь. Какой тут дисбаланс?

– Он не в состоянии воспользоваться своей силой, – объяснил Хват. – Он узник, и всем это известно. Он не может выступить за Зимних. Поэтому в нынешнем напряжении отношений между династиями его можно не учитывать. Его все равно что нет.

– Ладно, – пробормотал я. – Мэб держит его... не знаю где, но взаперти. Она хочет предпринять наступление прежде, чем Летние сосредоточат все свои силы, и ищет способ уравнивать шансы. Если Летние начнут операцию против Красных, это даст ей шанс нанести

удар. – Я тряхнул головой. – Не буду делать вид, будто хорошо знаю Мэб, но она не самоубийца. Если неравенство сил настолько опасно, на кой черт она тогда держит Зимнего Рыцаря живым? Это во-первых, а во-вторых, она не может не понимать, какими последствиями грозит новая война между Зимой и Летом. – Я переводил взгляд с одного на другую и обратно. – Я прав?

– К сожалению, – тихо произнесла Лилия, – наша информация о внутренней политике Зимних весьма ограничена. Мэб не из тех, кто делится своими замыслами с другими. Последствие ее действия... – она зажмурилась на мгновение, словно одолевая сопротивление, – непоследовательны.

Я оперся подбородком на руку и задумался.

– Мэб можно охарактеризовать по-разному, – проворчал я. – Но черт возьми, непоследовательной ее не назовешь. Она как чертовски здоровенный ледник. Остановить ее невозможно, но, по крайней мере, всегда знаешь, как она станет действовать. Что там говорил Шекспир? Постоянна, как Полярная звезда.

Хват нахмурился, словно борясь с собой, потом устало вздохнул:

– Я думаю, многие из тех, кто знаком с сидхе, согласятся с вами.

Это нельзя было счесть ни согласием, ни опровержением – во всяком случае, с формальной точки зрения. Однако, если подумать, заклęcia сидхе отличаются известной формальностью.

Я снова откинулся на спинку стула, обдумывая несколько десятков идей и обрывков информации, чтобы сложить более или менее цельную картину. Картина выходила не из приятных. В прошлый раз, когда баланс сил между Королевами фэйри немного нарушился, это едва не привело к глобальной катастрофе, сопоставимой по масштабам со столкновением Земли с метеором среднего размера или ограниченным обменом ядерными ударами. И ведь это все учудила младшая Королева более спокойных и рассудительных Летних, предшественница Лилии, Аврора. Покойная Аврора, мысленно поправился я.

А если конфликт развяжет Мэб, дела обернутся не так плохо, как тогда.

Хуже.

Гораздо хуже.

– Мне нужно знать об этом больше, – тихо произнес я.

– Я понимаю, – кивнула Лилия. Она подняла руку к виску и закрыла глаза, морщась, словно от боли. – Но... – Она покачала головой и снова замолчала: заклятие Титании связало ей язык.

Я покосился на Хвата – тот сумел-таки выдавить:

– Простите, Гарри.

А потом тоже зажмурился, и лицо его слегка позеленело, словно ему сделалось дурно.

– Мне нужны ответы, – пробормотал я, рассуждая вслух. – Но вы не можете дать их мне. И на свете не так много людей, знающих, что происходит.

Мои собеседники молчали, на лицах их отражалась боль.

– Мне кажется, – проговорил Хват через несколько секунд, – мы сделали здесь все, что могли.

Я несколько мгновений усиленно шевелил мозгами, наконец поднял взгляд:

– Нет, не все.

Лилия открыла глаза и посмотрела на меня, выразительно изогнув тонкую серебряно-белую бровь.

– Мне нужен кто-то, владеющий верной информацией и не связанный обязательством не помогать мне. Я знаю только одного человека, удовлетворяющего этим требованиям.

Глаза Лилии потрясенно расширились.

– Вы можете сделать это? – спросил я у нее. – Прямо сейчас?

Она на мгновение задумчиво прикусила губу, потом кивнула.

– Позовите ее, – попросил я.

Хват переводил взгляд с Лилии на меня и обратно:

– Я не понимаю. Что вы задумали?

– Возможно, глупость, – хмыкнул я. – Но все слишком серьезно. Мне просто необходима информация.

Лилия закрыла глаза и сцепила руки на коленях, сосредоточившись. Я ощущал, как взвихрилась вокруг нее невидимая энергия.

В животе у меня забурчало. Я попросил Мака соорудить мне сэндвич с мясом и вернулся к столу ждать.

Все произошло быстро. Мак не успел еще поджарить стейк, когда Мыш испустил негромкий предостерегающий рык, и температура в баре опустилась градусов на десять. Вентиляторы под потолком протестующе заскрежетали и закрутились быстрее. Дверь отворилась и пропустила в зал луч солнечного света, приглушенного облачком холодного тумана. На ступенях возникла стройная темная фигура.

Хват сощурился. Руки его как бы невзначай скользнули под стол.

– А... Ее, – буркнул он.

Молодая женщина, что вошла в бар, могла бы сойти за сестру Лилии. Она обладала той же экзотической красотой, теми же странными кошачьими глазами, такой же бледной, безукоризненно гладкой кожей. Только волосы ее свисали длинными неровными прядями, как у тряпичной куклы, и каждая прядь была окрашена в свой цвет – бледно-голубой или зеленый, словно они позаимствовали окраску у разных ледников. Зрачки ее отлитых из зеленого льда глаз казались расширенными, как будто от наркотика. В одной ноздре поблескивало тонкое серебряное колечко, а на изящной шее темнел черный кожаный ошейник, украшенный серебряными снежинками. Одежду ее составляли сандалии, короткие джинсовые шорты – очень короткие и очень тугие – и белая футболка в обтяжку, на которой замысловатыми светло-голубыми буквами значилось: «ТВОЙ ПАРЕНЬ ВЫБЕРЕТ МЕНЯ».

Она дефилировала к нам через комнату, покачивая бедрами и выпятив губки. На вид она казалась слишком юной, чтобы двигаться с такой вызывающей чувственностью, но я-то знал, кто она такая – Зимняя Леди, младшая Королева Зимней династии, выученица Мэб по части вредности и могущества. Цветы, что расцвели на колоннах в присутствии Лилии, сморщились и опали, стоило ей пройти мимо. Впрочем, она обратила на них не больше внимания, чем Лилия полчаса назад.

– Гарри Дрезден, – произнесла она негромким, томно-сладким голосом.

– Привет, Мэйв, – ответил я.

Глава 20

Мэйв смерила меня долгим взглядом и облизнула губы.

– Только посмотри на себя, – промурлыкала она. – Весь скованный как черт-те что. У тебя ведь сто лет не было женщины, правда?

Не было. Правда не было. Но это не та деталь, которую позволено держать в голове следователю-профессионалу. Я мог бы сказать что-нибудь в ответ, но решил, что, если проигнорирую подначку, ей может наскучить эта игра и она оставит меня в покое. Поэтому я просто встал и галантно подвинул ей стул:

– Присядете с нами, Мэйв?

Она склонила голову набок – чуть не к самому плечу. Пронзительные зеленые глаза продолжали не отрываясь смотреть мне в лицо.

– Весь прямо бурлишь. Возможно, нам с тобой стоило бы переговорить наедине. Ты и я.

Мое либидо с энтузиазмом подхватило эту идею. Мы с моим либидо редко сходимся во взглядах. Вот черт...

– Я предпочел бы поговорить здесь, – ответил я.

– Лжец, – с улыбкой произнесла Мэйв.

Я вздохнул:

– Ладно. Я с удовольствием занялся бы много чем. Но единственное, что произойдет, – это просто славная, милая беседа. Так что на вашем месте я бы сел и позволил мне угостить вас выпивкой.

Она склонила голову в другую сторону. Бедрa ее двинулись в такт голове, и оторвать от них взгляд стоило мне некоторых усилий.

– И долго ты постился, чародей? Сколько времени прошло с тех пор, как ты удовлетворял себя?

Ответ разом понизил мне настроение.

– Со времени последней встречи со Сьюзен, наверное.

Мэйв сказала презрительно:

– Я не про любовь, чародей. Я про желание. Плоть.

– Одно не исключает другого, – возразил я.

Она брезгливо отмахнулась:

– Я хочу ответ.

– Сдается мне, на свете немало такого, чего вы хотели, но не получили, – буркнул я и оглянулся на Лилию с Хватом в поисках поддержки.

Хват пожал плечами, словно извиняясь, а Лилия вздохнула:

– Вы могли бы побаловать ее, Гарри. Она упряма, как каждый из нас, к тому же она единственная может ответить на интересующие вас вопросы и понимает это.

Я перевел взгляд обратно на Мэйв, на лице которой продолжала играть все та же до безумия чувственная улыбка.

– Скажи мне, смертный, когда рядом с тобой лежала новая, незнакомая плоть, когда ты касался ее рукой, а? – Она пригнулась так, что глаза ее оказались в нескольких дюймах от моих. Дыхание ее пахло зимней мятой и еще чем-то волнительным и испорченным, вроде гнилых цветов. – Когда ты в последний раз слышал полные страсти вскрики?

Я посмотрел на нее совершенно невозмутимо.

– Чисто технически? – мягко спросил я. – Когда убил Аврору.

На лице Мэйв мелькнуло нечто вроде неуверенности.

– Вы ведь помните Аврору? – тихо продолжал я. – Прошлую Летнюю Леди. Вашу сверстницу. Равную вам. Она умерла от нескольких дюжин порезов холодным железом. Она истекала кровью. И все же не прекращала попыток вонзить нож в Лилию. Поэтому я схватил ее и удерживал. Она продолжала биться до тех пор, пока не потеряла слишком много крови. А потом она умерла в траве на холме Каменного Стола.

Воцарилась мертвая тишина.

– Меня это удивило, – сказал я, стараясь говорить бесстрастно. – То, как быстро это произошло. Ее это тоже удивило. Она умерла потрясенной.

Мэйв молча смотрела на меня.

– Я не хотел убивать ее. Но она не оставила мне выбора. – Я помолчал секунду или две, а потом посмотрел Мэйв в глаза.

Зимняя Леди сглотнула и отодвинулась от меня на пару дюймов.

Я снова приглашающе указал рукой на свободный стул:

– Будем взаимно вежливы, Мэйв. Прошу вас.

Она медленно вздохнула, не сводя с меня взгляда своих огромных нечеловеческих глаз.

– Теперь я понимаю, – произнесла она, – почему Мэб так хочет тебя. – Она выпрямилась и удостоила меня странным, легким кивком – такой выглядел бы уместнее, будь она одета в платье. – Скажите, – произнесла она, садясь, – найдутся ли у бармена еще эти замечательные лимонадные кубики?

– Конечно, – заверил я. – Мак, будь так добр, еще лимонада для Леди.

Мак выполнил просьбу, по обыкновению, молча. Пока он готовил лимонад, зал покинули последние остававшиеся посетители. Большинство членов магического сообщества Чикаго хорошо знало обеих Леди – если не лично, то по репутации, – и никто не хотел оказаться рядом на случай инцидента между Зимой и Летом. Чем дальше, тем безопаснее.

Черт, будь на то моя воля, я бы унес ноги первым. Своей победой над Авророй я в изрядной степени был обязан чистому везению. Я застал ее врасплох. Если бы она обратила на меня больше внимания, вместо того чтобы целиком сосредоточиться на исполнении своего замысла, я вряд ли пережил бы тот вечер. Возможно, я и переиграл Мэйв в гляделки, но по большому счету я, конечно, блефовал – пытался убедить приближающуюся акулу в том, что я сам в состоянии ее проглотить. В случае если бы акула все-таки попробовала откусить от меня кусочек, все могло бы обернуться для меня очень и очень скверно.

Хорошо хоть акула этого еще не поняла.

Мэйв дождалась своего лимонада, лениво обхватила губами соломинку и сделала глоток. Затем откинулась на спинку стула и принялась жевать. Послышался хруст. Попад в ее рот, лимонад замерз.

Я тихо порадовался тому, как ловко улизнул от темы сексуальных соблазнов.

Продолжая жевать, Мэйв внимательно посмотрела на Лилию, потом повернулась ко мне:

– Знаешь, мой прошлый Рыцарь частенько притаскивал вот эту к нам для представлений. Самых разных представлений. Некоторых – очень болезненных. Некоторых – не очень. Хотя она и на этих кричала очень даже симпатично. – Она мило улыбнулась, словно вела задушевную беседу. – Помнишь, как он заставил тебя танцевать передо мной в красных башмачках, а, Лилия?

Взгляд Лилии оставался спокойным и мирным, как лесное озерцо.

Улыбка Мэйв сделалась резче.

– Помнишь, что я сделала с тобой после этого?

Лилия устало улыбнулась и покачала головой:

– Мне очень жаль, Мэйв. Я понимаю, сколько удовольствия ты получаешь, глумясь над другими, но меня теперь этим не уколоть. Той Лилии больше нет.

Мэйв сощурила кошачьи глаза и повернулась к Хвату:

– И этот... Этого коротышку я видела плачущим, как дитя. Молящим о пощаде.

Хват отхлебнул лимонада.

– Ради всего святого, Мэйв, – сказал он. – Ты можешь хоть немного не изображать из себя принцессу зла? Это очень быстро приедается.

Зимняя Леди раздосадованно поморщилась, поставила стакан на стол и угрюмо сложила руки на груди.

– Очень хорошо, – капризно проговорила она. – И что ты хотел узнать, чародей?

– Я хочу знать, почему Мэб не нанесла ответного удара Красной Коллегии после того, как те нарушили границы сидхе во время прошлогодней битвы.

Мэйв выразительно изогнула бровь:

– Это знание, а знание – сила. Что ты готов предложить взамен?

– Забыть кое-что, – ответил я.

Мэйв склонила голову набок:

– Не помню ничего такого, о чем мне не хотелось бы вспоминать.

– Но полагаю, есть нечто, Мэйв, насчет чего вам хотелось бы, чтобы это забыл я.

– Правда?

Я оскалил зубы в улыбке:

– Я могу забыть, например, что вы устроили на свадьбе Билли и Джорджии.

– Пардон, – усмехнулась Мэйв. – Не помню, чтобы я там присутствовала.

Она все прекрасно знала. И знала, что я это понимаю. Ее попытки изобразить непричастность бесили меня.

– Вас там не было, – согласился я. – Но ваша приспешница была. Дженни Гринтис.

Мэйв приоткрыла рот, изображая удивление.

– Я видел ее насквозь. Вам разве неизвестно, кто ее укоротил? – поинтересовался я, в свою очередь соорудив преувеличенно невинное лицо. – Вам не кажется, что это жестоко – даже для вас? Пытаться помешать их браку?

– Твои волчата напакостили мне, – отозвалась Мэйв. – Они убили любимую наемницу Зимней династии.

– Убивая Тигрицу, они исполняли свой долг перед Дрезденом, – негромко заметила Лилия. – Равно как и Маленький Народец, которого он использовал против Авроры. Они действовали по его воле, под его ответственность, Мэйв. Тебе известны наши законы.

Мэйв бросила на Лилию недобрый взгляд, который мог бы показаться почти человеческим.

– За то, что случилось в ту ночь, несу ответственность я. – Я положил руки на стол и, чуть придвинувшись к Мэйв, произнес тихо и настойчиво: – Я защищаю то, что считаю своим. Вы могли бы уже это усвоить. У меня есть весомые причины искать ссоры с вами.

Мэйв снова переместила взгляд на меня, и лицо ее сделалось отрешенным, нечеловеческим.

– Что ты предлагаешь?

– Я готов оставить все как есть, списать все долги – в обмен на честный ответ на мой вопрос. – Я откинулся на спинку стула и посмотрел на нее в упор. – Почему Зимние не выступили против Красной Коллегии?

Мэйв с хитринкой покосилась на меня и кивнула.

– Мэб не позволила, – сказала она.

Лилия с Хватом удивленно переглянулись.

– Истинно так, – подтвердила Мэйв, откровенно наслаждаясь их реакцией. – Королева изготовила свои войска для удара по Летним, а потому отдала военачальникам приказ, запрещающий вести какие-либо действия против Красной Коллегии.

– Но это безумие, – тихо сказала Лилия.

Мэйв сложила руки на столе перед собой, нахмурилась чему-то невидимому для нас и кивнула:

– Возможно, это и так. Что-то темное бурлит в сердце у Зимы. Такое, чего я прежде не видела. Опасное. Я верю, что это предзнаменование.

Я чуть склонил голову, глядя на нее:

– Как так?

– То, что предприняла Аврора, – действительно безумие. Даже для сидхе, – ответила Мэйв. – Ее действия могли вывести из равновесия такие силы, что это погубило бы всех.

– Она хотела как лучше, – заявил Хват, делая робкую попытку объяснить действия бывшей Летней Леди.

– Возможно, – сказал я как можно мягче. – Но благие намерения мало что значат, если последствием может стать вселенская катастрофа.

Мэйв покачала головой:

– Благие намерения... Добро... Зло... Вечно вас, смертных, волнует подобная ерунда. – Она резко поднялась, ее мысли явно витали где-то далеко.

Что-то в ее поведении подсказало мне, что она встревожена. Глубоко, по-настоящему встревожена. Маленькая мисс Сверхбогиня была напугана.

– Все эти понятия смертных, – продолжала она. – Добро, зло, любовь. Все, о чем ваше племя только и треплется. Может быть, они заражны?

Я вежливо привстал:

– Некоторые считают и так.

Она поморщилась:

– Со времени смерти Авроры мне часто кажется, что она заразилась каким-то людским безумием. И я верю, что Королева Воздуха и Тьмы поражена той же заразой. – Она вдруг поежилась, и голос ее сделался резче. – Я ответила тебе истинную правду и полнее, чем стоило. Это удовлетворяет тебя в качестве платы, смертный?

– Угу, – кивнул я. – Вполне сойдет.

– Тогда я удаляюсь. – Она повернулась и сделала шаг.

Внезапный порыв морозного ветра сбросил почти нетронутый стакан лимонада на пол. Жидкость растеклась и тут же застыла ледяной лужицей. Мэйв исчезла.

Мы с минуту сидели молча.

– Она лгала, – сказал Хват.

– Она не может лгать, – произнесли мы с Лилией одновременно.

Лилия сделала жест рукой, предлагая продолжать мне, и я повернулся к Хвату:

– Она не может говорить прямой лжи, Хват. Никто из сидхе не может. Вы ведь и сами знаете.

Он нахмурился и досадливо отмахнулся рукой:

– Но... Мэб? Безумна?

– Это объясняет наши тревоги, – вполголоса заметила Лилия.

Хват немного побледнел, чтобы не сказать – позеленел.

– Я любил ее как сестру, и все же безумие Авроры уже было достаточно скверно. Но если Мэб вознамерилась отправить мир в тартарары... Я даже представить не могу, что она может натворить.

– А я могу, – тихо произнес я. – Я бы посоветовал вам сообщить об этом разговоре Титании, Леди. Расценивайте это как официальное заявление от Совета. И пожалуйста, передайте ей, что Совет, разумеется, заинтересован в сохранении равновесия в стране фэйри. Нам всем на пользу сотрудничество с целью узнать об этом как можно больше.

Лилия кивнула:

– Разумеется, я так и сделаю. – Она зябко передернула плечами и на мгновение зажмурилась. – Мне очень жаль, Гарри, но сковывающие меня узы... Я и так опасно напрягла их.

Хват решительно кивнул, встал из-за стола и подал руку Лилии:

– Жаль, что не смогли помочь вам больше.

– Не переживайте. – Я тоже вежливо поднялся со стула. – Вы сделали то, что могли. Я очень благодарен вам.

Лилия натянуто улыбнулась. Они с Хватом ушли быстро, не сказав больше ни слова. Дверь оставалась закрытой, но мгновение спустя оба исчезли. Мыш сидел у стола, поводя мордой из стороны в сторону и наострив уши в попытке понять, что же случилось.

Я сел за стол и без особого удовольствия отпил лимонада. Новые неприятности в стране фэйри. Большие неприятности. И я мог бы поспорить, что абсолютно точно знаю, от какого безмозглого сукина сына Совет будет ожидать действий на этот счет.

Я отставил стакан. Лимонад вдруг показался мне ужасно кислым.

Подошел Мак. Он забрал лимонад, а на его место поставил пиво. Я сшиб крышку ногтем и осушил бутылку одним долгим глотком. Пиво было теплым и слишком насыщенным

по вкусу, но даже небольшой имевшийся в нем градус показался мне достаточно приятным, чтобы захотелось еще.

Мак поставил мне на стол вторую бутылку.

Иногда Мак просто настоящий ангел.

– Они изменились, – сказал я ему. – Хват и Лилия. Похоже, они уже совсем не те люди.

Мак хмыкнул:

– Они выросли.

– Может, и так.

Я замолчал, размышляя, и Мак отошел, оставив меня в покое.

Принесенную бутылку пива я осушил уже медленнее; впрочем, не слишком растягивая. Потому что не мог терять время попусту. Благодарно кивнув Маку, я оставил деньги на столе, взялся за поводок Мыша, и мы направились к двери.

У меня хватало более срочных дел. Вероятные угрозы из Небывальщины могли и подождать немного, а вот монстры, до появления которых оставались считанные часы, – вряд ли. По крайней мере, эта встреча обошлась без того, чтобы кто-то пытался убить меня или объявить войну Совету. Я мило побеседовал с Летней Леди и Зимней Леди и ушел без единой царапины.

Пока я шагал к двери, в голове у меня вертелась одна глупая мысль.

Может, я просто не чувствую зубов у себя на шее?

Глава 21

Я отправился на «СПЛЕТТЕРКОН» вскоре после полудня. На этот раз я вооружился до зубов: за спиной висел рюкзак, полный всяких чародейских штучек, в руке – посох, за поясом – жезл, а еще собака, пистолет и масса всего. У меня нет разрешения на ношение револьвера сорок четвертого калибра, но я доверился теории, что лучше иметь при себе револьвер, который не понадобится, чем не иметь его в условиях острой необходимости.

Добравшись до «СПЛЕТТЕРКОНА», я слегка пожалел о том, что захватил эту чертову пушку, – на месте действия наблюдалось весьма активное присутствие полиции.

У входа в гостиницу стояли две патрульные машины; у двери дежурил, истекая потом, несчастный коп в форме. Расплачиваясь с таксистом, я заметил как минимум двух типов в штатском, проявлявших слишком пристальный интерес ко всем входящим и выходящим из гостиницы, чтобы сойти за случайных прохожих, задержавшихся отдохнуть в тени у входа. Я поспешно пристегнул на воротник свой сплеттерконовский бейджик.

Плавленный коп у дверей ощупал меня взглядом, и я попробовал увидеть себя его глазами: высокий тип, худощавый, волосы всклокочены, глаза темные, собака здоровенная, какие-то палки, рюкзак, одна рука в кожаной перчатке... именно бейджик конвента ужастиков. По понятиям копа, именно пропуск явно давал право выглядеть дико, не представляя при этом угрозы, поскольку, едва заметив бейдж, он коротко кивнул мне и махнул рукой, пропуская внутрь.

Внутри жизнь не просто кипела: ко всем прочим развлечениям добавилась еще и пресс-конференция. У входа в зал, где накануне произошло нападение, столпились полукругом репортеры и фотографы, а всякие ассистенты держали вспышки и даже пару длинных микрофонов, похожих на палицы. Прямо у входа я разглядел еще троих полицейских в форме. Впрочем, народа в этой части гостиницы хватало и без репортеров и полиции. Кондиционеры явно не справлялись с нагрузкой, внутри царила духота и пахло так, как и положено пахнуть в битком набитом помещении.

Мыш чихнул, подняв на меня скорбный взгляд. Я с ним полностью согласился.

Мёрфи, вынырнув из толпы, направилась ко мне. Она хмуро кивнула и опустила на колени полюбезничать с Мышем и почесать его за ушами.

– Как твоя встреча? – спросила она.

– Пока жив. Но на горизонте сгущаются тучи. – Я еще раз огляделся по сторонам и покачал головой. – Ну и зоопарк.

– Все еще круче, – вздохнула Мёрфи. – Я тут поговорила с организаторами, и они обрадовали меня: поскольку вся эта история попала в утренние выпуски новостей, число участников почти удвоилось.

– Дерьмовая новость, – заметил я.

– Это еще не все. Грин вызвал фэбээровцев.

Я нахмурился:

– В прошлый раз, когда мы имели дело с федералами, удовольствие вышло, скажем так, ниже среднего.

– И не говори. – Мёрфи помолчала, колеблясь, потом решила: – Рич здесь, с ними.

Я прищурился на мгновение и вспомнил:

– Да, точно. Твой бывший.

– Бывший муж, – с кислым видом подтвердила Мёрфи. Она держалась неестественно прямо, глаза метали молнии. – А теперь, соответственно, шурин.

– Вот запахло, – посочувствовал я.

– Я совершенно не в восторге от его присутствия, – согласилась Мёрфи. – Но меня не спросили. И возможно, мне предстоит еще всякие объяснения.

Я фыркнул.

Она ответила едва заметной улыбкой:

– Все это дело настолько громкое, что с Восточного побережья направляется целая бригада маститых криминалистов.

Я нахмурился:

– Может, им стоило в трубу подудеть. Или вообще марширующий оркестр сюда пригласить. Думаю, если они поспешат, то, вероятно, успеют до ночи арендовать и притащить сюда прожекторную установку.

Мёрфи закатила глаза:

– Я поняла, поняла. Тебе, Гарри, не нравится вся эта шумиха.

– Мне не нравятся все эти потенциальные жертвы, – уточнил я. – Ставлю пятьдесят зеленых за то, что большинство новых посетителей – подростки.

– Считай, что выиграл, – отозвалась она. – А это имеет какое-то значение?

– Возможно. Как правило, молодые люди, в особенности подростки, более эмоционально восприимчивы. Тут все дело в гормонах. В общем, как жертвы они доступнее. И как источник энергии эффективнее.

– Тогда почему первым напали на старого хрыча Пелла?

Я открыл рот, спохватился – и закрыл.

– Интересная мысль.

– И потом, – продолжала она, – разве не хорошо, что за этим следит больше людей? Судя по тому, что ты мне говорил, твари с той стороны не любят толп.

– Как правило, так, – кивнул я. – Только вчера это место вовсе не выглядело вымершим, когда показался фобофаг.

– Ты считаешь, он появится прямо перед всеми этими людьми? – спросила она.

– Мне кажется, толпой его не отпугнуть. Я думаю, если случится что-нибудь плохое, то чем больше народа окажется рядом, тем больше страха он наведет и тем больше пищи получит. И еще, чем больше людей ударится в панику, тем больше их, соответственно, пострадает.

Светло-золотые брови Мёрфи сдвинулись к переносице.

– Что ты в этой связи предлагаешь?

– Гарантий никаких, но мне кажется, нам придется ждать наступления темноты.

– Почему?

– Потому что после наступления темноты эта тварь сильнее.

Мёрфи нахмурилась:

– Думаешь, Пелл поэтому пережил нападение? Ведь было еще светло.

– Схватываешь на лету, – хмыкнул я. – Но если исходить из этого, у нас еще есть немного времени для работы.

– Что нужно сделать?

– Расставить кое-какие обереги, – ответил я.

– Как у тебя дома?

Я покачал головой:

– Не такие сложные. Времени нет. Я не могу окружить это место рвом с водой, но, пожалуй, могу сплести кое-какую сеть, которая даст нам знать, где и когда сюда заявится кто-то из Небывальщины. Только мне для этого придется обойти большую часть здания.

Она кивнула.

– Правда, это вряд ли решит проблему наличия толпы. – Я поморщился. – У тебя нет знакомых в пожарной охране?

– Кузен, – ответила она. – А что?

– Здесь посетителей наверняка больше нормы. Может, если пожарные инспекторы узнают об этом столпотворении, они хотя бы часть народа отсюда выгонят. Нам нужна толпа – но не больше той, которая соблазнила бы убийцу.

Она кивнула:

– Займусь этим.

– И вот еще что. Понимаю, что это маловероятно, но полицейские ищейки ничего не нарыли? Или медэксперты?

– Вскрытие ничего не дало. Они не доверили его Баттерсу. Проводил Бриош, и он не нашел ничего особенного.

– Естественно, – вздохнул я. – А что Грин?

– Строит теории. Но намекнул, что нападение могло быть подстроено с целью привлечь к конвенту больше внимания.

– Немного цинично, – заметил я.

– Грин не верит в чудеса, – сказала Мёрфи. – Он серьезный, опытный следователь и во всем ищет основательную подоплеку. Если он допустит, что убийство совершил какой-то псих, это не даст ему практически никакой зацепки. Поэтому он цепляется за соломинки и надеется найти хоть что-нибудь знакомое, чтобы с помощью этого быстренько прищучить убийцу.

Я хмыкнул:

– Кажется, понимаю.

– Ему не позавидуешь, – кивнула Мёрфи. – Не могу сказать, чтобы он мне особенно нравился, но он коп, и он в сложном положении. Скорее всего, здесь он ничегошеньки не в состоянии поделать. И сам он еще этого не понял.

Она сделала легкое ударение на последней фразе – там содержалось нечто, болезненное для нее самой.

Мёрфи приходилось оказываться в ситуациях, подобных той, в какой оказался Грин, когда происходило что-то дикое, лишенное видимой логики. В первый раз она столкнулась со сверхъестественным, когда работала простой патрульной. Позже, когда ее произвели в детективы, это сослужило ей хорошую службу, потому что она уже понимала, как мало знает. У Грина не имелось и этого. Мне даже вспоминать больно, как она мучилась тогда от бессилия.

– А ты? – спросил я. – Ты ничего не заметила, заслуживающего упоминания?

– Пока нет. Хотя кто-нибудь здесь наверняка знает что-нибудь полезное, даже если сам еще этого не осознает. – Она вдруг склонила голову набок и посмотрела на меня. – Постой. Ты что, меня спрашиваешь?

Я пожал плечами:

– Мёрф, ты ведь навидалась столько такого, чем не всякий чародей может похвастаться. Я думаю, ты способнее, чем сама полагаешь.

Она посмотрела на меня еще более внимательно:

– Что ты хочешь этим сказать?

Я снова пожал плечами:

– Хочу сказать, ты уже попадала в такие передрыги. Ты знаешь, на что это похоже – когда вокруг шныряет что-то такое, странное. Это ощущение более или менее одинаково. Ты узнаешь его, когда почувствуешь.

– Чего? Я, получается, теперь все равно что чародей?

Я ухмыльнулся:

– Ты просто смекалистая штучка, Мёрф.

– Штучка? – угрожающе переспросила она.

– Пардон, – поправился я. – Полицейская штучка.

– Вот так-то лучше, – сказала она.

– Просто не игнорируй свои инстинкты, – посоветовал я. – Они тебе не зря даны.

Последних слов Мёрфи, правда, не расслышала, потому что резко повернула голову в сторону и, слегка прищурившись, устремила взгляд своих голубых глаз на мужчину, который покинул зал и плавно зашагал по коридору.

И тут Мыш негромко зарычал.

– Кто это? – тихо спросил я у Мёрфи.

– Дарби Крейн, – так же вполголоса отозвалась она.

– А-а, – кивнул я. – Режиссер ужастиков.

Мыш снова зарычал. Мёрфи и мой пес, не сговариваясь, двинулись следом за Крейном.

К чему противиться неминуемому? Я тронулся с места прежде, чем Мыш выдернул мне руки из плечевых суставов.

– Слушай, не побеседовать ли нам с ним?

– Думаешь, стоит? – спросила Мёрфи.

– Говори ты. Я поддержу, если что.

Она кивнула, не оглядываясь.

– Будьте добры. – Не сбавляя шага, она врезалась в компанию фанатов. – Разрешите пройти.

Мы пытались прорваться сквозь толпу, но это было все равно что бежать по груди в воде. Чем быстрее ты пытаешься двигаться, тем сильнее сопротивление. Крейн, мужчина среднего роста, в брюках в обтяжку и темном блейзере, скользил в толпе с ловкостью угря. Мёрфи шла передо мной, пробивая дорогу; я же использовал преимущества своего роста, чтобы не потерять Крейна из виду.

Все же он здорово опередил нас, первым подойдя к лифтам. Когда мы вырвались на относительно свободное пространство, двери лифта уже раздвинулись. Мёрфи поспешила вперед, коротко оглянувшись на меня через плечо и сделала выразительное движение подбородком в сторону лифта.

Я расплылся в ухмылке. Случается, я просто бешусь от того, что современная техника отказывается работать в присутствии чародеев. Но бывает, что эти же проблемы могут и позабавить.

Я приложил совсем небольшое усилие, сконцентрировал мысли на лифтах и прошептал:

– Nexus.

Волна незримой энергии прокатилась по коридору, и стоило ей достичь лифтов, как из-под панели с кнопкой вызова посыпались искры, а чуть позже выплыло облачко дыма. Двери начали закрываться, но тренькнул сигнал, и они снова раздвинулись. Это повторилось еще дважды, а потом Мёрфи догнала Дарби Крейна.

Я замедлил шаг, придержал Мыша и остановился в нескольких футах от них, притворяясь, будто читаю вывешенное на доске расписание конвента.

Крейн казался на редкость симпатичным: стройный, с резкими скулами, да и поведением своим напоминал скорее актера, чем кого-то из тех, кто находится по ту сторону камеры. Коротко, аккуратно стриженные темные волосы, глубоко посаженные темные глаза, поза, демонстрирующая расслабленность и отсутствие агрессивности...

То, что все это тщательно просчитанная ложь, я понял практически с первого взгляда. За его невозмутимыми, почти благодетельными чертами скрывалась жестокость, а в скромной позе – презрение. Когда Мёрфи приблизилась к нему, он вышел из лифта и нахмурился, увидев дым. Взгляд его метнулся к ней, потом – почти сразу же – скользнул по коридору. Поблизости, у выхода из ближнего зала, стояли еще несколько человек.

Он покосился на них и снова повернулся к Мёрфи, скривив губы в легкой вежливой улыбке.

– На технику в последнее время полагаться совсем нельзя, – заметил он, скользнув взглядом и по мне – должно быть, как по детали интерьера. Голос у него оказался неожиданно глухой, звучный. – Вам помочь в чем-нибудь, капитан?

– Лейтенант, – спокойно поправила она. – Меня зовут Кэррин Мёрфи. Я работаю в...

– В отделе специальных расследований, – договорил Крейн. – Я знаю.

В голове у меня затрезвонил тревожный набат. Сомневаюсь, чтобы Крейн заметил это, но Мёрфи чуть изменила позу, словно готовясь к бою.

– Разве мы знакомы, мистер Крейн?

– В некотором роде. Я видел старую видеозапись, на которой вы стреляете в какого-то психа и животное. Весьма впечатляюще, лейтенант. Вы никогда не подумывали о том, чтобы сняться в кино?

Она покачала головой:

– Мне говорили, это вредно для здоровья. У меня и без того хватает проблем. Вы не уделите мне несколько минут, мистер Крейн?

Он улыбнулся ей; не сомневаюсь, сам он считал эту улыбку мальчишеской и обаятельной. Вот хорек...

– Полагаю, это зависит от того, как вы намерены их использовать.

Мёрфи внимательно всмотрелась в его лицо:

– У меня есть несколько вопросов касательно вчерашнего инцидента, и я надеюсь, что вы сможете помочь мне с ними.

– Совершенно не представляю, чем могу помочь вам, – отозвался Крейн.

Он покосился на замершие в полуоткрытом состоянии лифтовые двери и вздохнул. Достал из кармана маленький черный мобильник; не глядя, нажал кнопку и приложил его к уху. Потом опустил его и нахмурился.

Ага! Получи-ка, хорек вонючий.

– Я вас надолго не задержу, – заверила Мёрфи. – Вы ведь сами наверняка понимаете, насколько важна для нас тщательность в проведении расследования. Нам бы ужасно не хотелось, чтобы пострадал кто-нибудь еще.

– Уверен, мне не известно ничего такого, что имело бы для вас ценность, лейтенант. – В голосе Крейна слышались нотки нетерпения. – Я находился в этом здании сегодня ночью во время отключения электричества, но не выходил из своего номера, тем более не спускался до утра.

– Ясно. Вас кто-нибудь видел в это время?

Крейн негромко усмехнулся:

– Я что, подозреваемый, раз мне требуется алиби?

– Как почетный гость-знаменитость вы можете привлечь к себе нездоровый интерес тех, кто ответствен за это нападение, – пояснила Мёрфи, откликнувшись на его деланный смех своей обычной вежливой профессиональной улыбкой. – Разумеется, я не выдвигаю никаких обвинений – всего лишь беспокоюсь за вашу безопасность.

Кто-то резко отворил дверь с лестничной клетки, и в коридор выскочил невысокий человек в дорогом сером костюме. Лицо у него было какое-то странное, жабье – словно рот ему приделали чужой, размера на три больше. Зато шевелюра – черная, аккуратно подстриженная под горшок. Выпуклым водянистым глазам, похоже, не хватало больших очков.

– А-а, мистер Крейн, – произнес он. Голос у него оказался гнусавый. – Я принял ваш звонок, но не успел ответить, как вы отключились.

Крейн снова достал свой мобильник и небрежно бросил его незнакомцу:

– Похоже, у него вдруг аккумулятор сел, Люций. И лифт испортился.

Коротышка поймал телефон и хмуро, неодобрительно посмотрел сначала на него, потом на Мёрфи.

– Ясно.

– Лейтенант Мёрфи, позвольте представить вам Люция Глау, моего личного советника и юриста.

Мыш напрягся, когда Глау повернулся к Мёрфи и уже внимательно посмотрел на нее своими лягушачьими глазами. Что-то его заметно насторожило, потому что коротышка-юрист издал неопределенный звук.

– Мой клиент арестован? – спросил он.

– Нет, – ответила Мёрфи. – Разумеется, нет, но...

– Тогда я вынужден настаивать на том, чтобы этот разговор был прекращен, и немедленно, – заявил ей Глау.

Для своего роста держался он чертовски уверенно. Он встал рядом с Крейном, как бы заслоняя его от Мёрфи. Она опустила руки, чуть разведя их в стороны, и я увидел, как скользнул ее взгляд вниз, на пол, и обратно, оценивая дистанцию. Напряжение возросло еще на пару градусов.

– Мы просто беседовали, – заверила Мёрфи Глау. Я уже видел такое выражение ее лица, и не раз, – как правило, после этого она выхватывала пистолет. – Самым милым и дружелюбным образом.

– Как я уже сообщил и ФБР, и ведущему это дело полицейскому детективу, мой клиент находился в своем номере всю ночь, так что не является свидетелем того, что произошло. Более того, он узнал об этом, только спустившись утром к завтраку. – Голос Глау звучал профессионально ровно; взгляд выпученных лягушачьих глаз оставался совершенно непроницаемым. У меня возникло впечатление, что с этим выражением лица он делает абсолютно все: и поедает мороженое, и топит щенков. – Дальнейшие контакты могут быть расценены как покушение на права личности.

– Люций, Люций, – вмешался Крейн, выставив руку между ними. – Право же, вы слишком резко реагируете на сущую ерунду. – Он ослепительно улыбнулся Мёрфи, и голос его сделался еще бархатнее: – Прошу нас извинить. Люций работает на меня довольно давно, и ему приходилось иметь дело с нежелательными людьми, пытавшимися занимать мое время. Уверяю вас, я ни в коем случае не расцениваю внимание такой потрясающей женщины как покушение на мои права.

На мгновение взгляд Мёрфи оторвался от Глау, и она изогнула свою золотую бровь:

– Правда?

– Честно, – ответил Крейн – прямо-таки образчик современной галантности. – Люций, несомненно, переживает за мой напряженный график на сегодня, да и мне не хотелось бы опаздывать к началу выступления и разочаровывать поклонников, пришедших на встречу со мной.

Говоря, он покосился на жабеныша. Жабеныш чуть отступил от Мёрфи. Крейн кивнул ему и снова повернулся к ней:

– Но может быть, вы не будете против, если я угощу вас позже – сегодня вечером, например? В знак извинения?

Мёрфи колебалась, что ей обычно несвойственно.

– Не знаю... – пробормотала она.

Продолжая улыбаться, он протянул ей руку:

– Если у вас еще будут ко мне вопросы, я с удовольствием отвечу на них вечером. Прошу вас, нет, я просто настаиваю – в подтверждение моей искренности. Мне бы ужасно не хотелось, чтобы у вас сложилось обо мне превратное мнение.

Мёрфи чуть настороженно посмотрела на него и подняла руку.

Не знаю, как мне удалось одолеть разделяющее нас расстояние с такой скоростью, но я положил руку ей на плечо и слегка сжал его прежде, чем она успела коснуться собеседника. Она замерла, почувствовав предупреждение в моем жесте, и отдернула руку.

Крейн сощурился, глядя на меня; рука его так и оставалась протянутой к Мёрфи.

– А это кто?

– Гарри Дрезден, – представился я.

Крейн застыл. Не так, как застывают люди – моргая, чуть покачиваясь, регулируя равновесие. Он застыл, будто труп или пластиковый манекен, и не произнес ни слова.

Как искушенный, опытный следователь, я сделал из этого вывод, что имя мое ему знакомо.

Жабеныш громко сглотнул, и взгляд его выпученных глаз метнулся ко мне. Мне показалось, он разом сделался на пару дюймов ниже – а может, сгорбилс немного.

Он тоже меня узнал. Черт, вот она, слава!

Мыш снова зарычал – тихо-тихо, едва слышно.

Взгляд жабеныша метнулся к собаке, и глаза его расширились. Он оглянулся на Крейна.

Мгновение-другое никто не трогался с места. Крейн и Мёрфи продолжали улыбаться своими профессиональными улыбками. Жабеныш оставался похожим на жабу. Я изображал скучающий вид. Но сердце мое забилося сильнее, потому что инстинкты подсказывали: до открытого насилия рукой подать.

– Тут полно свидетелей, Дрезден, – произнес Крейн. – Вы не можете броситься на меня. Это увидят.

Я склонил голову набок и задумчиво поджал губы:

– Вы правы. А вы знаменитость. Это классная возможность для рекламы. Я не появлялся на телевидении со времени того шоу у Ларри Фаулера.

Выражение его лица изменилось, улыбка сделалась холодной, жесткой.

– Вам не положено открывать себя миру.

Я ухмыльнулся ему в лицо:

– Как вернетесь к себе в номер, возьмите «Желтые страницы» и почитайте. Я там есть. В разделе «Чародеи».

Жабеныш снова сглотнул.

– Вы с ума сошли, – сказал Крейн.

– Чародеи – они такие, сумасшедшие, – согласился я. – А имя Дарби вам как-то не очень идет.

Крейн чуть вздернул подбородок, и во взгляде его мелькнуло вдруг что-то похожее на одобрение. Не знаю почему.

Черт, терпеть не могу, когда кому-то больше моего известно о том, какую глубокую яму я сам себе вырыл.

– Правда? А кому оно идет?

– Должен признаться, единственный Дарби, которого я видел до сих пор, был в том фильме про гномов с Шоном Коннери, – сказал я. – Назовем это интуицией.

Он поджал губы и промолчал. С минуту мы наслаждались очередной безмолвной паузой. Напряжение продолжало возрастать.

Тишину нарушила Мёрфи.

– Часов, скажем, в десять сойдет, Дарби? – невозмутимо осведомилась она. – В здешнем буфете. Нам не хотелось бы нарушать ваш столь плотный график.

Он посмотрел на Мёрфи, на меня, снова на нее – и опустил руку. Потом чуть кивнул ей, повернулся и удалился в толпу.

Жабеныш смотрел на нас еще три секунды, а затем поспешил за своим боссом, время от времени оглядываясь через плечо.

Я медленно выдохнул и прислонился к стене. Забавная это штука – адреналиновая буря без разрядки. Мышцы ног сжимались и разжимались сами собой, свет в коридоре вдруг показался мне слишком ярким. Ушибленная голова заболела чуть сильнее.

Мёрфи продолжала стоять не шевелясь, но я слышал, как она успокаивает дыхание. Мышсел и напустил на себя скучающий вид; впрочем, уши его оставались настороженными, повернутыми в ту сторону, куда удалились режиссер и его юрист.

– Ну, – произнесла Мёрфи вполголоса, выждав еще секунду. – Что все это означало?

– Мы чуть не подрались, – сказал я.

– Это я заметила, – терпеливо проговорила Мёрфи. – Но почему?

– С ним что-то не так, – буркнул я.

Нахмурившись, она оглянулась на меня через плечо:

– Что?

– Я же тебе сказал. Что-то очень не так. – Я тряхнул головой. – Больше сам пока не знаю.

Она озадаченно моргнула:

– Что ты имеешь в виду?

– Трудно объяснить. Что-то в нем насторожило меня. Когда он протянул тебе руку, это показалось мне... опасным.

Мёрфи покачала головой:

– Я решила, он хочет хотя бы руку потискать. Немного оскорбительно, но опасного тут ничего нет.

– В данном случае, возможно, было опасно, – не сдавался я.

– Ты уверен, что он по твоей части? – спросила она.

– Угу. Он меня узнал. И начал выдвигать стандартные для старого мира аргументы против прилюдной конфронтации. Да и Мышу он не понравился. Как и его юрист.

– Вампир? – поинтересовалась она.

– Не исключено. – Я пожевал губу. – Но это может быть кто угодно. Черт, да он, возможно, просто человек. Мы слишком мало знаем, чтобы делать выводы.

– Думаешь, он замешан в этих нападениях?

– Хотелось бы верить, – ответил я. – Если бы решал я, он явно претендовал бы на роль поганца. Все отметины налицо.

– Если это он, то мне он не по зубам, – вздохнула она. – У него ушлый адвокат, и он уже переговорил с Грином и с Ричем. Любое мое давление реально будет расценено как нарушение прав. Грин не станет действовать на основании одних моих подозрений.

– Что ж, – сказал я. – Нам повезло, что я не Грин.

Глава 22

Мы с Мёрфи отправились в обход по гостинице. Я открыл непечатую упаковку синего пластилина и, отщипывая маленькие кусочки, незаметно лепил их на дверные наличники, на внутреннюю поверхность цветочных горшков, в шкафы с огнетушителями, помечая таким образом все пересечения коридоров и выходы с этажей. И конечно, я постарался оставить побольше своих незаметных синих меток в коридорах и вестибюлях, примыкающих к залам, в которых проходили мероприятия – особенно объявленные на приближающийся вечер.

– А сейчас мы что делаем? – поинтересовалась Мёрфи.

– Сплетаем заклиние, – ответил я.

– Пластилином?

– Да.

Она недоверчиво на меня покосилась.

Я вытряхнул из упаковки оставшуюся там большую часть пластилина и показал ей:

– Маленькие кусочки, которые я оставляю по всему дому, являются частицами этого большого куска. Ясно?

– Не очень, – призналась Мёрфи.

– Они только что были с ним одним целым. Даже будучи отделенными от него, они сохраняют с ним тауматургическую связь, – объяснил я. – Из этого следует, что, используя большой кусок, я смогу установить связь с мелкими частицами.

– Ты это называл «паутиной»?

– Вроде того. Я смогу... – Я поморщился, подыскивая более точные слова. – Смогу улавливать энергию мелких частиц. Я разместил их так, что, если одна уловит нарушение энергетических полей, я почувствую это через большой кусок.

– Как, скажем, сейсмографы? – поняла Мёрфи.

– Угу, – кивнул я. – Для того и пластилин. Синий – для защиты.

Она удивленно повела бровью:

– А что, цвет имеет значение?

– Ага, – сказал я и тут же задумался. – Хотя, может, и нет. Но для меня имеет.

– В каком смысле?

– Значительная часть магии связана с эмоциями. С тем, во что веришь сам. Когда я был моложе, я много всякого усвоил – в том числе и роль цвета в составлении заклятий. Зеленый означает процветание и плодородие, красный – страсть или энергию, белый – чистоту, черный – месть... и так далее. Вполне возможно, сам по себе цвет ничего не означает – но, если я хочу, чтобы заклятие сработало с максимальной эффективностью, я должен учитывать и его. Грош цена тому заклятию, в которое не веришь сам.

– Это как волшебное перышко у Дамбо? – спросила Мёрфи. – Главное – собственная уверенность?

– Именно, – подтвердил я. – Перо всего лишь символ, но символ очень важный. – Я помахал в воздухе пластилином. – Поэтому я и использую синий. Не хочу экспериментировать с новыми цветами, тем более в кризисной ситуации. И потом, в «Уолмарте» синий дешевле.

– В «Уолмарте»? – хмыкнула Мёрфи.

– Работа чародея не слишком прибыльная, – объяснил я. – Ты удивишься, узнав, сколько всякого я покупаю в «Уолмарте». – Я покосился на висевшие на стене часы. – У нас меньше двух часов до начала первого вечернего сеанса.

Она кивнула:

– Что тебе еще нужно?

– Какое-нибудь тихое место для работы, – ответил я. – Не меньше шести-семи футов в поперечнике. Чем более изолированное от шума, тем лучше. И закрывающееся – приходится исходить из того, что наш поганец знает о моем присутствии. Мне не хотелось бы заполучить мачете в спину, пока я буду заниматься закланием.

– Сколько времени тебе требуется, чтобы все подготовить?

Я пожал плечами:

– Минут двадцать. Что меня действительно тревожит, так это...

– Мистер Дрезден! – окликнули меня из толпы.

Я повернулся и увидел протискивавшуюся в мою сторону Сандру Марлинг – председателя оргкомитета. Выглядела она вконец изможденной и издерганной до беспамятства, да и на ногах держалась непонятно как; я бы ни за что не поверил, что она в таком состоянии способна прорваться сквозь толпу, но каким-то образом это ей все-таки удалось. На ней до сих пор была черная футболка с красным логотипом «СПЛЕТТЕРКОН!!!» – предположительно та же, в которой я видел ее накануне вечером.

– Мисс Марлинг, – вежливо поклонился я, когда она приблизилась к нам. – Добрый день.

Она устало тряхнула головой:

– Я так... столько всякого... но я не знаю, к кому еще обратиться по этому поводу. – Голос изменил ей, и ее буквально затрясло от нервов и усталости.

Я нахмурился и переглянулся с Мёрфи.

– Сандра, что-то случилось?

– Молли, – выдохнула она.

Я нахмурился еще сильнее:

– Что с ней?

– Она вернулась из больницы часа два назад. С ней хотели побеседовать полицейские. С тех пор она не выходила, и никто из полицейских, с которыми я говорила, не знает, где она. Наверное...

– Сандра, – мягко произнес я. – Переведите дух. Успокойтесь. Вам известно, где может находиться Молли?

Она закрыла глаза и снова покачала головой, пытаясь взять себя в руки. Когда она заговорила, голос ее звучал уже потише:

– Они ее все еще... как это называется – допрашивают, да? Ну, когда тебя запугивают и задают вопросы?

Я сощурился.

– Угу, – сказал я. – Ее арестовали?

Сандра резко покачала головой:

– Вряд ли. На нее не надевали наручников и не зачитывали ей ничего об ее правах и тому подобном. А они могут? Просто не выпускать из помещения?

– Посмотрим, – буркнул я. – В каком помещении?

– Зал в противоположном крыле, вторая дверь справа, – ответила она.

Я кивнул, стащил с плеча рюкзак и достал маленькую записную книжку. Вырвав страницу, я написал на ней несколько телефонных номеров, имен и протянул Сандре:

– Позвоните обоим этим людям.

Она посмотрела на листок бумаги:

– Что мне им сказать?

– Правду. Расскажите им, что здесь происходит, и передайте, что Гарри Дрезден просил их немедленно приехать сюда.

Сандра продолжала смотреть на листок.

– А вы что собираетесь делать?

– О, ничего особенного, – заверил я. – Идите звоните.

– Я сейчас догоню, – сказала мне Мёрфи.

Я закинул рюкзак на спину, кивнул Мышу и целеустремленно двинулся в направлении кучки репортеров, которая начала рассасываться: пресс-конференция завершилась. Мы с Мышем приблизились к ним со спины, и я высмотрел в задних рядах Лидию Стерн.

Лидия Стерн, грозная дама среднего возраста, работала в «Волхве Среднего Запада» – издающейся в Чикаго желтой газетенке, специализирующейся на сверхъестественных и оккультных сплетнях. Порой им удавалось подобраться довольно близко к правде, но гораздо чаще они тискают статейки с заголовками вроде «Ребенок-ящерица родился в кемпинге» или, скажем, «Нечестивый союз снежного человека и чупакабры». По большей части это безобидное чтиво, но время от времени кто-то из их репортеров сталкивается с чем-то по-настоящему странным и рассказывает об этом на страницах «Волхва». Сьюзен Родригес работала в «Волхве» ведущим репортером до тех пор, пока не попала в слишком опасную историю. Теперь она живет где-то в Южной Америке, борясь с инфекцией в душе, которая силится превратить ее в вампира Красной Коллегии – одного из тех, с которыми она и ее друзья, такие же инфицированные полувампиры, сейчас сражаются.

Когда Лидия Стерн пару лет назад заняла место Сьюзен, первые полосы «Волхва» приобрели новый характер. Лидия расследовала разные необычные события, а потом старалась выяснить, почему соответствующие ведомства оставляют их без внимания. Она обладала острым аналитическим умом и недюжинными пробивными способностями, и доставалось в ее статьях всем – от провинциальных ветеринарных инспекторов до ФБР.

Жаль, что она гробила свой талант в дыре вроде «Волхва», а не в каком-нибудь уважаемом издании в Вашингтоне или Нью-Йорке. Она давно уже могла бы войти в списки номинантов на Пулицеровскую премию. Городские чины, имеющие отношение к делам, в расследовании которых принимал участие и я, развили в себе почти сверхъестественную способность исчезать при ее приближении. Никто из них не хотел оказаться следующим, кого она будет бичевать своим беспощадным пером. В общем, у нее сложилась репутация ходячего ужаса, грозы бюрократов.

– Мисс Стерн, – произнес я тихим, замогильным голосом, сделав особое ударение на свистящих. – Не найдется ли у вас пары минут?

Гроза «Волхва» резко повернулась ко мне, и на лице ее расцвела ангельская улыбка. Роста в ней было чуть больше пяти футов, она отличалась аппетитной полнотой, и в роду у нее явно имелся кто-то азиатского происхождения. Ее отличали искрометная улыбка, очки с толстыми линзами, вьющиеся черные полосы и джинсовый комбинезон поверх поношенной футболки. Да, и еще ярко-розовые шнурки на кроссовках.

– Гарри Дрезден, – произнесла она. Голос у нее тоже интересный, с придыханием, из-за чего за каждым ее словом чудится с трудом сдерживаемый смех. – Ха! Так я и знала, что тут пахнет керосином.

– Вполне возможно, – согласился я.

Собственно, до тех пор я практически не имел дела с Лидией. В прошлом мои отношения с репортерами заканчивались нелучшим образом. В общем, пока я говорил с ней, совесть покалывала меня мелкими иголками, напоминая о том, что любое неосторожное слово может грозить ей серьезной опасностью. Несмотря на это, мы ладили, и я ни разу не лгал ей, даже не пытался.

– Вы заняты?

Она похлопала рукой по рюкзаку, висевшему у нее на плече:

– Я тут записала кое-что, и мне хотелось бы поскорее обработать это. – Она склонила голову набок. – А почему это вас интересует?

– Мне нужно, чтобы мне помогли кое-кого напугать, – ответил я.

Ямочки на ее щеках обозначились рельефнее.

– Ого!

– Ага, – в тон ей подтвердил я. – Помогите мне, а я уделю вам минут десять по поводу всего этого. – Я сделал рукой неопределенный жест вокруг себя. – Как только освобожусь.

Взгляд ее просветлел.

– Заметано, – сказала она. – Что я должна делать?

– Пошататься взад-вперед у одной двери и... – Я ухмыльнулся. – Просто быть самой собой.

– Отлично. С этим я справлюсь. – Она кивнула, тряхнув кудряшками, и следом за мной направилась к двери, за которой поджаривали на медленном огне дочь моего друга.

Я открыл дверь так, словно сам проживал здесь, и вошел.

Зал был небольшой – размером со среднего калибра классную комнату. Пол в дальнем от входа конце приподнимался, и на этом подобии эстрады стоял длинный стол с окружающими его стульями. Остальные стулья выстроились рядами лицом к эстраде. На полу валялся сорванный с двери лист бумаги, на котором значилось, что с двенадцати до пяти здесь запланировано нечто под названием «филькание». Слова этого я не знал, но оно показалось мне подозрительным, словно могло означать что-то, имеющее отношение к нересту лососевых рыб, а может, к дискуссии о методах вскармливания грудничков. Я решил, что это, возможно, из тех вещей, которые мне гораздо спокойнее не знать.

На эстраде стоял, скрестив руки на груди, Грин, и на лице его застыла кислая улыбка. Молли сидела на стуле в первом ряду в той же шутовской одежде, что и накануне. Вид у нее был усталый. Она плакала.

Рядом с ней высился мужчина среднего роста и среднего сложения с каштановой шевелюрой, достаточно всклокоченной, чтобы сойти за модную. Строгость серого костюма немного обесценивалась черным галстуком с изображением марсианина Мартина. Я узнал его. Бывший муж Мёрфи. Он стоял над Молли, протягивая ей чашку с водой, – классический образец доброго копа при перекрестном допросе. Значит, он здесь в своем официальном качестве. Агент Рич.

– Прошу прощения, – бросил Грин, не поднимая на меня взгляда. – Этот зал закрыт сейчас для посетителей.

– Правда? – искренне удивился я. – Надо же! А я так надеялся провести остаток дня за фильканием!

Молли оглянулась, и взгляд ее осветился внезапной надеждой.

– Гарри!

– Привет, детка, – сказал я, и мы с Мышем двинулись к ней.

Пес обогнал меня и, виляя хвостом, ткнулся своим носом ей в руки. Молли улыбнулась, обняла его за шею и принялась шептать что-то на ухо, как накануне вечером – своим младшим братьям и сестрам.

Грин повернулся и испепелил меня взглядом. Секунду спустя то же самое сделал и агент Рич.

– Дрезден, – властным тоном произнес Грин. – Вы вмешиваетесь в расследование. Убирайтесь.

Не обращая на него внимания, я обратился к Молли:

– Как Роза?

Она прижалась щекой к широченной башке Мыша:

– Спит. Она очень расстроилась из-за новостей, и врачи дали ей успокоительного. Они боялись, что с ней случится истерика и что это может повредить ребенку.

– Дрезден! – раздраженно повысил голос Грин.

– Это сейчас для нее лучше всего, – заверил я Молли. – Ей будет легче, когда она отдохнет.

– Надеюсь, – кивнула Молли.

Грин выругался и полез в карман за рацией – предположительно вызвать подмогу.

Ну и придурок этот Грин.

Может, я немного пристрасился к этому в тот вечер... в общем, я пробормотал чуть слышно пару слов и применил маленькое, совсем маленькое усилие. Из рации посыпались искры, и она окуталась дымом. Грин встряхнул ее, потом еще и снова выругался.

– Черт подери, Дрезден! – рявкнул он. – Выметайтесь отсюда, пока я не свез вас в центр.

Я продолжал игнорировать его.

– Привет, Рич. Как прошла свадьба?

– Я не шучу, – настаивал Грин.

Рич поджал губы и поднял руку, останавливая Грина.

– Вроде все остались живы, – ответил агент Рич, хмуро переводя взгляд с меня на Молли и обратно. – Гарри, мы здесь работаем. Вам лучше уйти.

– Да? – удивился я, плюхнулся на стул рядом с Молли и улыбнулся ему. – Мне кажется, не стоит. В том смысле, что я тоже здесь работаю. Я консультант.

– Вы создаете помехи следствию, Дрезден, – взорвался Грин. – Вы потеряете работу в городе. Лицензию следователя. Черт, да я вас даже в тюрьму закатать могу месяца на два.

– А вот и не можете.

– Ну как хотите, болван, – бросил Грин и шагнул к двери.

Молли, приняв это за намек, поднялась с места.

– Сидеть! – рявкнул на нее Грин. – Мы еще не закончили.

Она поколебалась и снова села.

– Грин, Грин, Грин, – сказал я с укоризной. – Вы кое о чем забыли.

Он остановился. Агент Рич с интересом посмотрел на меня.

– Видите ли, мисс Карпентер вольна уйти в любой момент, когда захочет.

– Нет, пока не ответит мне на несколько вопросов, – буркнул он.

Я изобразил зуммер из телевизионной викторины.

– Неправильный ответ. Это свободная страна. Молли имеет право выйти, и вы ничегошеньки не сможете с этим поделать. Если только, конечно, вы не намерены арестовать ее. – Я одарил его самой лучезарной из моих улыбок. – Вы ведь не арестовали ее, нет?

Молли следила за нашим разговором краешком глаза, сидя очень тихо и низко опустив голову.

– Мы допрашиваем ее в связи с расследованием, – объяснил Рич.

– Да? И у кого-то из вас, ребята, имеется на руках ордер, правда?

Ордера у них, конечно, не было. Оба молчали.

– Вот видите, это вы в неловком положении здесь, Грин. У вас против юной леди нет ничего. Судебного ордера нет. Вы ее не арестовали. Поэтому она вольна решать, отвечать на ваши вопросы или нет.

Молли изумленно подняла на меня глаза:

– Правда?

Я приложил руку к груди и изобразил глубокое потрясение:

– Грин! Ушам своим не верю. Вы что, солгали юной даме, чтобы запугать ее? Чтобы она считала, будто находится под арестом?

– Не лгал я! – огрызнулся Грин.

– Ну да, вы просто направляли ее, – кивнул я. – Конечно, конечно. Не ваша вина в том, что она неверно вас поняла. Что ж, давайте отмотаем пленку назад и посмотрим, где таится ошибка. – Я сделал паузу. – Вы ведь вели запись допроса, верно? Все записано честь по чести?

Грин посмотрел на меня так, будто больше всего ему хотелось вырвать мои потроха и затолкать их мне в зубы.

– У вас нет ничего, кроме предположений. Убирайтесь. Или я, как ответственный за расследование, запрещу вам появляться в этой гостинице.

– Это что, угроза? – невинно спросил я.

– Уж поверьте.

Я сделал вид, что задумался.

– Ох, ребята! Вы ставите меня в затруднительное положение с моральной точки зрения. Потому что если вы сделаете это со мной, то, черт подери, пресса запросто может узнать о том, что вы отказываетесь от помощи профессиональных консультантов, обладающих некоторыми заслугами перед городом. – Я подался вперед. – Кстати, – добавил я как бы невзначай, – и еще они могут узнать, что вы нелегально допрашиваете несовершеннолетнюю.

Грин с нескрываемым потрясением уставился на меня. Даже агент Рич поднял брови:

– Чего?

– Несовершеннолетнюю, – повторил я. – Сиречь личность, которая не может по закону дать согласие отвечать на ваши вопросы самостоятельно. Я взял на себя смелость вызвать сюда ее родителей. Не сомневаюсь, им и их адвокату найдется о чем спросить у вас.

– Это шантаж, – заявил Грин.

– Всего лишь соблюдение юридических процедур, – возразил я. – Это вы пытались обойти закон.

– Говорите что хотите, – насупился Грин, – но у вас никаких доказательств нет.

У меня аж щеки заболели от улыбки.

Я усмехнулся.

По этому сигналу неплотно прикрытая дверь отворилась. За ней обнаружилась Лидия Стерн с бейджиком представителя прессы на шее и диктофоном в руке. Она подняла диктофон повыше, чтобы Грин хорошенько разглядел его.

– Итак, детектив, – вкрадчиво поинтересовалась она, – не будете ли вы так добры объяснить, почему в ходе расследования вы допрашивали несовершеннолетнюю без согласия ее родителей? Она подозревается в преступлении? Или стала свидетельницей имевших место событий? И что это за слухи об отсутствии кооперации между различными отделами полиции, которое отрицательно сказывается на ходе расследования?

Грин уставился на нее. Потом покосился на агента Рича. Рич пожал плечами:

– Он тебя сделал. Ты рискнул. Это не сработало.

Грин выплюнул слово из разряда таких, какие представителям власти не стоило бы проносить в присутствии несовершеннолетних, и ринулся к выходу. Лидия Стерн подмигнула мне и поспешила за ним, тыча диктофоном и осыпая его вопросами, ответы на которые – даже самые разумные и взвешенные – выставили бы Грина полнейшим идиотом.

Рич смотрел ему вслед, пока дверь за ними не закрылась, потом покачал головой.

– У вас-то какой интерес в этой истории? – спросил он меня.

– Девочка – дочь моего друга, – объяснил я. – Я за ней присматриваю.

Он понимающе кивнул:

– Ясно. На Грина здорово давят. Извините, что он с вами так обошелся.

– Рич, – терпеливым тоном произнес я. – Я ведь не несовершеннолетняя девица. Уж со мной-то не разыгрывайте из себя доброго копа.

На мгновение его вежливое, участливое выражение сменилось озорной, почти мальчишеской ухмылкой. Потом он пожал плечами:

– Попробовать стоило.

Я усмехнулся.

– Вы ведь понимаете, – продолжал Рич, – что Грин может достать ордер. Это просто вопрос времени и беготни по инстанциям.

Я встал:

– Это не моя проблема. Пусть с этим разбирается адвокат Карпентеров.

– Ясно, – кивнул он. – Но вы и впрямь вмешиваетесь в следствие. Он может изрядно испортить вам жизнь.

– Да ладно, агент. Я защищаю права несовершеннолетней. Представляете, как уцепятся за это правозащитники? – Я покачал головой. – И еще одно. То, что вы делаете, порочно. Запугивать девочек. Адские погремушки, приятель, это просто низко!

Агент Рич слегка покраснел от злости.

– А у вас, Дрезден, наверняка нет разрешения на ношение оружия. Вы хотите, чтобы я заподозрил вас на предмет скрытого ношения оружия и обыскал?

Упс! Я вспомнил про револьвер в рюкзаке. Если агенту Ричу взбредет в голову развить эту тему, мне могут грозить неприятности – но и дать ему понять это я не хотел. Я попытался отбросить эту мысль, равнодушно пожав плечами:

– Как это поможет остановить убийцу, прежде чем он нанесет новый удар?

Рич склонил голову набок и нахмурился. Черт, надо потренироваться делать лицо кирпичом. Он словно ощупал меня взглядом, прикидывая, куда я мог спрятать пушку.

– Это к делу не относится, – ответил он. – Нарушение закона есть нарушение закона.

Со стороны двери послышался нетерпеливый вздох.

– Ты хоть пять минут можешь не быть полной задницей, Рич? – спросила Мёрфи. – Или это для тебя смерти подобно?

Я не заметил ее прихода; впрочем, судя по лицу агента Рича, он тоже.

– Он консультант ОСР, который работает над этим делом: И у нас нет времени на препирательства. Люди в опасности. Нам надо действовать сообща.

Рич испепелил ее взглядом, но обуздал гнев и пожал плечами:

– Может, ты и права. Но, Дрезден, на вашем месте я бы всерьез подумал, не убраться ли отсюда добровольно. Будете мешаться под ногами – и я арестую вас и упрячу за решетку на двадцать четыре часа.

– Нет, – возразила Мёрфи, шагнув в зал. – Не упрячешь.

Он повернулся к ней и сощурился:

– Черт подери, Кэррин! Ты ведь так и не научилась не лезть в чужие дела, верно?

– Как же! – хмыкнула она, выставив подбородок. – Не дожدهшься.

Агент Рич покачал головой. Потом пинком распахнул дверь и вышел.

Мёрфи посмотрела ему вслед и вздохнула.

– С вами все в порядке, мисс? – спросила она у Молли.

Молли с усилием кивнула:

– Да. Устала только.

Не прошло и минуты, как в зал ворвалась Сандра Марлинг, бросила взгляд на нашу маленькую группу и, подбежав к Молли, обняла ее. Девушка крепко прижалась к ней.

– Вы дозвонились? – спросил я у Сандры.

– Да. Миссис Карпентер едет.

Молли вздрогнула.

– Отлично, – сказал я. – Вы можете побыть с Молли до ее приезда?

– Конечно.

Я кивнул и повернулся к Молли:

– Детка, тут все оборачивается весьма непросто. Я хочу, чтобы ты уехала с мамой. Идет? Она кивнула, не поднимая головы.

Я вздохнул и встал со стула:

– Вот и хорошо.

Я покинул помещение. Мёрфи и Мыш последовали за мной.

– Славный парень этот Рич, – заметил я. – Разве что немного склонен к манипуляциям.

– Совсем немного, – согласилась Мёрфи. – Что там у вас произошло?
Я рассказал.

Она издала ехидный смешок:

– Жаль, не видела, какие у них были лица.

– В следующий раз постараюсь не забыть фотоаппарат.

Она кивнула:

– Что нам делать дальше?

– Мы же в отеле. – Я приподнял брови. – Давай найдем номер.

Уверен, в мирных обстоятельствах ни одного свободного номера в гостинице не осталось бы. Однако обстоятельства явно были далеки от мирных, администраторы с трудом справлялись с небольшой лавиной отказов и преждевременных отъездов – что лишь доказывает, насколько здраво порой умеют мыслить люди. Возможно, число посетителей конвента и удвоилось на день, но это не означало, что они готовы провести здесь ночь.

Свободный номер обнаружился на пятом этаже. Мне пришлось переплатить, чтобы Мышу разрешили поселиться там вместе со мной, и мы получили ключ.

В лифте никого, кроме нас, не оказалось, и мы поднимались в молчании, которое становилось все более напряженным. Я переминался с ноги на ногу и тербил в руках пластиковые карточки, выданные дежурным администратором. Потом кашлянул.

– Ну что ж, мы здесь, – сказал я. – Поднимаемся в наш гостиничный номер.

Щеки у Мёрфи чуть порозовели.

– Ты свинтус, Дрезден.

– Эй, я не вкладывал в это никаких намеков. Ты сама их усмотрела.

Она закатила глаза и слегка улыбнулась.

Я покосился на сменяющие одна другую цифры на табло и снова кашлянул.

– Да уж, сэр... мэм. Наконец-то наедине.

– Странно немного, – призналась она.

– Немного странно, – согласился я.

– Но что в этом такого? – спросила она. – Я хочу сказать, мы ведь работали уже вдвоем.

Ничего нового.

– Ну, в гостиничном номере еще не приходилось.

– Приходилось, – возразила Мёрфи.

– Да, но тогда там было полно трупов.

– Ах да. Верно.

– Никаких трупов сегодня, – заявил я.

– Ха, – усомнилась Мёрфи. – Вечер только-только начинается.

Упоминание о грозящих нам опасностях уложило этот разговор наповал. Улыбка на лице Мёрфи поблекла, румянец на щеках исчез. Остаток пути мы проделали молча – до тех пор, пока двери лифта не раздвинулись. Ни я, ни она не попытались выйти. Казалось, на полу проведена какая-то магическая черта, не пускающая нас с места.

Молчание затягивалось. Дверь начала закрываться. Мёрфи придавила пальцем кнопку «Открытие дверей».

– Гарри, – произнесла она наконец чуть слышно, глядя куда-то в пространство. – Я тут думала о... понимаешь... о нас.

– Да?

– Да.

– Много думала?

Она снова едва заметно улыбнулась:

– Не уверена. Я вообще не хотела признаваться в том, что... ты понимаешь.

– Что между нами все может измениться?

– Да. – Она наконец посмотрела на меня и нахмурилась. – Только я не уверена, что это то, чего тебе хотелось бы.

– Из нас двоих, – заметил я, – мне кажется, у меня больше понимания того, чего мне хотелось бы.

Она нахмурилась сильнее:

– С чего ты решил, что ты хочешь именно этого?

– На прошлый Хеллоуин, – признался я, – мне хотелось убить Кинкейда.

– Ой... – Мёрфи опустила глаза и снова порозовела.

– Не буквально, – пояснил я и подумал немного. – Ладно, может, даже буквально. Впрочем, со временем это желание поубавилось.

– Понимаю, – сказала она.

– А вы с ним?.. – Я не договорил.

– Виделись на Новый год, – призналась она. – Но между нами ничего серьезного. Этого не нужно ни мне, ни ему. Мы друзья. Нам нравится общество друг друга. Вот и все.

Теперь нахмурился я.

– Мы тоже друзья, – сказал я. – Но я никогда не снимал с тебя штанов.

– У нас по-другому, – возразила она и покраснела еще пуще. Потом глянула на меня из-под ресниц. – А тебе этого хочется?

Сердце мое забило чуть чаще.

– Э... Снимать штаны?

Она повела бровью и склонила голову набок, ожидая ответа.

– Мёрф, я не был с женщиной уже... – Я тряхнул головой. – Послушай, спроси любого парня, хочет ли он секса, и он ответит утвердительно. Так положено, во всяком случае. Обще-принято.

Ее глаза сверкнули.

– И ты тоже так ответишь? – поинтересовалась она.

– Я же мужик, – сказал я. – Так что да. – Я нахмурился и подумал немного. – И... и нет.

– Я понимаю, – улыбнулась она. – Ты не хочешь ничего случайного. Ты слишком глубоко ныряешь. Слишком переживаешь. Мы не можем отнестись к этому легко. Ты никогда на этом не успокоишься.

Возможно, она говорила правду. Я кивнул.

– Я не знаю, могу ли дать тебе то, что ты хочешь, Гарри. – Она вздохнула. – И потом, есть и другие причины. Мы работаем вместе.

– Я заметил.

Она даже не улыбнулась.

– Я имею в виду, что... Я не могу смешивать личные отношения и работу. Это вредит и тому и другому.

Я промолчал.

– Я коп, Гарри.

Желудок мой слегка сжался от этих слов: они не оставляли места для компромисса.

– Я знаю.

– Я служу закону.

– Конечно, – кивнул я. – И всегда служила.

– Я не могу от этого уйти. Не могу и не стану.

– Это я тоже знаю.

– И... мы такие разные. Наши миры.

– Не совсем, – возразил я. – По большей части мы болтаемся в одном и том же мире.

– Это работа, – тихо произнесла она. – Но работа – это ведь не все, что касается меня. Точнее, так не должно быть. Я пыталась построить отношения на этом общем деле для обоих...

– Рич, – предположил я.

Она кивнула, и взгляд ее на мгновение затуманился от боли. Еще пару лет назад она не позволила бы мне это заметить. Но я видел Мёрфи и в хорошие, и в плохие времена – в плохие чаще. Она никогда бы этого не сказала. Никогда не хотела, чтобы я говорил на эту тему, но я знал, что ее неудачные замужества ранили ее куда глубже, чем она признавала сама. В некотором роде, подозреваю, они объясняли ее профессиональные порывы и амбиции. Она настроилась на карьеру – в порядке компенсации за другие неудачи.

А может, они ранили ее и еще сильнее. Может, так сильно, что она больше не испытывала желания открываться чувствам. Длительные отношения таят в себе потенциал надолго ранить. Может, она не хотела проходить через это еще раз.

– А если бы ты не была копом?

Она едва заметно улыбнулась:

– А если бы ты не был чародеем?

– Туше. Но ответь, сделай милость.

Она склонила голову набок и внимательно на меня посмотрела:

– Что случится, когда Сьюзен вернется?

Я покачал головой:

– Она не вернется.

Голос ее сделался суше:

– Ответь, сделай милость.

Я слегка нахмурился.

– Не знаю, – тихо признался я. – Мы решили с этим завязать. И... подозреваю, мы очень многое сейчас увидели бы по-разному.

– А если она захочет попытаться еще раз? – спросила Мёрфи.

Я пожал плечами:

– Не знаю.

– Допустим, мы попробуем с тобой быть вместе, – сказала Мёрфи. – Сколько детей тебе хотелось бы?

Я моргнул от неожиданности:

– Что?

– Что слышал.

– Я не... – Я поморгал, собираясь с мыслями. – Я как-то не очень об этом думал.

Что ж, вот и повод подумать минуту. Я вспомнил о веселом хаосе, царившем в доме Карпентеров. Когда я был маленьким, я бы все за такое отдал.

Но любой мой ребенок унаследует от меня не только глаза и воинственный подбородок. Многие люди относятся ко мне не лучшим образом. И многие нелюди – тоже. Ребенку придется унаследовать от меня и толику моих врагов, а также – что, возможно, еще хуже – кое-каких моих союзников. Мать оставила мне в наследство вечные подозрительность и сомнения, а к тому же не самые приятные сюрпризы, время от времени всплывающие из седого прошлого.

Мёрфи внимательно смотрела на меня своими голубыми глазами.

– Это серьезный вопрос, – тихо произнесла она.

Я медленно кивнул.

– Возможно, ты об этом слишком много думала, Мёрф, – сказал я. – Логика, целесообразность, планы на будущее. Тому, что у тебя в сердце, этого не нужно.

– Я тоже так считала. – Она покачала головой. – Я ошибалась. Любовь – это не все, что нужно человеку. И я просто не представляю нас с тобой вместе, Гарри. Ты мне очень дорог. Я не могла бы и мечтать о лучшем друге. Ради тебя я бы прошла сквозь огонь.

– Ты уже делала это, – заметил я.

– Но я не думаю, что тебе нужна подруга вроде меня. Мы не уживемся.

– Почему нет?

– В конце концов, – все так же тихо ответила она, – мы слишком разные. Ты проживешь еще очень много лет, если тебя не убьют. Несколько столетий. Я протяну еще лет сорок, максимум пятьдесят.

– Угу, – буркнул я. Мёрфи упомянула одну из тех вещей, о которых я очень старался не думать.

– Я не знаю, – продолжала она еще тише, – смогу ли я серьезно сойтись с кем-то еще. Но если так выйдет... Я хочу, чтобы это был кто-то, кто создаст со мной семью. Состарится со мной. – Она подняла руку и коснулась моей щеки теплыми пальцами. – Ты хороший человек, Гарри. Но у тебя не получится стать тем, кто нужен мне.

Мёрфи отняла палец от кнопки и вышла из лифта.

Я не сразу последовал за ней.

Она не оглянулась.

Боже, нравится мне все-таки моя чародейская работа.

Глава 23

Номер был таким, к каким я привык: чистый, простенький, пустой. Я проверил, опущены ли шторы, огляделся по сторонам и сдвинул маленький круглый столик в угол, освободив себе пространство в центре комнаты. Потом стащил с плеча рюкзак и положил его на кровать.

– Тебе что-нибудь нужно? – спросила Мёрфи.

Она стояла в дверях. Заходить она не хотела.

– Пожалуй, все есть. Еще покоя чуть-чуть, чтобы все устроить. – Я не видел причины не дать Мёрфи возможности выйти из того щекотливого положения, в которое завел нас разговор. – И еще одно меня интересует... возможно, ты могла бы проверить.

– Кинотеатр Пелла, – предположила Мёрфи.

Я услышал в ее голосе некоторое облегчение.

– Да. Ты могла бы покрутиться там и посмотреть.

Она нахмурилась:

– Думаешь, там что-то может быть?

– Пока я вообще слишком мало знаю, чтобы что-либо думать, но чем черт не шутит, – ответил я. – Если ощутишь что-то нехорошее, не лезь туда. Сразу смывайся.

– Не беспокойся, – заверила она. – Я так и собиралась поступить. – Она направилась к двери. – Я ненадолго. Свяжусь с тобой, скажем, через полчаса, ладно?

– Идет, – отозвался я. Ни я, ни она не озвучили того, о чем думали оба: если Мёрфи ошибется в оценках, это может стоить ей жизни, а может – и хуже. – Полчаса.

Она кивнула и удалилась, закрыв за собой дверь.

Мышь подошел к двери, понюхал, покружился на месте и лег на пол подремать. Я хмуро покосился на ковровое покрытие и расстегнул рюкзак. Мелом на таком ковре круг не начертишь. Придется пользоваться мелким белым песком. Горничные наверняка не придут в восторг, убирая помещение, но что поделать, жизнь порой бывает жестока. Я достал из рюкзака стеклянную бутылочку со специально подготовленным песком и поставил ее на столик рядом с оставшимся пластилином и Бобом-Черепом.

В глазницах Черепа немедленно засветились оранжевые огоньки.

– Теперь я могу говорить?

– Угу, – кивнул я. – Ты все слышал?

– Угу, – сказал Боб явно расстроенным тоном. – Тебе ничего с ней не светит.

Я свирепо покосился на него.

– А что я такого сказал? – обиженно запротестовал он. – Это не моя вина, Гарри. Возможно, она бы уже завалила тебя в постель, если бы ты не воспринимал все так чудовищно серьезно.

– Смени-ка тему, – посоветовал я ровным голосом. – Мы, вообще-то, работаем.

– Верно, – согласился Боб. – Значит, ты задумал стандартную сеть обсервов-детекторов, да?

– Угу, – подтвердил я.

– Не слишком эффективно, – заметил Боб. – Я имею в виду, к тому времени, когда твоя сеть засечет чье-то присутствие, этот кто-то уже полностью переместится в реальный мир. Он успеет кого-нибудь порвать прежде, чем ты добежишь до лестницы.

– Схема не идеальная, – согласился я. – Но это все, чем я располагаю. Или ты можешь предложить что-нибудь получше?

– Весь мой многовековой опыт мало что даст, пока я не буду точно знать, в борьбе против кого ты ждешь от меня помощи, – заметил Боб. – Пока все, что тебе известно, – это то, что нападения совершаются пришлым фобофагом.

– А что, этого мало?

– Еще бы! – ответил Боб. – Я навскидку могу тебе назвать сотни две разновидностей фобофагов, а если дашь минуту покопаться в памяти – так и еще пара сотен наберется.

– Сколько из них способны на такое, что делала эта тварь? Обрести материальное тело и напасть.

Боб уставился на меня, как на полнейшего чурбана:

– Хочешь верь, хочешь нет, но старый параграф «Как принять форму самого большого страха жертвы» в учебниках фобофагов едва ли не на первой странице.

– И правда. – Я тряхнул головой. – Но это место – открытая территория. Здесь нет порога, чтобы расставить что-либо посерьезнее сети. По крайней мере, если узлов сети много, я, возможно, успею к месту вторжения достаточно быстро. Когда эта тварь покажется.

– Твари, – поправил меня Боб. – Во множественном числе. Фаги как муравьи. Сначала один появляется, потом два, потом сразу сотня.

Я поперхнулся:

– Черт! Может, нам посмотреть на это под другим углом? Скажи, есть какой-нибудь способ перенацелить их при переходе? Иди затруднить сам процесс перехода сюда?

Огоньки в глазницах у черепа разгорелись ярче.

– Возможно. Да, возможно. Вероятно, тебе удастся выстроить завесу вокруг всего этого места – с той стороны.

– Э-э... Ты говоришь, я могу спрятать это место от фагов, но только из Небывальщины?

– Примерно так, – подтвердил Боб. – Даже в этом случае это был бы просчитанный риск.

– Почему?

– Все зависит от того, как они находят это место, – объяснил Боб. – Я хочу сказать, если естественным образом попавшие сюда фаги нашли себе хорошие охотничьи угодья, завеса им не помешает. Она может замедлить их, но не остановит.

– Давай исходить из того, что это не случайность, – предложил я.

– Ладно. Если исходить из этого, нам надо прежде выяснить, призваны они сюда или посланы.

Я нахмурился:

– Неужели существуют создания достаточно сильные, чтобы посылать их с той стороны? Что-то не припомню, чтобы такое случалось прежде. Собственно, поэтому так и популярно использование для этой цели смертных призывающих.

– Такое вполне осуществимо, – заверил меня Боб. – Просто требуется чертовски много пороха, чтобы отворить путь в мир смертных с той стороны.

– О какой энергетической мощности идет речь? – мрачно поинтересовался я.
– Большой, – жизнерадостно сообщил Боб. – Как у Эрлкинга, или архангела, или кого-нибудь из древних богов.

Я ощутил в животе неприятную сосущую пустоту.

– Или у Королевы фэйри?

– О, у этой-то – конечно. Думаю, да... – Он осекся. – Ты считаешь, это работа фэйри?

– Что-то здорово не так в их королевствах, – сказал я. – Еще больше наперекосяк, чем обычно.

Боб издал глотающий звук:

– Ой! Но мы ведь не собираемся соваться к ним туда, правда?

– Насколько это в моих силах, нет, – заверил я. – А если до этого дойдет, тебя я с собой брать не буду.

– Ох! – вздохнул он. – Хорошо.

– Однажды тебе придется рассказать мне, что такого ты сделал, чтобы Мэб захотела тебя убить.

– Да, конечно, – ответил Боб с интонацией человека, незаметно подпихивающего нежелательный предмет ногой под ковер. – Но нам стоит учитывать и третью возможность.

– Кто-то с этой стороны, – кивнул я. – Если вспомнить, что кто-то поставил оберег на моем пути в последний раз, когда фаг появлялся здесь, эта возможность представляется мне наиболее вероятной.

– Мне тоже так кажется, – согласился Боб. – В таком случае у тебя неприятности.

Я хмыкнул и принялся выгружать из рюкзака свечи, спички и старый армейский нож.

– Почему?

– Порога здесь нет, значит ты и защиты толковой выстроить не сможешь. И даже если ты отправишься на ту сторону и создашь завесу, чтобы помешать фагам найти это место...

– Тот, кто их призывает, все равно запустит их сюда, – договорил я за него. – Это вроде как... я могу окутать все это место туманом, но если у фагов тут кто-то есть, он, как маяк, наведет их на гостиницу.

– Верно, – подтвердил Боб. – А потом ему останется лишь отворить дверь с этой стороны, и они окажутся здесь.

Я нахмурился:

– Значит, вся фишка в том, чтобы найти призывателя.

– А этого ты не можешь сделать, пока он – или они – не призовут кого-либо, – заметил Боб.

– Адские погремушки! – возмутился я. – Наверняка же имеется способ этому помешать.

– Не думаю, – сказал Боб. – Извини, босс. До тех пор, пока ты не узнаешь об этом больше, все, на что ты способен, – это реагировать на их ходы.

– Черт! Тогда остается надеяться на сеть. По крайней мере, если я использую ее, то смогу вычислить призывающего.

Конечно смогу... ценой чьей-то жизни. Пока что эти монстры калечили и убивали людей практически безнаказанно.

Если только...

– Боб! – Кажется, я понял. – А что, если я не буду пытаться спрятать гостиницу или препятствовать этим тварям проникнуть сюда? Что, если я... гм... всего лишь сообщу им небольшой дополнительный импульс?

Глаза Боба разгорелись еще ярче.

– У-у-у, классическая доктрина Белого Совета. Когда фаги завалятся сюда, ты перенацелишь их на того парня, что их вызвал. Пусть отведают собственной стряпни.

– Прямо ему в задницу, – подтвердил я.

– Хорошенькое зрелище, – хихикнул Боб. – Типа получи фитиль.

– Это ведь осуществимо, правда?

– Конечно, – согласился Боб. – У тебя есть все необходимое. Ты знаешь, что фаги ищут страх и что они, возможно, используют его энергетику как маяк. Твоя сеть позволит узнать, когда что-то начнется. Ты лепишь большой комок страха, наводишь его на тот же маяк, которым пользуются фаги, и кидаешь туда.

– Все равно что привязать ему на шею кусок мяса и кинуть в клетку ко львам, – ухмыльнулся я.

– Аве Цезарь, – согласился Боб. – Фаги так на него и набросятся.

– И как только он выйдет из игры, я прикрою гостиницу занавесой. Тогда не пострадает больше никто из посетителей, а нехорошие парни получают летальную дозу.

– И хорошие парни победят! – обрадовался Боб. – По крайней мере, ты победишь. Ты ведь у нас все еще хороший парень, так? Сам знаешь, в понятиях добра и зла я не силен.

– Ладно, пусть стороны называются для простоты «мы» и «они», – предложил я. – Мне нравится этот план. Значит, в нем наверняка имеется слабое место.

– Верно, – согласился Боб. – Тебе придется как следует постараться в том, что касается расчета времени. Ты ведь не сможешь поймать сигнал от оберега, прежде чем фаги нырнут сюда из Небывальщины и примут материальную форму. Но если ты к этому времени их не перенацелишь, будет уже слишком поздно.

Я кивнул, хмуясь:

– Сколько это оставляет мне времени? Секунд двадцать?

– Только если попадутся какие-нибудь ущербные, – вздохнул Боб. – Скорее – десять секунд. А может, и меньше.

Я нахмурился еще сильнее:

– Черт, маловато окошко. – Тут я вспомнил еще об одной проблеме. – И не только это. Мне придется стрелять вслепую – я ведь не буду знать, на кого настраиваю фагов. Что, если он будет стоять в толпе?

– Он собирается призывать жутиков из потустороннего мира, чтобы те сеяли ужас и смерть в людских массах, – терпеливо пояснил Боб. – Это вряд ли можно делать, прячась в той же толпе.

– Логично. Он, вероятно, будет сидеть в каком-нибудь тихом укромном месте. – Я покачал головой. – Даже если так, я предпочел бы какой-нибудь менее рискованный вариант. Но не вижу иных способов помешать этим тварям причинить зло кому-либо еще.

– Пока мы не накопим информации, босс, я тоже не знаю, что ты еще мог бы сделать.

Я хмыкнул:

– Ладно, пора активировать сеть.

Звякнул карабин на ошейнике у Мыша, и я оглянулся через плечо. Пес приподнял голову от пола и уставился на дверь. Секунду спустя кто-то постучал.

Мыш не зарычал, а хвост его несколько раз стукнул об пол, когда я шел к двери, – значит, угрозы нет.

– Быстро же ты, – сказал я, открывая дверь. – Я думал, ты на полчаса, Мёрф...

В коридоре стояла Молли с матерчатой сумкой на плече. Она выглядела поникшей – как цветы у меня дома, пока у меня еще хватало оптимизма их покупать. Сине-розовые волосы сбились бесформенными прядями, грим на щеках наполовину смылся слезами. Она казалась помятой, усталой, неуверенной и одинокой...

– Привет, – произнесла она почти шепотом.

– Эй, – сказал я. – Я думал, ты ждешь маму.

– Я ждала, – ответила она. – Правда. Но... я грязная как чушка. – Она вяло махнула рукой. – Я хотела помыться, но в номере у Нельсона меня в душ не пустили. Я надеялась попроситься в ваш. Я на минутку только.

Проще, наверное, пнуть ногой щенка, чем давать от ворот поворот ребенку.

– Легко, – сказал я. – Только потише там, ладно?

Я шагнул назад, пропуская ее в номер. Проходя мимо Мыша, Молли задержалась почесать его за ухом. Потом заглянула мне за спину, на пол и расставленные на нем предметы.

– Что вы делаете? – спросила она.

– Колдую, – ответил я. – А на что это еще похоже?

Она чуть улыбнулась:

– А-а, да.

Я махнул рукой на свой инвентарь:

– Попробую не допустить, чтобы новое нападение причинило кому-нибудь зло.

– Вы можете это сделать? – поинтересовалась она.

– Полагаю, что да, – кивнул я. – Надеюсь.

– Даже не верится... Я понимаю, всякое бывает, но мои друзья... Розы... – Губы ее задрожали, и глаза набухли слезами.

Я мало что мог сказать ей в утешение.

– Я постараюсь не допустить, чтобы такое повторилось. Мне очень жаль, что в прошлый раз я поспел недостаточно быстро.

Она снова опустила глаза и кивнула, не говоря ни слова. Потом судорожно сглотнула несколько раз.

– Послушай, – сказал я ей вполголоса. – Это все очень серьезно. Тебе нужно поговорить об этом. Не со мной, – добавил я, когда она подняла на меня взгляд. – С твоей мамой.

Молли покачала головой:

– Она не...

– Молли, – вздохнул я. – Жизнь бывает недолгой. И жестокой. Ты сама видела это вчера вечером. Краем глаза увидела то, с чем твой папа имеет дело постоянно.

Она промолчала.

– Даже Рыцари могут умереть, Молли, – продолжал я тихо. – Широ погиб. И с Майклом это может случиться.

Она резко подняла голову и потрясенно посмотрела на меня.

– Что ты об этом думаешь? – спросил я.

Она прикусила губу:

– Страшно...

– Вот и твоей маме страшно. Еще как страшно. Она справляется с этим, держась за окружающих ее людей. Порой слишком крепко держась. Из-за этого тебе кажется, будто она воспринимает тебя как маленькую. Возможно, отчасти оно и так. Но это не потому, что она помешана на контроле. Это потому, что она вас всех очень любит – тебя, и папу, и всех вас – и боится, что с вами может случиться что-то плохое. Она отчаянно пытается сделать все, что в ее силах, чтобы сбересть вас всех.

Молли не ответила и не подняла глаз.

– Жизнь коротка, – повторил я. – Слишком коротка, чтобы тратить ее на глупые ссоры. Я не говорю, что твоя мама идеальна, потому что, видит Бог, это не так. Но черт подери, Молли, у тебя такая семья, ради какой люди вроде меня на что угодно пошли бы. Тебе кажется, что твои родные будут с тобой и дальше, но может выйти иначе. Жизнь никогда и ничего не гарантирует.

Я помолчал, давая этим словам дойти до ее сознания.

– Я обещал твоему папе, что попрошу тебя поговорить с мамой. Я сказал ему, что сделаю все, что в моих силах, чтобы вы с ней решили свои проблемы.

Она посмотрела на меня, беззвучно плача. Грим у нее на лице размазался окончательно.
– Ты поговоришь с ней, Молли? Хорошо?

Она неуверенно вздохнула:

– Не знаю, есть ли в этом смысл. Мы столько друг другу наговорили...

– Я не могу тебя заставить. И никто не может, только ты сама.

Она пошмыгала носом:

– Это не поможет.

– Я не жду чудес. Просто попробуй поговорить с ней. Прошу тебя.

Она набрала в грудь воздуха и кивнула.

– Спасибо, – сказал я.

Она попыталась улыбнуться, задержавшись у двери ванной.

– Молли, – спросил я, – ты в порядке?

Она кивнула, но с места не стронулась.

Я нахмурился:

– Ты хотела что-то сказать?

Она подняла на меня глаза и тут же опустила.

– Нет, – ответила она и покачала головой. – Нет, ничего, правда. Спасибо. Я быстро. –

Она шагнула в ванную, закрыла дверь и щелкнула задвижкой.

Мгновение спустя зашумела вода.

– Ух ты! – произнес у меня за спиной Боб, каким-то образом ухитрившись вложить в короткое междометие максимум эмоций. – Я и не знал, что ты любишь таких... свеженьких, Гарри!

Я свирепо оглянулся на него:

– Чего?

– Видел, какая на ней комбинация? Сдуреть можно! Нордическая блондиночка нежного возраста, но вся в пирсинге и в черном, из чего следует, что по крайней мере с одним каким-нибудь извращением она знакома. И вся такая хрупкая, и эмоциональная, и уступчивая. И разденется прямо у тебя в номере.

– Извращением? Ты не... послушай, это не... – Я едва не утратил дар речи. – Нет, Боб. Нет – и все тут. Никаких разговоров. Ей всего семнадцать.

– Ты бы не терял времени, – гнул свое Боб. – Пока порыв не угас. Куй железо, пока горячо, – я всегда так считал.

– Боб!

– Что? – невинно спросил он.

– Все совсем не так!

– Пока не так, – согласился Боб. – Но ступай к ней под душ и получишь ожившую эротическую программу с кабельного ТВ.

Я потер переносицу:

– Адские погремущки! Неудачная мысль, Боб. Совсем... неудачная, да.

– Гарри, даже зануде понятно, что девушки приходят в номер к мужчине не по простому совпадению. Пойми, все, что ей на самом деле нужно, – это...

– Боб! – рявкнул я, перебив его. – Даже если бы ей этого и хотелось, хотя на самом деле это не так, с девушкой ничего такого не произойдет. Я здесь работать пытаюсь. А ты мне не помогаешь.

– Ладно, не буду тебе мешать флиртовать с болью и смертью, – безмятежно заявил он. – Кстати, тебе лучше бы спрятать меня куда-нибудь, где я тебе не мешал бы. Скажем, на полку в душе.

Я рывком распахнул пустой платяной шкаф и сунул Боба туда. Сквозь закрытую дверцу до меня донеслись сдавленные ругательства на древнегреческом – что-то насчет овец и стри-гущего лишая.

Я отвернулся от шкафа к зеркалу и обнаружил, что вижу в нем не свое отражение, а Ласкиэль, по обыкновению прекрасную и невозмутимую.

– Этому маленькому извращенцу не отказать в некоторой логике, мой хозяин, – заметила она.

– Боб – мой маленький извращенец, – заявил я, грозно ткнув пальцем в зеркало. – И обзывать его по-всякому позволено только мне. А теперь уходи.

– Ах! – вздохнула Ласкиэль, и образ ее сделался прозрачным, а из-под него выступило мое отражение. – Занятно, впрочем, – добавила она, перед тем как пропасть совсем, – что ее парень Нельсон прямо-таки поразительно похож на тебя внешне.

А потом она исчезла. Черт подери! Демоны дурацкие. Вечно последнее слово остается за ними.

Хуже того, в ее словах имела доля правды. Уставившись в закрытую дверь ванной, я перебрал в памяти события последних двух дней и предшествующие встречи с девчонкой. Как-то так получалось, что ее отец всегда уважал меня, а мать не одобряла. Я появлялся в их доме раз в сто лет, в черном кожаном плаще, весь такой brutальный и опасный, и это в ее-то впечатлительном возрасте. Черт возьми, если уж на то пошло, одного отрицательного отношения Черити достаточно, чтобы вызвать интерес в глазах несовершеннолетней бунтарки.

Нехотя я признал, что Молли вполне могла втемашить себе в голову что-нибудь подобное. Этим же могли объясняться ее неловкое молчание и потупленный взор. Я ей, конечно, был симпатичен, но мысль о том, что это могло перерасти во что-то другое, мне в голову не приходила. Что ж, я был бы последним ублюдком, если бы стал поощрять ее фантазии, пусть даже и непреднамеренно. А может, Боб и Ласкиэль заблуждаются и на самом деле ничего такого не происходит... впрочем, юношеские страсти, помыслы и устремления – минное поле, ходить по которому следует с большой опаской.

При всей своей привлекательности Молли все-таки оставалась еще совсем ребенком – более того, ребенком моего друга. Ее болезненно затронули все эти события. Это тревожило меня, и я хотел подействовать ей – просто теперь приходилось еще и помнить о том, что мое сочувствие может быть неправильно понято. У девочки возникли проблемы, и она нуждалась в ком-то, кто мог бы помочь ей разобраться с ними. Но никак не в том, кто запутал бы их еще сильнее.

Из-под двери ванной струились завитки пара. Настоящая горячая вода. Не иллюзия.

Я тряхнул головой и занялся своей сетью.

По сравнению с другими заклятиями это состоит из большого числа компонентов, зато не является особенно сложным. Нечто похожее, только рассчитанное на длительное действие, я соорудил в квартале вокруг своего дома с целью засечь любое приближающееся потустороннее существо. Собственно, то же самое мне требовалось и в гостинице, только без долговременности я вполне мог обойтись. Рассвет... максимум два рассвета не оставят от него и следа, но я очень надеялся, что больше мне и не понадобится.

Я взял в руку пластилин, три свечи в деревянных подсвечниках, насыпал круг из песка так, чтобы я оказался в центре, и принялся накапливать энергию, припоминая в уме расположение на плане гостиницы точек, помеченных пластилином. Это не заняло у меня много времени. Любой обладающий элементарными магическими познаниями и устремленностью может про-делать такое – или, по крайней мере, чуть меньшего масштаба. Сооружение сети, охватывающей здание, требует усилий, так сказать, тяжеловеса, однако технически это несложно, так что минут через пятнадцать я укрепил в уме пространственную схему энергетических точек и связей и прошептал:

– Magius, orbis, spiritus oculus.

Произнося эти слова, я сообщил им заряд моей воли, и тело на мгновение захлестнуло поток покалывающей энергии, которая хлынула по рукам в кусок пластилина и завилась тугими спиралями вокруг свечей, исполнявших функцию индикаторов. Энергия заклęcia вспыхнула, слетелась к фитилям струйками крошечных искорок, и свечи занялись ровным огнем. Произнеся заклинание, я разрушил песочный круг, и связанная им энергия разлетелась по гостинице, соткавшись в задуманную мной паутину невидимых лучей, – так мгновенно вспухает на морозе, обрастая кристалликами льда, замысловатая снежинка.

Я чуть пошатнулся, когда энергия заклęcia покинула меня, оставив за собой быстро проходящее ощущение слабости. С минуту я сидел, опустив голову и тяжело дыша.

– Ух ты! – восхитилась Мёрфи. Я поднял глаза и увидел, как она закрывает за собой дверь. – Что это ты такое делал?

Я неопределенно махнул рукой.

– Если нехорошая сила, – выдохнул я, – покажется в гостинице, заклęcie ее почувствует. – Я ткнул пальцем в свечи. – Возьми одну. Если вдруг разгорится ярко, значит у нас гости.

Мёрфи нахмурилась, но кивнула:

– Сколько времени это нам даст?

– Немного, – признался я. – Пару минут – может, меньше. Может, сильно меньше.

– Три свечи, – сказала Мёрфи. – Одна тебе, одна мне, и...

– Я подумал, не согласится ли Роулинс взять одну.

– Он здесь? – спросила Мёрфи.

– Нутром чую, здесь, – ответил я. – Он, похоже, из тех, кто не закрывает глаза на то, чего не понимает.

– А еще он, похоже, из тех, кого вчера ранили. Его никак не могли послать на дежурство сюда.

– И в больницу не могли, – возразил я.

– Тоже верно, – согласилась Мёрфи.

Я чуть перевел дух.

– Что в кино у Пелла? – спросил я.

Мёрфи кивнула и, подойдя к свечам, взяла одну:

– Ничего. Там все наглухо заперто. На главном входе висячий замок, черный ход на запоре. И объявление на двери, что они закрыты до дальнейшего уведомления.

Я хмыкнул:

– Можно было бы ожидать, что Пелл из всех сил будет стараться держать свое заведение открытым, пока конвент дает львиную долю его прибыли, – даже пока сам он валяется в больнице. Черт, особенно пока он в больнице.

– Может, он не доверяет никому вести дела в свое отсутствие?

– Зато у него есть кто-то, кому он доверил закрыть кинотеатр, – возразил я. – Не сходится. Пелл ведь не запер его сразу после нападения.

Мёрфи нахмурилась, однако возражать не стала.

– Я пыталась дозвониться до Пелла, чтобы спросить об этом, но сиделка сказала, что он спит.

Я запустил пятерню в волосы, обдумывая сложившуюся ситуацию.

– Все любопытнее и любопытнее, – сказал я. – Мы что-то здесь упускаем из виду.

– Что, к примеру? – поинтересовалась Мёрфи.

– Еще одно действующее лицо, – ответил я. – Кто-то, кого мы пока не видели.

Мёрфи задумчиво повертела в пальцах свечу:

– Возможно. Однако если воображать невидимых налетчиков или тайных заговорщиков, то можно запросто впасть в паранойю.

– Это не обязательно подозреваемый, – заметил я. – Может, это еще один мотив.

– Например? – спросила она, и я буквально увидел, как вращаются колесики у нее в голове, приведенные в движение моей репликой.

– На первый взгляд нападения фагов кажутся довольно нехитрыми. Вроде... допустим, нападения акул. Кто-то голодный выскакивает, хватается за жертву, пожирает и убегает. Естественный процесс. Точнее, сверхъестественный – но такой же.

– Но нападения-то не хаотичны, – возразила Мёрфи. – Кто-то посылает фагов в одно и то же конкретное место. Тот же, кто пытался остановить тебя с помощью магии, когда ты вмешался.

– Что наводит на очевидный вопрос... – начал я.

– Зачем вообще это нужно? – договорила за меня Мёрфи.

Я хлопнул левой рукой в перчатке по бедру.

– Смотри-ка сюда, – сказал я и тут же симитировал короткий удар правой.

– Обманка, – произнесла Мёрфи, прищурившись. – Отвлекающий маневр. Но от чего отвлекающий?

– Очевидно, от чего-то, что еще хуже смертоносных, меняющих облик сверхъестественных хищников, – задумчиво произнес я. – От чего-то, чему нам хотелось бы помешать еще сильнее.

– И что это может быть? Варианты?

Я потрянул головой и пожал плечами:

– Не знаю. Во всяком случае, пока.

Мёрфи поморщилась:

– Все зависит от тебя – останется ли это паранойей или станет чем-либо более конкретным.

– Если я ошибаюсь, это всего лишь паранойя, – хмыкнул я.

Мёрфи оглянулась через плечо и поежилась:

– Угу. – Она посмотрела на меня, расправила плечи и сделала глубокий вдох, успокаивая дыхание. – Ладно. Что ты задумал? Я так полагаю, у тебя уже есть в голове кое-какие планы на эти одну-две минуты с момента предупреждения?

– Да, – кивнул я.

– Какие? – спросила она.

– Тут много своего рода технических моментов, – замялся я.

– Попробую сообразить, – настаивала Мёрфи.

Я кивнул:

– Любому, кто хочет перейти из мира духов в мир смертных, придется проделать ряд процедур. Ему нужно определить отправную точку, точку назначения и количество энергии, необходимое для перемещения. Потом ему нужно открыть портал, набрать в Небывальщине эктоплазмы и потратить еще изрядное количество энергии, чтобы слепить себе из нее физическое тело.

Мёрфи нахмурилась:

– Что ты называешь точками отправления и назначения?

– Связи, – объяснил я. – Что-то вроде вех. Обычно создание, которое ты призываешь из Небывальщины, и является для себя отправной точкой. А пунктом назначения, соответственно, – тот, кто открывает ему дорогу.

– Таким пунктом назначения может стать любой? – спросила она.

– Нет. – Я покачал головой. – Ты не можешь призвать ничего, что не... – Я наморщил лоб, подыскивая слова. – Ты не можешь призвать никого, кто не имеет никакого отражения в твоей

душе... в ком нет ничего такого, что вас хоть как-то связывало бы. Если тебе нужны злобные, вредные, жадные существа, в тебе самом должно иметься хоть немного злости, вредности и жадности.

Она кивнула:

– Скажи, а проход обязательно отворять с этой стороны?

– Как правило, – подтвердил я. – Чтобы открыть его с той стороны, придется чертовски сильно попотеть.

– Валяй дальше.

Я поделился с ней своим планом: обратить фагов на того, кто их призывает.

– Мне это нравится, – заявила она. – Использовать против них их же монстров. Но тогда что делать мне?

– Выигрывать мне время, – ответил я. – В тот момент, когда фаг или фаги переходят из одного мира в другой, они уязвимы. Если тебе удастся увидеть одного такого и отвлечь его внимание, это подарит мне больше времени, чтобы перенацелить его на призывающего. А еще есть вероятность, что мое заклинание не сработает. Если все обернется таким образом, ты окажешься достаточно близко к месту событий, чтобы помочь эвакуировать людей, а может, даже прикрыть их.

Мёрфи собиралась что-то сказать, но помедлила и обернулась:

– Гарри. У тебя что, кто-то в душе?

– Э... Да, – сказал я и почесал затылок.

Она выразительно изогнула бровь и подождала, но я воздержался от объяснений. Может, так я мстил за ее беспощадную откровенность там, в лифте.

– Что ж, ладно, – сказала она и взяла свечи. – Спустишь и поищу Роулинса. Если не найду, возьму кого-нибудь из моих, из ОСР.

– Что ж, неплохо, – согласился я.

Мёрфи вышла, оставив меня складывать перенацеливающее заклятие. Это не заняло много времени.

Мыш вдруг поднял голову, а секунду спустя кто-то постучал в дверь. Я подошел и открыл.

За дверью стояла Черити в джинсах и вязаной кофте поверх легкой хлопчатобумажной блузки. Лицо ее застыло, плечи свело от напряжения. При виде меня, правда, лицо ее сделалось более отрешенным, нейтральным – она все-таки хорошо владела собой.

– Добрый вечер, мистер Дрезден.

Должно быть, более дружеского приветствия от нее мне и ожидать не стоило.

– Добрый, – отозвался я.

Рядом с ней стоял пожилой мужчина чуть ниже среднего роста, с коротко и аккуратно остриженными остатками седых волос. Глаза у него были голубые, как яйца дрозда. Впечатляюще крепкое сложение, черные брюки и черная же рубашка. Шею облегал накрахмаленный белый воротничок. Увидев меня, человек улыбнулся и протянул руку.

Я с улыбкой пожал ее, – видит Бог, улыбка моя была совершенно искренняя.

– Отец Фортхилл! Вы-то что здесь делаете?

– Гарри, – přátельски отозвался он. – Так сказать, оказываю моральную поддержку.

– Он мой юрист, – добавила Черити.

– Правда? – удивился я.

– Правда, – улыбнулся Фортхилл. – Я получил диплом еще до того, как принял сан. Да и позже занимался этими делами по просьбе прихожан. И подрабатывать иногда приходится.

– Юрист, – пробормотал я. – И священник. Как-то не сочетается.

Фортхилл рассмеялся:

– Оксюморон, не без этого.

– Эй, я не просил обзывать, – ухмыльнулся я. – Так чем я могу помочь?

– Молли должна была ждать нас внизу, – ответила Черити. – Но мы ее там не нашли. Вы не знаете, где она?

Все силы Вселенной, похоже, ополчились на меня. Задай Черити этот вопрос секунд на десять раньше, и все обошлось бы. Вместо этого дверь ванной распахнулась, и из нее в облаках пара выскользнула Молли. Одно полотенце она накрутила тюрбаном на волосы, вторым таким же обернулась на манер саронга. С учетом размера гостиничных полотенец и несомненных достоинств Молли не могу сказать, чтобы картина вышла слишком целомудренная.

– Гарри, – сказала она. – Я тут в сумке забыла... – Она осеклась и уставилась на Черити.

– Это... э... не то, что вам... – начал я, повернувшись к Черити.

Глаза ее вспыхнули ледяной праведной яростью. Я успел еще вспомнить цитату из Киплинга насчет того, что, какой биологический вид ни возьми, самки всегда окажутся опаснее самцов, а потом правый кулак Черити вошел в соприкосновение с моим подбородком.

Свет вспыхнул у меня перед глазами, и я обнаружил себя лежащим на спине, а потолок надо мной слегка вращался.

– Мама, – потрясенно пробормотала Молли.

Я поднял глаза и увидел, как отец Фортхилл крепкими пальцами удерживает запястье Черити, не позволяя ей ударить меня еще. Она гневно повернулась к нему, но он сжал ее руку сильнее, и в конце концов она чуть заметно кивнула и сделала шаг назад, в коридор.

– Одевайся, – скомандовала она Молли тоном, не оставляющим места для пререканий. – Мы уезжаем.

Вид у девицы был такой, будто она вот-вот развалится на части. Она схватила свою сумку, нырнула в ванную и почти сразу же вернулась одетая.

– Ничего такого не было, – сказал я. Точнее, попытался сказать, но получилось что-то вроде «Нччгго тквво нббл».

– Возможно, мне и не удастся не подпускать вас к моему мужу, – ледяным тоном, с безукоризненной дикцией произнесла Черити. – Но если я еще хоть раз увижу вас вблизи кого-либо из моих детей, я вас убью. Спасибо, что позвонили.

Она вышла. Молли покорно поплелась за ней.

– Ничего такого не было, – повторил я, обращаясь к Фортхиллу. На сей раз это прозвучало почти по-человечески.

Он вздохнул и посмотрел им вслед:

– Я вам верю. – Он одарил меня улыбкой – на четверть ироничной и на три четверти извиняющейся – и вышел вслед за ними.

Должно быть, Мёрфи встретила с ними, когда те еще только подходили к моему номеру. Она возникла в дверях, обвела взглядом комнату и обернулась в направлении, в котором ушла Черити.

– Ага, – хмыкнула она. – Ты в порядке?

– Более или менее, – вздохнул я.

Ее губы чуть дернулись, но она сдержала улыбку и тем более не рассмеялась.

– Мне кажется, ты мог бы этого ожидать, – заметила она.

– Не издевайся, – буркнул я. – Больно ведь.

– С тобой бывало и хуже, – бессердечно заявила Мёрфи. – И поделом тебе за то, что выпускаешь маленьких девочек в свой гостиничный номер. А теперь вставай. Я жду внизу.

И тоже ушла.

Мыш прилепал ко мне и принялся облизывать мне подбородок, на котором, я чувствовал, вспухал хороший синяк.

– Плохо у меня получается с этими женщинами, – сказал я ему.

Мыш сел и распахнул пасть в собачьей ухмылке. Я со стоном заставил себя подняться на ноги и принялся готовить свое перенацеливающее заклятие. Солнце за окном клонилось все ближе к горизонту.

Глава 24

Закрыв после ухода Мёрфи дверь, я торопливо занялся заклятием-оповещением – на счету была каждая секунда. На то, чтобы перенацелить фагов, у меня имелась только одна попытка, и я заканчивал все приготовления в лихорадочной спешке.

Ничего не происходило.

Солнце село, оставив меня в темноте, – включить свет я поленился.

По-прежнему ничего не происходило.

Я стоял на коленях в своем круге из песка до тех пор, пока у меня не затекли ноги, а колени, казалось, начали погружаться в расплавленный свинец.

И по-прежнему – ничего.

– Ох, ну давай же! – рычащим тоном проговорил я. – Валяй уже, нападай.

Лежавший у двери Мыш вздохнул.

– А ты заткнись, – сказал я ему.

На короткую передышку я не решался. Если нехорошие парни сделают ход в тот момент, когда я окажусь неготовым, могут пострадать люди. Поэтому я оставался на коленях, хоть это и было жуть как неудобно, и отчаянно матерился про себя. Чтоб его приподняло да шмякнуло, этого дурацкого злоумышленника... Какого черта он ждет? Любой уважающий себя злодей напустил бы в дом монстров еще несколько часов назад.

Мыш стукнул хвостом о стену. Почти сразу же щелкнул замок, и дверь отворил Роулинс. На этот раз он был в джинсах и рубашке с длинными рукавами, скрывавшими повязку на раненой руке; в другой руке он держал мою свечу. Темнокожий крепыш наклонился и протянул руку Мышу – тот вежливо понюхал ее и снова вильнул хвостом.

– Эй, – окликнул меня Роулинс, не отходя от двери, – Дрезден!

– Здесь, – буркнул я.

Роулинс похлопал по стене, пока не нашел выключатель, и врубил свет. С минуту он пристально смотрел на меня, медленно поднимая брови.

– Так-так. Не каждый день такое увидишь.

Я поморщился:

– Значит, Мёрфи вас нашла-таки.

– Почти как настоящий детектив, – ухмыльнулся Роулинс.

– Ваш босс знает, что вы здесь? – спросил я.

– Пока нет, – отозвался он. – Но думаю, кто-нибудь да заметит меня рано или поздно и доложит боссу.

– Вряд ли он обрадуется, – заметил я.

– Авось переживу. – Он осторожно помахал в воздухе свечой. – Мёрфи послала меня проверить, живы ли вы.

– Боюсь, мне придется вправлять колени, – пожаловался я. – Не думал, что это затянется так надолго.

– Так-так, – повторил Роулинс. – Вы ведь не из этих, из сатанистов, нет?

– Нет, – ответил я. – Скорее, вроде пифагорейца.

– Пих... кого?

– Это который изобрел треугольники.

– А-а, – кивнул Роулинс так, словно это все объясняло. – Итак, чем вы тут занимаетесь?

Я объяснил, хотя сомневаюсь, что он принял на веру мои слова. Не вызываю я стопроцентного доверия, что поделать.

– Только я ожидал нападения раньше.

– С психами никогда не знаешь заранее, – согласился Роулинс. – Никакого уважения к людям.

Я почесал щеку и понял, что страдаю от голода, жажды, усталости и боли, а еще не воспользовался должным образом ванной. И что самое обидное, шансов исправить это в ближайшее время у меня никаких, потому что я не имею права расслабиться.

– Ладно, – сказал я. – Будем умнее. Переведите дух пока.

Я наклонился и разрушил круг, сдвинув рукой тонкую полоску песка и высвободив тем самым накопленную энергию заклятия. По крайней мере один раз я это уже проделал – во второй раз все должно получиться легче.

Я предпринял попытку встать, но ноги прикинулись шлангами и отказались слушаться. Поморщившись, я повернулся к Роулинсу:

– Поможете мне?

Он поставил свечу на стол и помог мне встать. Пару секунд я угрожающе пошатывался, но все же смог дотащиться до ванной и обратно.

– Вы в порядке? – спросил Роулинс.

– Вполне. Передайте Мёрфи, пусть держит ухо востро.

Роулинс кивнул:

– Мы будем внизу. – Он помолчал немного. – Надеюсь, все случится скоро. Там что-то вроде конкурса костюмов.

– Противно?

– Много всякой глупости, а кое-что вообще не стоило бы надевать.

– Вызовите полицию моды, – предложил я.

Роулинс мрачно кивнул:

– Это уже за гранью.

– Сделайте милость, – попросил я его, – выведите Мыша прогуляться, а?

Я выудил из заднего кармана штанов несколько купюр и протянул сержанту:

– И будьте добры, купите ему пару хот-догов, что ли.

– Легко, – кивнул Роулинс. – Люблю собак.

Мыш забарабанил хвостом по стене.

– Только кукурузные чипсы ему не давайте, ладно? А то у меня здесь противогаза нет.

Роулинс кивнул еще раз:

– Идет.

– И смотрите в оба, – напомнил я. – Передайте Мёрфи, я через пару минут снова задействую все эти штуки.

Роулинс хмыкнул и вышел с Мышем.

Я захватил с собой в рюкзаке пакетик сухофруктов, немного копченого мяса и шоколад. Теперь я достал их и принялся запихивать в рот все разом, расхаживая взад-вперед по номеру, чтобы размять ноги. Постоянная готовность к нападению напрягает не только нервы. Голову как будто обмотали слоем ваты, да и прочие ощущения как-то странно исказились: углы казались более острыми, кривые линии – более изогнутыми, из-за чего нормальный гостиничный номер производил впечатление наброска к картине Эшера. И я ничего не мог с этим поделать. Основные усилия при занятии магией приходятся на мозг, так что продолжительное поддержание заклятия часто сопровождается не очень приятными побочными эффектами.

Я торопливо дождался еду, как следует запил ее на случай, если мне придется проторчать здесь еще несколько часов, и, вернувшись в круг, приготовился его замкнуть.

И тут зазвонил стоявший в номере телефон.

– Дежавю, – буркнул я сам себе.

Я поднялся, скрипнув коленями, и подошел к телефону.

– Таксидермия Дрездена, – сказал я в трубку. – Вы несете, мы набиваем.

На мгновение в трубке воцарилась потрясенная тишина, потом молодой мужской голос произнес:

– Э... Это Гарри Дрезден?

Я узнал его – бойфренд Молли, Нельсон. Уши у меня, так сказать, мгновенно стали торчком.

– Он самый, – произнес я.

– Это...

– Я понял, кто это, – перебил я. – Откуда ты узнал, где я?

– Сандра, – ответил он. – Я ей на мобильник позвонил. Она сказала, что вы взяли номер.

– Так-так. И зачем ты мне звонишь?

– Молли говорила... говорила, вы помогаете людям. – Он помолчал, переводя дыхание. –

Кажется, мне нужна ваша помощь. Опять.

– Почему? – спросил я, решив задавать общие вопросы, которые не позволят ему отвечать просто и односложно. – Что происходит?

– Прошлой ночью, во время нападения. Мне кажется, я кое-что видел.

Я вздохнул.

– Ну да, там всякое творилось, – согласился я. – Но если ты видел кое-что, парень, ты свидетель преступления. Тебе надо выбраться на белый свет и работать с копами. Они не очень любят тех, кто уклоняется, когда они хотят порасспрашивать об убийстве.

– Но мне кажется, кто-то... что-то меня преследует, – сказал Нельсон. Голос его неуверенно дрогнул. – Послушайте, они ведь всего-навсего копы. У них есть пистолеты... и все. Не уверен, что они мне помогут. Я надеялся, вы сможете.

– Почему? – повторил я. – Что ты такого увидел?

– Нет, – выдохнул он. – Не по телефону. Мне нужно с вами встретиться. Мне нужно, чтобы вы пообещали мне помочь. Тогда и расскажу.

Ага. Всю жизнь только об этом и мечтал.

– Послушай, парень...

Голос у Нельсона сделался вдруг совсем сдавленный от удушливого страха.

– О боже! Я не могу здесь оставаться. Пожалуйста. Пожалуйста...

– Ладно, ладно, – произнес я как можно тверже и увереннее. Паренек явно боялся – до мозга костей, до безумия. Такой страх лишает возможности разумно мыслить. – Слушай меня внимательно. Держись с людьми: чем больше народа рядом, тем лучше. Ступай в церковь Святой Марии Всех Ангелов. Это освященная территория, там ты будешь в безопасности. Спроси отца Фортхилла. Такой почти лысый дядя в очках, с ярко-голубыми глазами. Расскажи ему все и передай, что я подъеду забрать тебя, как только смогу.

– Да-да, конечно; спасибо, – почти в истерике выпалил Нельсон. Послышался стук, и я услышал удаляющийся топот бегущих ног по асфальту. Он даже не повесил трубку на рычаг, с такой скоростью рванул с места.

Я прикусил губу. Парень явно угодил в переплет или, по крайней мере, искренне верил, что угодил. Если так, значит он и вправду видел прошлой ночью что-то такое, из-за чего кому-то очень важно найти его и убить. С другой стороны, не исключено, что его свидетельства могли бы помочь мне разобраться в том, что же, черт подери, происходит. Я почувствовал укол беспокойства. Освященная территория – серьезное препятствие для тварей, которые намерены вломиться к вам под покровом ночи – или, в данном конкретном случае, крушить, кромсать и резать, – серьезное, но не неодолимое. Если парнем заинтересовались крутые сверхъестественные силы, как знать, может, они способны прорваться и в церковь.

Черт, но у меня-то какой выбор? Оставь я свой пост в гостиничном номере, и события вчерашней ночи покажутся по сравнению с новым нападением увеселительной прогулкой. Чего такого он мог увидеть, что могло бы послужить поводом убить его? И какого черта его преследуют? Я чувствовал себя так, словно блуждал в крошечной темноте в незнакомом доме. Я размазался слишком тонким слоем. Если мне не удастся найти новые куски мозаики и сложить их воедино – причем как можно быстрее! – погибнет еще больше людей.

Я мог находиться одновременно только в одном месте. Если мальчишка попал в серьезный переплет, в церкви у Фортхилла ему будет безопаснее, чем где бы то ни было, если не считать моей защищенной сильными оберегами квартиры. А тем временем целая толпа других подростков вот-вот может стать новым блюдом в буфете у фобофагов. Значит, надо действовать там, где от меня больше пользы. Холодный, жестокий выбор, но справедливый. С Нельсоном я пообщаюсь после того, как разберусь с делами в гостинице.

Я снова опустился на колени, старательно замкнул круг и принялся складывать перенацеливающее заклятие.

Последняя оставшаяся на столе сигнальная свеча вдруг вспыхнула зловещим багровым светом. Одновременно я почувствовал в воздухе тяжелую пульсацию там, где нити моей паутины уловили движение мощной магии, – мои мысли, мое внимание нацелились на коридор в задней части здания, недалеко от кухни, на коридор за пределами тренажерного зала, и тут же два новых сигнала пришли со стороны одной из душевых.

Четверо нападающих. Как минимум четверо.

На то, чтобы привести заклятие в действие, у меня оставалось десять секунд.

Девять.

Может, и меньше.

Восемь.

Я с головой погрузился в заклятие.

Семь.

Быстрее, быстрее нужно!

Шесть.

И точнее – с первого раза попасть.

Пять.

Если я облажаюсь, поплатится кто-то другой.

Четыре.

Дорого заплатит, кровью.

Три.

Два.

Один...

Глава 25

Я готовил заклятие почти в панике – боясь, что опоздал, что ошибся в чем-то жизненно важном, что из-за этого пострадает или погибнет еще больше невинных людей.

Собственно, так все и должно быть. Если я хочу, чтобы фаги отвернулись от своей добычи, уловив источник еще более интенсивного страха, этот страх должен откуда-то исходить. А точнее, от меня. Попробуй я подделывать эмоции, и это вызовет у них не больший интерес, чем у гориллы – пластмассовый банан. Страх должен быть самым что ни на есть настоящим.

Но конечно, так бояться я не планировал. То, что меня застали почти врасплох и отвели на все про все столь мало времени, изрядно прибавило мне эмоций, доведя почти до истерики.

Заклятие высвободилось, и время словно замерло.

В этом иллюзорном затишье мои чувства обострились до предела, будто охваченные огнем. Угроза, входящая в материальный мир, задевала нити моей незримой паутины, рвала их, и это отдавалось почти болью в моих натянутых, как струны, нервах. Энергия заклęcia горела невидимой звездой перед моими выставленными вперед руками, и переполнявший меня страх лился в него, добавляя взрывчатой силы. А по выстроенным мною невидимым линиям струились к нарушителям границы потоки моего страха, отвлекая внимание, уводя от намеченных целей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.